

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Совет каждому, кто еще не погружался в миры
Брендона Сандерсона: окажите себе услугу
и начните с «Элантриса».

Fantasy Book Review

Элантрис

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Элантрис

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Элантрис / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20706-6

Величественный Элантрис, город богов, средоточие магии, мудрости и несказанной красоты, был подобен серебряному костру, горящему в вечности. Стать элантрийцем и уподобиться богам мог любой человек, которого касался шаод – таинственное преобразование, наделяющее избранных волшебной силой. Вечность закончилась десять лет назад. Прекрасный город пал, а благословение шаода обернулось проклятием. Новая столица Арелона, маленький Каи, живет в тени черных стен Элантриса, стараясь не замечать города, ставшего резервацией для тех несчастных, кого по-прежнему забирает шаод. Но очередной жертвой оказывается Раоден, наследный принц Арелона...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20706-6

© Сандерсон Б., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Тени Элантриса	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	75
Глава 10	81
Глава 11	90
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Брендон Сандерсон

Элантрис

© И. И. Колесникова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моей матери, которая хотела, чтобы я стал врачом, взамен получила писателя, но не жалуется, потому что все равно меня любит.

(Очень сильно.)

Пролог

Когда-то Элантрис был прекрасен. Его называли городом богов – великолепным местом, где обитали могущество и магия. Побывавшие там рассказывали, что за его стенами скрываются невероятные чудеса, а сам город чрезвычайно красив. Элантрис блистал во всех отношениях: даже камни, из которых были сложены дома, мерцали мягким светом, и по ночам серебряное сияние разливалось далеко вокруг.

И все же, как ни прекрасен был Элантрис, главным чудом оставались населявшие его люди. Блеск их белоснежных волос затмевал блеск алмазов, их кожа напоминала серебристый металл, – казалось, величественное сияние города нашло отражение в его жителях. Легенды утверждали, что элантрийцы бессмертны или, по крайней мере, близки к этому. Их раны и болезни быстро исцелялись, и они обладали немалой проницательностью, силой и проворством. Волшебство в Элантрисе творилось малейшим взмахом руки; люди со всего Опелона приезжали туда в поисках лечения и мудрого совета. Элантрийцы были равны божествам.

И любой человек мог стать таким же.

Шаод – так называлось превращение. Оно совершалось внезапно – обычно по ночам, в те таинственные часы, когда жизнь замирает. Шаод мог случиться с нищим и ремесленником, человеком благородного происхождения и простым солдатом. Когда это происходило, прежняя жизнь счастливчика заканчивалась и начиналась новая; он отказывался от обыденности своего бывшего существования и переезжал в Элантрис. В Элантрис, где он жил в блаженстве, наслаждался плодами мудрого правления и был почитаем вечно.

Десять лет назад вечность подошла к концу.

Часть первая. Тени Элантриса

Глава 1

Однажды рано утром принц Раоден Арелонский проснулся, отнюдь не подозревая, что проклят навеки. Раоден сел в кровати, сонно моргая: в окна лился мягкий утренний свет. За распахнутыми дверьми балкона открывался бескрайний вид на Элантрис; стены его твердыни нависали над примостившимся рядом городком Каи. Они подымались на невероятную высоту, но еще выше возносились верхушки черных башен за ними. Их обломанные шпили, подобно безмолвным часовым, стояли на страже скрытого от глаз бывшего величия.

Сегодня покинутый город выглядел мрачнее обычного. Раоден рассматривал его несколько мгновений, потом отвел взгляд. Трудно было не замечать огромные элантрийские стены, но жители Каи старались делать именно это. С болью вспоминалась им красота города, с недоумением – то, как благо шаода вдруг обернулось проклятием.

Думая об этом, Раоден выбрался из постели. Для столь раннего часа было необычайно тепло – он даже не успел замерзнуть, пока натягивал мантию. Раоден пожал плечами и потянул шнур колокольчика рядом с кроватью, давая слугам знать, что пора подавать завтрак.

Еще одна странность: он был очень голоден. Раоден не любил обильных завтраков, но сегодня проснулся с волчьим аппетитом и не мог дожидаться, когда принесут еду. В конце концов принц решил послать кого-нибудь с приказом поторопить поваров.

– Йен? – крикнул он в неосвещенные покои.

Ответа не последовало. Раоден нахмурился, недоумевая, куда подевался его сеон.

Принц встал, и снова его взгляд невольно потянулся к окнам. Накрытый тенью великого города, Каи казался незначительной деревушкой. А сам Элантрис... Огромный, черный, как эбеновое дерево, лабиринт домов и улиц напоминал остов некогда живого существа. Раоден поежился.

В дверь постучали.

– Наконец-то, – с облегчением произнес Раоден, открывая дверь.

За ней стояла старая Элао с подносом фруктов и теплого хлеба.

Стоило Раодену потянуться за подносом, как руки служанки разжались и тот с грохотом полетел на пол. От далеко разнесшегося в утренней тишине эха у Раодена зазвенело в ушах.

– Доми милостивый! – с ужасом прошептала Элао.

Ее дрожащие пальцы сжали на шее амулет Корати.

Раоден протянул было к ней руку, но служанка отпрянула. Подгибающиеся ноги плохо ее слушались, и в спешке она чуть не споткнулась о небольшую дыню.

– Что? – спросил Раоден.

И тут он увидел свою руку. В мерцающем свете коридорных фонарей Раоден смог разглядеть то, что оставалось не замеченным в полумраке комнаты.

В отчаянии принц ринулся к высокому зеркалу на стене, раскидывая с дороги мебель и спотыкаясь. В слабом утреннем свете из глубин зеркала на него смотрело отражение незнакомца.

Карие глаза остались прежними, хотя сейчас были широко распахнуты от страха. Волосы сменили цвет с русого на пепельно-серый. Но сильнее всего изменилась кожа: лицо в зеркале покрывали черные пятна, похожие на свежие синяки. Пятна, которые могли означать только одно.

Шаод настиг и его.

Грохот захлопнувшихся за спиной ворот Элантриса прозвучал финальным аккордом. Раоден прислонился к ним спиной и попытался собраться с мыслями.

Ему казалось, что воспоминания о событиях сегодняшнего утра принадлежат кому-то другому, настолько невероятным было то, что с ним произошло. Король Йадон, не встречаясь глазами с сыном, приказал жрецам приготовить его и вышвырнуть в Элантрис. Все прошло без лишнего шума; Йадон не мог позволить просочиться за пределы дворца новости о том, что наследный принц стал элантрийцем. Случись с ним шаод десять лет назад, Раодена сейчас бы приветствовали как бога. Но теперь от шаода не ждали почестей и прекрасной серебристой кожи; вместо этого он приносил омерзительный облик чудовища и людское презрение.

Раоден покачал головой, он никак не мог поверить в случившееся. Шаод поражал других людей – далеких от него, которые того заслуживали. Только не наследного принца Арелона. Не Раодена.

Перед ним простирался Элантрис. На высоких стенах высились караульные помещения и дежурили часовые, но они находились там не для защиты города от врагов. Их главной задачей было не дать обитателям сбежать. Со времен реода каждого, с кем случался шаод, выбрасывали догнивать за ворота: погибающий город служил обширным склепом для тех, чьи тела лишились способности умирать.

Раоден помнил, как однажды стоял на этих стенах, глядя вниз на отвратительных жителей Элантриса, точно так же как сейчас солдаты разглядывали его самого. Тогда черные улицы города казались ему очень далекими, хотя и тянулись прямо у него под ногами. Помнится, он лениво размышлял о прогулке по ним.

Теперь судьба подкинула ему такую возможность.

Раоден толкнулся было в ворота, как будто пытаясь пройти сквозь них. На мгновение у принца промелькнула безумная надежда, что ему удастся вырваться на свободу и оставить позади поселившееся в крови проклятие. Но чуда не произошло, и он застонал в бессильном отчаянии. Ему хотелось свернуться в комок на жестких, грязных камнях и ждать – ждать, когда пробуждение избавит его от дурного сна. Только Раоден знал, что никогда не проснется. Жрецы сказали, что у этого кошмара конца не будет.

И все же что-то поддерживало его, не давая окончательно опустить руки. Шаод завладел его телом, но сломить дух принца было не так легко. Его единственной опорой перед лицом грозящих поглотить разум отчаяния и жалости к себе оставалась гордость, и Раоден высоко поднял голову, решив поглядеть в глаза собственной судьбе.

Раньше, когда Раоден смотрел сверху вниз со стен Элантриса на его жителей, он видел заполонившую город грязь. Теперь он стоял в ней.

Любую поверхность – от стен зданий до многочисленных трещин на мостовой – покрывал толстый слой грязи. Слизкое, маслянистое вещество полностью уничтожило прежний блеск Элантриса, и в городе воцарился черный цвет. Только кое-где его уныние разнообразили зеленые пятна, напоминающие сточные воды.

Но к чему взгляд с городских стен никак не мог подготовить Раодена, так это к близкой встрече с элантрийцами. Около дюжины человек лежали вповалку на зловонных камнях площади. Другие сидели в оставленных ночным дождем лужах темной воды, не замечая сырости. А может, им было уже все равно. И все они стонали. Большинство страдальцев тихо причитали и всхлипывали от неведомой боли. Но одна женщина на дальнем конце площади долго заходилась криком непритворной муки и затихла, только когда закончился воздух в ее легких.

Почти все жители носили истрепанные одежды, настолько вымазанные уличной грязью, что об их первоначальном цвете было трудно судить. Однако, приглядевшись получше, Раоден их распознал. Он перевел взгляд на собственные похоронные одеяния: длинная развевающаяся мантия выглядела сплетенной из множества белых лент. Рукава и подол уже покрывали темные пятна; Раоден подозревал, что очень скоро его одежда перестанет отличаться от лохмотьев других элантрийцев.

«Вот что меня ожидает, – мелькали в голове Раодена панические мысли. – Перемены уже начались. Через несколько недель и от меня останется только всхлипывающий в углу живой труп».

Движение на другой стороне площади отвлекло его от унылых раздумий. Несколько элантрийцев собрались в полумраке дверного проема напротив. Раоден не мог их четко разглядеть, но казалось, они чего-то ждут; мурашки бежали по коже от тяжести их взглядов.

Он попытался прикрыть глаза от солнца и только тогда вспомнил о маленькой соломенной корзинке, которую держал в руках. В ней лежало ритуальное подношение Корати, сопровождающее мертвого в загробную жизнь или, в его случае, в Элантрис. В корзине перекатывалось несколько чахлах овощей, пригоршня зерен, ломоть хлеба и маленькая фляжка с вином. Обычно приношения мертвым были гораздо обильнее, но даже жертву шаода не следовало отпускать с пустыми руками.

Принцу вспомнились слышанные по ту сторону стен рассказы о жестокости элантрийцев, и он снова перевел взгляд на силуэты в дверном проеме. Пока что собравшиеся не двигались с места, но их пристальный интерес начинал беспокоить его.

Раоден затаил дыхание и осторожно двинулся вдоль стены к восточной стороне площади, стараясь не привлекать к себе внимания. Он чувствовал, что наблюдение не прекращается, но никто за ним не последовал. Через несколько шагов дверной проем скрылся из виду, а еще через секунду принц оказался на одной из улиц.

Раоден с облегчением вздохнул; его не отпускало ощущение, что он только что избежал опасности, хотя и не мог сказать, какой именно. После нескольких глубоких вдохов он окончательно убедился, что погони за ним нет, и почувствовал себя глупцом из-за поднятой им ложной тревоги. Ведь до сих пор никакого подтверждения слухам об Элантрисе ему не встретилось. Раоден покачал головой и пошел дальше.

Вонь стояла такая, что уже через несколько шагов у него защипало в глазах. Густая слизь, которая покрывала все вокруг, источала гнилостный запах прокисших грибов. Вонь настолько донимала Раодена, что он, не глядя, куда идет, чуть не наступил на скорчившегося у стены одного из домов старика. Тот в ответ жалобно застонал и протянул иссохшую руку. Раоден пригляделся получше, и от увиденного мороз побежал по коже: «старик» было не больше шестнадцати. Кожу перемазанного сажей жалкого существа покрывали темные пятна, но лицо принадлежало ребенку, а не взрослому. Раоден невольно отшатнулся.

Мальчик, как будто понимая, что вот-вот упустит свой шанс, снова вытянул руку.

– Поешь, – промямлил он, в котором не хватало половины зубов. – Пожалуйста!

Тут рука в бессилии опустилась, и мальчик снова прислонился спиной к холодной каменной стене. Но его наполненные мукой глаза не отпускали Раодена. Принц видел во Внешних городах попрошаек, и пару раз шарлатанам удавалось обдурить его. Но этот мальчик не притворялся.

Раоден покопался в сумке, вытащил ломоть хлеба из погребальных припасов и протянул мальчишке. Парень не мог поверить своему счастью, и выражение радости на его лице испугало Раодена больше, чем отчаяние, на смену которому оно пришло. Это существо давно потеряло надежду, – похоже, он попрошайничал скорее по привычке, чем надеясь на подаяние.

Оставив мальчишку, Раоден свернул в небольшую аллею. Он рассчитывал, что после главной площади впечатление от города окажется менее удручающим, ведь грязи полагалось копиться в людных местах. Однако он ошибался: переулок просто тонул в склизкой массе.

Позади прозвучал глухой удар, и Раоден в удивлении обернулся. У входа в аллею группа людей сгрудилась вокруг лежащего на земле попрошайки. Раоден с дрожью наблюдал, как пятеро мужчин пожирают его хлеб, вырывая друг у друга куски под отчаянные крики мальчишки. В конце концов один из грабителей потерял терпение и с размаху опустил на шею мальчика самодельную дубинку. Принца передернуло от разнесшегося по пустой аллее треска.

Мужчины доели хлеб и повернулись к Раодену. Он в тревоге попятился; выходило, что он поторопился с выводом, будто за ним не следят. Пятерка медленно двинулась к нему, и Раоден, развернувшись, бросился бежать.

За спиной послышался шум погони. Раоден спотыкался от страха; принцу никогда еще не приходилось попадать в опасные переделки, и он неслся сломя голову. Он с ужасом ожидал, что вот-вот сообразит дыхание и заколет в бок, как всегда случалось с ним при сильных нагрузках, но ничего такого не произошло. Вместо этого Раодена начала охватывать нарастающая слабость, грозившая вот-вот свалить его с ног. Ощущение было крайне неприятным, как будто сама жизнь медленно вытекала из него.

В отчаянии Раоден швырнул через плечо погребальную корзинку. Неуклюжий жест лишил его равновесия, и, поскользнувшись на сколоте булыжнике, Раоден врезался в кучу гниющего дерева. По всей видимости, когда-то она была штабелем больших ящиков, и сейчас их остатки смягчили его падение.

Раоден старался поскорее выпутаться из тухлявого месива и встать на ноги; от его барахтанья по мокрой аллее разлетались щепки. Однако преследователи уже потеряли к нему интерес. Они скорчились на коленях в вонючей грязи, собирая рассыпанные по мостовой овощи и зерна и выуживая их из темных луж. Желудок Раодена свело, когда один из мужчин запустил палец в щель между камнями, подцепив больше черной жижи, чем кукурузных зерен, и засунул все это в рот. Слюна капала с его губ и стекала по подбородку, а рот напоминал кипящий на плите горшок с грязью.

Один из шайки заметил, что Раоден наблюдает за ними. Он с рычанием потянулся к висевшей на боку дубинке и без особой охоты шагнул вперед. Раоден заметался в поисках оружия, выбирая доску покрепче, сжал ее в дрожащих руках и попытался придать себе грозный вид.

Головорез замялся, но тут радостный крик позади привлек его внимание: кто-то обнаружил крошечную фляжку с вином. Поднялась возня, и про Раодена забыли; четверо погнались за счастливым – или глупцом, – сбежавшим с драгоценной жидкостью, и вскоре вся пятерка исчезла из виду.

Раоден без сил уселся на обломки. «Вот что меня ждет...»

– Кажется, они про тебя забыли, сюл, – раздался голос.

Раоден подпрыгнул от неожиданности и обернулся. На ступеньках неподалеку лениво растянулся не замеченный им раньше мужчина; его гладковыбритая голова блестела на утреннем солнце. Он определенно был элантрийцем, но перед превращением принадлежал к другой

расе, не из Арелона. Хотя лицо и руки незнакомца покрывали кричащие о шаоде черные пятна, здоровые участки кожи были не бледными, а темно-коричневыми.

Раоден напрягся в ожидании опасности, но человек не выказывал желания напасть на него. В нем также не наблюдалось признаков дряхлой немощи, как у людей на площади. Незнакомец был высоким и крепко сбитым, а его глаза говорили о немалом уме и проницательности. С задумчивым видом он продолжал изучать Раодена.

Раоден с облегчением вздохнул:

– Кем бы ты ни был, я рад тебя видеть. Я уже начал думать, что все здесь либо умирают, либо сходят с ума.

– Мы не можем умереть, – фыркнул незнакомец. – Мы и так мертвы. Коло?

Коло. Иноземное слово показалось знакомым, как и сильный акцент мужчины.

– Ты не из Арелона?

Незнакомец покачал головой:

– Я Галладон, из суверенного государства Дюладел. Но с недавних пор живу в Элантрисе – городе грязи, безумия и вечной гибели. Приятно познакомиться.

– Дюладел? Но шаод опасен только для жителей Арелона, – возразил Раоден.

Принц поднялся, стряхивая с себя щепки в различных стадиях трухлявости. Одежду покрывала слизь, и теперь сырая вонь Элантриса исходила от него самого.

– В Дюладеле смешанная кровь, сюл. Арелонцы, фьерденцы, теоданцы – там ты найдешь их всех. Я...

Раоден чертыхнулся, не дав мужчине договорить.

Галладон приподнял бровь:

– Что такое, сюл? Заноза не туда попала? Хотя, как я полагаю, подходящее место для занозы найти трудно.

– Палец на ноге болит! – ответил Раоден. Он захромал по склизкой брусчатке. – Что-то не так, я ушиб его, когда падал, а боль все не проходит.

Галладон с сожалением покачал головой:

– Добро пожаловать в Элантрис, сюл. Ты уже не человек, ты труп. Твое тело больше не может лечить себя.

– Что?

Раоден плюхнулся на землю рядом со ступеньками. Палец продолжал болеть так же сильно, как и в момент ушиба.

– Любая боль, сюл, – прошептал Галладон, – любой порез, царапина или синяк – все они останутся с тобой, пока ты не сойдешь с ума от мучений. Как я и говорил: добро пожаловать в Элантрис.

– Как вы такое выносите? – спросил Раоден, продолжая растирать палец, хотя облегчения это не приносило.

Казалось бы, такая дурацкая маленькая травма, но ему приходилось сдерживать готовые пролиться от боли слезы.

– Никак. Мы либо крайне осторожны, либо пополняем ряды тех руло, что ты видел на площади.

– На площади... Идос Доми! – выругался Раоден.

Принц вскочил на ноги и заковылял к площади. Он нашел попрошайку на том же месте, рядом со входом в аллею. Тот все еще был жив... в каком-то смысле.

Глаза мальчика слепо смотрели в небо расплывшимися зрачками. Его губы шевелились, но не издавали ни звука. Шея была свернута, и сбоку в ней зиял длинный порез, сквозь который виднелись позвонки и глотка. И этой раной мальчик безуспешно пытался дышать.

Внезапно боль в сбитом пальце показалась Раодену пустяком.

– Идос Доми, – прошептал он и был вынужден отвернуться, когда желудок свело судорогой.

Принц опустил голову и оперся на стену здания, борясь с позывом прибавить нечто к слизи на мостовой.

– Для него уже все кончено, – будничным тоном произнес Галладон, присаживаясь на корточки рядом с попрошайкой.

– Сколько... – начал Раоден, и тут его желудок взбунтовался вновь. С глухим шлепком он уселся прямо в грязь и только после нескольких глубоких вдохов смог продолжить: – Сколько он еще проживет?

– Ты так и не понял, сюл. – Грусть в голосе Галладона делала его акцент заметнее. – Он не живет; никто из нас не живет. Именно поэтому мы здесь. Коло? Мальчишка останется таким навсегда. Ведь именно столько длится вечное проклятие.

– Мы можем что-то для него сделать?

Галладон пожал плечами:

– Можно попробовать сжечь его – при условии, что сумеем развести огонь. Кое-кто думает, что тогда боль проходит.

– И когда тело сгорит, – Раоден никак не мог заставить себя взглянуть на мальчика, – что произойдет с его душой?

– У него нет души. – Галладон покачал головой. – По крайней мере, так нам говорили жрецы Корати, Дерети и Джескер – все они сходятся в одном: мы прокляты.

– Ты не ответил на мой вопрос. Если он сгорит, его страдания закончатся?

Галладон продолжал рассматривать мальчика. Через несколько мгновений он передернул плечами:

– Некоторые считают, что, если нас сжечь или отрубить голову – в общем, полностью уничтожить тело, – мы просто перестанем существовать. Другие говорят, что боль продолжится, что мы сами становимся болью. Они полагают, что останется бесцельно витающий дух, не способный ощущать ничего, кроме агонии. Мне не нравится ни один из вариантов, так что я просто стараюсь сохранять себя в целости. Коло?

– Да. Коло, – прошептал Раоден.

Он наконец-то собрался с духом и взглянул на раненого мальчишку. На него смотрела огромная рана. Из нее медленно сочилась кровь, как будто жидкость неподвижно стояла в венах, подобно затхлой воде в пруду.

Охваченный внезапным холодом, Раоден приложил ладонь к груди.

– Мое сердце не бьется, – впервые осознал он.

Галладон посмотрел на Раодена, как если бы тот выдал совершенно идиотское замечание:

– Сюл, ты мертв. Коло?

Мальчишку они не сожгли. Не смогли найти ничего подходящего для разведения костра, да и Галладон решительно воспротивился. «Мы не можем принять на себя такую ответственность. Что, если у него действительно нет души и он перестанет существовать, когда мы сожжем тело? Есть люди, которые предпочтут жить в агонии, чем раствориться в полном небытии».

Так что они оставили мальчика лежать под стеной дома. По лицу Галладона нельзя было сказать, что его затронуло происшедшее; но Раоден согласился только потому, что не мог предложить другого выхода, хотя чувство вины терзало его гораздо сильнее боли в ушибленном пальце.

Галладон равнодушно повернулся к принцу спиной и зашагал обратно по аллее, обходя стонущих кое-где в канавах элантрийцев. Он ясно давал понять, что ему совершенно безразлично, последует ли Раоден за ним или останется разглядывать замысловатое пятно на стене. Принц смотрел, как удаляется темнокожий дыул, и пытался понять, что делать дальше,

но после пережитого за день мысли разбегались. Раньше его ожидала карьера политика; наставники годами готовили Раодена мгновенно оценивать изменившуюся ситуацию. И сейчас пришла пора воспользоваться их наукой: он принял решение довериться Галладону.

Было в дьюле что-то симпатичное, что притягивало к нему Раодена. Ему нравились спокойная рассудительность и бодрое отношение Галладона к жизни, и принца не покидала уверенность, что плотная маска пессимизма, которой прикрывался дьюл, скрывает немало достойных качеств. Раоден видел его глаза, когда тот смотрел на страдающего мальчика. Галладон мог утверждать, что смирился с неизбежным, но судьба парня не оставила его равнодушным.

Дьюл устроился на прежнем месте на ступеньках. Раоден решительно подошел ближе и остановился в ожидании.

Галладон посмотрел на него:

– Что тебе надо?

– Мне нужна твоя помощь. – Раоден присел на корточки перед ступеньками.

Галладон фыркнул:

– Ты в Элантрисе, сюл. Такого понятия, как помощь, здесь просто не существует. Боль, безумие и масса грязи – это пожалуйста.

– Можно подумать, ты сам в это веришь.

– Ты не к тому обращаешься, сюл.

– Ты – единственный человек из встреченных мною в этом городе людей, который не пытался на меня напасть, – возразил Раоден. – Твои поступки расходятся со словами.

– А может, весь секрет в том, что я и так знаю, что у тебя ничего нет?

– Не верю.

Галладон пожал плечами, словно говоря «мне наплевать, во что ты веришь», привалился к стене дома и закрыл глаза.

– Хочешь есть? – негромко спросил Раоден.

Глаза дьюла тут же распахнулись.

– Меня всегда занимало, чем король Йадон кормит элантрийцев, – задумчиво произнес принц. – Никогда не слышал, чтобы в город поставлялось продовольствие, но мне не приходило в голову, что может быть иначе. Но раз мы живем без сердцебиения, значит можно обойтись и без еды? Вот только голод мы ощущаем, как и обычные люди, если не сильнее. Еще утром я удивился внезапному аппетиту, а сейчас есть хочется еще больше. И, судя по напавшей на меня шайке, со временем становится только хуже.

Раоден залез под запятнанную мантию, вытащил тонкий ломоть сушеного мяса и показал Галладону. Скука тут же исчезла с лица дьюла, будто ее и не было, а его глаза вспыхнули хищным огнем: подобную животную алчность Раоден наблюдал у своих преследователей. Хотя Галладон и казался способным держать себя в узде, только сейчас принц в полной мере осознал, как много поставил на симпатию к этому человеку.

– Откуда ты взял мясо? – процедил Галладон.

– Оно выпало из корзины, когда жрецы вели меня сюда; я не знал, куда его деть, и засунул за пояс. Так ты голоден или нет?

Галладон помолчал, внимательно его рассматривая.

– И почему ты считаешь, что я не отберу его силой?

В словах звучала отнюдь не пустая угроза – Раоден видел, что дьюл всерьез обдумывает такую возможность. Оставалось только выяснить, готов ли он перейти от слов к делу.

– Ты называешь меня сюлом. Ты собираешься убить того, кого назвал другом?

За время разговора Галладон выпрямился, замороженный запахом мяса; из уголка его рта незамеченной стекла крошечная капля слюны. Он перевел взгляд на Раодена, лицо которого выражало все возрастающую тревогу. Стоило их взглядам встретиться, хищный блеск в глазах дьюла погас и растущее в воздухе напряжение растаяло. Галладон раскатиисто хохотнул:

– Ты знаешь наш язык, сюл?

– Несколько слов, – уклончиво ответил Раоден.

– Образованный? В твоём лице Элантрису досталось жирное подношение. Ладно, выкладывай свои условия, хитрый ты руло.

– Я прошу тридцать дней, – заявил Раоден. – В течение тридцати дней ты покажешь мне город и расскажешь все, что знаешь о здешней жизни.

– Тридцать дней? Сюл, да ты каяна.

– Как я понимаю, – Раоден спрятал мясо обратно за пояс, – единственную пищу, которая попадает в город, приносят новички. Учитывая, как скупятся жрецы на подношения и сколько здесь ртов, я бы предположил, что здесь можно здорово проголодаться. Или лучше будет сказать – обезуметь от голода?

– Двадцать дней. – Галладон, видимо, взбодрился, и в его голосе зазвучала прежняя напористость.

– Тридцать, Галладон. Если ты не хочешь помочь, я найду кого-нибудь еще.

Галладон стиснул зубы.

– Руло, – проворчал он и протянул руку. – Тридцать дней. На твоё счастье, длительных поездок на этот месяц я не планировал.

Раоден со смехом бросил ему мясо.

Дьюл поймал кусок на лету. Трясущимися пальцами он потянул его в рот, но на полдороге взял себя в руки, бережно спрятал сушеный ломоть в карман и встал.

– И как же тебя звать?

Раоден задумался. «Наверное, разумнее будет пока никому не говорить, что я из королевской семьи».

– «Сюл» – меня вполне устроит.

Галладон хмыкнул:

– Скрытный ты парень, как я погляжу. Ну ладно, пошли. Пора тебе оглядеться вокруг.

Глава 2

Не успела Сарин спуститься с палубы корабля, как обнаружила, что стала вдовой. Новость потрясла ее, но ни горьких слез, ни отчаяния, каких можно было ожидать от внезапно овдовевшей женщины, сообщение не вызвало. В конце концов, Сарин никогда не встречала своего мужа. Строго говоря, его и мужем нельзя было назвать: когда принцесса покидала родные земли, они с Раоденом были только помолвлены. И у нее имелись все основания полагать, что Арелонское королевство отложит свадьбу до ее прибытия; по крайней мере, на ее родине для вступления в брак требовалось присутствие обоих: жениха и невесты.

– Мне никогда не нравился этот пункт в свадебном контракте, госпожа, – произнес спутник Сарин – парящий за ее плечом шар света, величиной с арбуз.

Сарин в досаде притопнула ногой. Свадебный контракт был томщиной из пятидесяти страниц, и сотни включенных в него пунктов предусматривали любую случайность, в том числе и смерть одного из новобрачных; в этом случае их помолвка объявлялась законным браком.

– Это довольно распространенное условие, Эйш, – ответила она. – Таким образом, даже если что-то случится с одной из сторон, политический союз не пострадает. Правда, еще никому не приходило в голову воплотить его в жизнь.

– До сегодняшнего дня, – ответил шар глубоким, хорошо поставленным голосом.

– Да уж, – согласилась Сарин. – И откуда мне было знать, что принц Раоден так плох и не протянет даже пяти дней, которые мы плыли по Фьерденскому морю?

Она задумалась:

– Прочитай мне этот пункт еще раз, Эйш, слово в слово.

– «Если милостивый Доми призовет к себе одну из сторон вышеупомянутой пары до назначенной для свадьбы даты, акт обручения будет рассматриваться равным акту свадьбы в глазах общества и закона».

– И ведь ни к чему не придерешься, верно? – спросила Сарин.

– Боюсь, что так, госпожа.

Принцесса нахмурилась, постукивая по щеке указательным пальцем. Ее взгляд рассеянно обежал причал, ненадолго задержался на разносчике, грузившем ее вещи в повозку, и наконец остановился на стоящем неподалеку высоком, аскетического вида мужчине, который с откровенной скукой наблюдал за погрузкой. Единственный прием, устроенный ей королем Йадоном, заключался в прибытии этого чопорного придворного по имени Кетол. На его долю также выпала «прискорбная обязанность сообщить, что принц Раоден скончался от скоропо-

стижной болезни во время ее путешествия», что он и сделал тем же сухим невыразительным тоном, каким командовал грузчиком.

– Выходит, по всем законам я теперь арелонская принцесса?

– Именно так, госпожа.

– И вдова человека, с которым даже не успела как следует познакомиться.

– И тут вы правы.

Сарин покачала головой:

– Когда новости дойдут до отца, он будет хохотать до слез. Не видать мне покоя до конца жизни.

Эйш замерцал, выказывая неодобрение:

– Госпожа, король ни за что не отнесется к такому серьезному событию с легкостью. Без сомнения, смерть принца Раодена принесла немало горя царственной семье Арелона.

– Конечно. Так много горя, что у них даже не нашлось времени меня встретить, а ведь по закону я теперь не только их невестка, но и приемная дочь.

– Вполне возможно, что король Йадон пожелал бы встретить вас лично, если бы его предупредили о вашем прибытии заранее, госпожа.

Сарин нахмурилась, но Эйш был прав. Она собиралась опередить остальных гостей на несколько дней, надеясь, что ее ранний приезд станет предсвадебным подарком Раодену. Ей хотелось провести немного времени с ним вдвоем, без помех. Но скрытность обернулась против нее.

– Скажи мне, Эйш, на какой день после смерти по арелонским обычаям хоронят умерших?

– Точно не знаю, госпожа, – развел руками Эйш. – Я давно покинул Арелон, и мое пребывание здесь было кратким, так что многие подробности уже забылись. Но я читал, что арелонские обычаи во многом похожи на ваши.

Сарин кивнула и жестом подозвала придворного.

– Да, госпожа? – лениво осведомился Кетол.

– По принцу Раодену справлялись поминки?

– Конечно, госпожа, – ответил придворный. – Прощание с принцем происходит при храме Корати. Похороны пройдут сегодня вечером.

– Я хочу побывать у гроба.

Кетол замялся:

– Э... его величество просили, чтобы вас отвезли во дворец немедленно.

– Тогда я не стану задерживаться на поминках, – ответила принцесса, направляясь к карете.

Сарин критически оглядывала переполненный поминальный павильон, ожидая, пока Кетол с несколькими разносчиками расчистят ей путь к гробу. Ей пришлось признать, что убранство выглядит безукоризненным: цветы, погребальные дары, молящиеся жрецы Корати. Необычной казалась только огромная толпа посетителей.

– Как много здесь людей, – негромко заметила она Эйшу.

– Принца очень любили, госпожа, – ответил парящий рядом сеон. – Согласно нашим сведениям, он был наиболее популярной политической фигурой в стране.

Сарин кивнула и двинулась по проделанному усилиями Кетола проходу. Гроб принца стоял в самом центре павильона, и почетный круг солдат заставлял пришедших держаться на расстоянии. Разглядывая лица по сторонам прохода, Сарин видела в них неподдельное горе.

«Значит, это правда, – думалось ей. – Люди действительно любили его».

Солдаты расступились перед ней, и принцесса оказалась у гроба. По кораитскому обычаю на нем были вырезаны эйоны, в большинстве своем символы надежды и покоя. Гроб окружала гора изысканных блюд: подношения усопшему.

– Могу я увидеть его? – спросила принцесса у невысокого жреца, вид которого излучал доброту.

– Мне очень жаль, дитя. Болезнь принца оставила неприятные последствия, и король желал, чтобы его сыну позволили сохранить достоинство и после смерти.

Сарин кивнула, поворачиваясь к гробу. Ей трудно было представить, что она должна чувствовать, стоя у гроба человека, которого прочили ей в мужья. Почему-то ее переполнял гнев.

Принцесса постаралась подавить рвущееся наружу чувство и еще раз обвела взглядом павильон. Ее поражало, что обстановка выглядит чересчур формальной. Хотя в чувствах пришедших сомнения не возникало, сам павильон, подношения и убранство выглядели лишенными теплоты.

«Молодой, крепкий мужчина, – опять одолели ее сомнения. – И умер от лихорадки с кашлем. Не спорю, это возможно... но не слишком-то вероятно».

– Госпожа, – тихо спросил Эйш, – что-то не так?

Сарин жестом подозвала сеона и направилась обратно к карете.

– Еще не знаю, – столь же тихо произнесла она. – Мне кажется, в случившемся что-то не сходится.

– Вы просто подозрительны по природе, госпожа, – заметил Эйш.

– Почему Йадон не соблюдает траур? Кетол говорил, что у него дворцовый прием; можно подумать, что смерть сына совсем его не затронула. – Сарин покачала головой. – Я разговаривала с Раоденом перед нашим отплытием из Теода, и он казался совершенно здоровым. Что-то не так, Эйш, и я хочу в этом разобраться.

– О, горе нам... – протянул Эйш. – Вы знаете, госпожа, ваш отец особенно просил меня постараться уберечь вас от неприятностей.

Сарин улыбнулась:

– Ты ведь сам знаешь, что эта задача невыполнима. Идем, нам предстоит встреча с моим новым отцом.

Всю дорогу Сарин просидела молча, прислонившись к окну кареты и рассматривая Каи. В ее голове вертелась одна и та же мысль: «Зачем я здесь?» Когда она говорила с Эйшем, ее голос и доводы звучали уверенно, но принцесса давно научилась скрывать свои страхи. Сарин прекрасно понимала, что ее неспроста одолевает вызванное смертью Раодена любопытство. Это чувство помогало ей отвлечься от неловкости и неуверенности в себе: в глубине души Сарин считала себя долговязой, нескладной, несколько бесцеремонной женщиной на закате своей привлекательности. Двадцать пять лет – ей следовало найти мужа много лет назад. Раоден был ее последним шансом.

«Как ты посмел помереть в такой момент, принц Арелонский!» – кружила в голове Сарин отчаянная мысль. Ирония ситуации только подливала масла в огонь. Следовало ожидать, что именно этот человек, начинавший ей нравиться, умрет прежде, чем им доведется встретиться. И теперь она оказалась одна в незнакомой стране, в политической зависимости от короля, которому не доверяла. Принцессой начало овладевать уныние.

«Ты и раньше была одинока, – напомнила она себе. – Справишься и сейчас, надо только отвлечься от грустных мыслей. А скучать тебе не придется – перед тобой новый двор, который необходимо пристально изучить. Наслаждайся тем, что имеешь».

Со вздохом Сарин подвела итог раздумьям и вернулась к созерцанию города. Несмотря на годы, проведенные по поручениям отца в дипломатических миссиях, в Арелоне ей бывать

еще не приводилось. Со времен падения Элантриса остальные государства наложили на страну неофициальный карантин: никто не знал, чем загадочный город навлек на себя проклятие, но все боялись, что элантрийская болезнь окажется заразной.

Так что оживленность Каи приятно удивила Сарин. Улицы кипели жизнью, но при этом на них поддерживались чистота и порядок. Люди хорошо одевались, и она не заметила ни одного нищего. По одной стороне улицы шагала группа одетых в голубые мантии жрецов Корати, сопровождая человека в странной белой мантии. Сарин наблюдала за непонятной процессией, пока та не завернула за угол.

Также Каи не выказывал признаков экономических трудностей, от которых должен был страдать Арелон. Повозка миновала дюжины обнесенных оградами особняков, построенных в разных стилях. Одни щеголяли просторными пристройками и высокими крышами, характерными для архитектуры Дюладела. Другие больше напоминали каменные крепости, каким-то чудом перенесенные с воинственных земель Фьердена. Тем не менее все особняки отличала одна общая черта – от них так и веяло богатством. Простой народ мог голодать, но Каи, обиталище арелонской аристократии, подобные пустяки не коснулись.

Только одна угрожающая тень нависала над городом. В отдалении возносились огромные стены Элантриса, и от взгляда на их внушительные контуры Сарин пробирала дрожь. Всю свою сознательную жизнь она слышала рассказы об Элантрисе: о былой магии и ужасах, обитавших теперь на его черных улицах. Какими бы роскошными ни казались дома вокруг, каким бы богатством ни кичился Каи – мертвый город по соседству служил неотступным напоминанием, что дела в Арелоне далеки от полного благополучия.

– Не могу понять, почему они вообще здесь живут? – спросила Сарин вслух.

– Госпожа? – откликнулся Эйш.

– Почему король Йадон решил построить свой дворец в Каи? Зачем выбирать город, который так близок к Элантрису?

– Можно предположить, что причины в основном экономические. На северном побережье Арелона не так уж много подходящих портов, а этот – самый дальний.

Сарин кивнула: действительно, залив, образованный рекой Аредель при впадении в океан, представлял собой завидное место для порта. Но тем не менее...

– Вполне возможно, что причины кроются в политике, – продолжала размышления принцесса. – Йадон пришел к власти в беспокойные времена; вероятно, он решил, что близость к прежней столице прибавит ему веса.

– Все может быть, госпожа, – ответил Эйш.

«И какая, по сути, разница», – добавила про себя Сарин. Уже давно стало очевидным, что длительное обитание поблизости от Элантриса (или элантрийцев) не увеличило шансы жителей Каи на то, что шаод произойдет именно с ними.

Сарин отвернулась от окна и посмотрела на парящего рядом Эйша. До сих пор она не заметила ни одного сеона на улицах Каи, хотя этих созданий, считавшихся древними порождениями элантрийской магии, в Арелоне должно было обитать гораздо больше, чем у нее на родине. Эйш беззвучно висел над соседним сиденьем и не реагировал на ее пристальный взгляд. Если хорошенько прищуриться, то можно было разглядеть светящийся эйон в центре его сияния.

– Хотя бы договору ничего не угрожает, – произнесла Сарин после долгого молчания.

– При условии, что вы останетесь в Арелоне, госпожа, – ответил ей глубокий голос Эйша. – Так оговорено в контракте. Пока вы живете здесь и храните верность своему супругу, король Йадон обязан соблюдать договор с Теодом.

– Пока я храню верность мертвецу, – вздохнула Сарин. – С мужем или без, но мне придется остаться здесь.

– Как пожелаете, госпожа.

– Нам необходим этот союз. Влияние Фьердена усиливается с невиданной скоростью. Пять лет назад я бы сама утверждала, что нам нечего волноваться, что фьерденским жрецам никогда не стать значительной силой в Арелоне. Но сейчас... – Сарин покачала головой. Падение республики Дюладел многое изменило. – Нам не следовало отдаляться от Арелона, Эйш, – продолжала она. – Наладь мы твердые связи с арелонским правительством десятилетие назад, я бы не очутилась в теперешнем положении.

– Ваш отец боялся, что их политическая неразбериха переметнется в Теод, – напомнил Эйш. – Не говоря уже о реоде – ни у кого не было уверенности, что случившееся с элантрийцами не затронет и обычных людей.

Ход кареты начал замедляться, и Сарин вздохнула, позволив беседе замереть. Ее отец тоже считал Фьерден угрозой и понимал, насколько важно восстановление старых связей, поэтому она и приехала в Арелон.

Ворота дворца распахнулись перед экипажем. С друзьями или без, но она здесь, и Теод рассчитывает на нее. Ее задачей будет подготовка арелонцев к грядущей войне, которая с падением Элантриса стала неизбежной.

Арелонский король Йадон – теперь и названный отец Сарин – отличался худощавостью и жесткими чертами лица. Он совещался с группой придворных, и около пятнадцати минут принцессе пришлось простоять незамеченной, пока король не соизволил приветствовать ее кивком головы. В глубине души Сарин не возражала против ожидания: оно давало ей шанс понаблюдать за человеком, который теперь вправе рассчитывать на ее лояльность. Тем не менее подобное обращение глубоко задело ее чувство собственного достоинства. Как теодская принцесса, она заслуживала если не грандиозного приема, то по крайней мере соблюдения протокола.

Пока Сарин ожидала, ее поразила одна странность. Йадон совсем не походил на человека, убитого горем по умершему сыну и наследнику престола. Ни осанка, ни черты лица короля не несли признаков отчаяния и безысходной усталости, обычно сопровождающих гибель близкого человека. Да и весь двор не производил впечатления охваченного трауром.

«Неужели он настолько бессердечен? – Девушка с беспокойным любопытством рассматривала Йадона. – Или так хорошо умеет скрывать свои чувства?»

Годы, проведенные при дворе ее отца, превратили Сарин в знатока человеческой натуры. Хотя слова Йадона до нее не долетали (Кетол попросил принцессу остаться в глубине зала и ожидать разрешения приблизиться), она смогла составить представление о характере короля, наблюдая за его поведением. Он говорил уверенно, раздавая четкие указания и время от времени тыча тонким пальцем в расстеленную на столе карту. Что вроде бы указывало на сильную волю и точное понимание целей и пути к ним. Сарин решила, что это неплохой знак и она сможет найти с Йадоном общий язык.

В конце концов король жестом подозвал ее к себе. Сарин постаралась скрыть раздражение, вызванное долгим ожиданием, и приблизилась с подобающей случаю благородной покорностью. Йадон прервал ее на середине реверанса.

– Мне не говорили, что ты такая высокая! – воскликнул он.

– Господин? – Сарин подняла взгляд.

– Ну ладно. Тот, кого это могло смутить, все равно уже ничего не увидит. Эшен! – резко крикнул он, и неприметная доселе женщина на другом конце зала угодливо подскочила. – Покажи ей покои и проследи, чтобы она не скучала. Займитесь вышиванием или другими женскими делами.

И с этими словами король повернулся к ожидавшей его группе торговцев.

Сарин так и замерла на середине поклона, остолбенев от полного несоблюдения этикета. Только годы придворной жизни помогли ей вовремя прикусить язык. Скромная женщина, к

которой относился приказ Йадона, – королева Эшен – проворно подошла к Сарин и взяла ее за руку. Она была невысокой и стройной, с темно-русыми волосами, слегка тронутыми сединой.

– Пойдем, дитя, – произнесла королева высоким пронзительным голосом. – Мы не должны тратить королевское время понапрасну.

И Сарин позволила увести себя в одну из боковых дверей.

– Доми милостивый, – бормотала она под нос, – во что я ввязалась?

– ...Тебе понравится, когда зацветут розы. Садовники рассаживают их так, что можно наслаждаться запахом, даже не подходя к окнам! Мне бы хотелось, чтобы они были поменьше.

– Розы? – Сарин свела в недоумении брови.

– Нет, дорогая, – без малейшей паузы продолжала королева. – Окна. Ты не поверишь, как слепит по утрам солнце. Я просила их – садовников, конечно, – найти мне оранжевые, я просто без ума от оранжевого, а они мне подсунули омерзительный желтый тон. Я им говорю, что, если бы я хотела желтый, я бы попросила посадить абертины. Надо было видеть, как они извинялись, я уверена, что к концу года у нас все же появятся оранжевые. Просто чудесно, правда, дорогая? Но окна так и останутся слишком большими. Может, мне удастся заложить парочку камнями.

Сарин заворуженно кивала. Беседа оставила ее безразличной, а вот королева заинтересовала. Сарин всегда подозревала, что лекторам в отцовской академии нет равных в пустой болтовне, но Эшен их всех заткнула за пояс. Королева перескакивала с одной темы на другую, как порхающая бабочка, которая никак не может решить, на каком же цветке ей остановиться. У любой из затронутых тем имелся шанс вылиться в интересный разговор, но королева не дала Сарин ни малейшей возможности ухватиться ни за одну из них.

Сарин глубоко вдохнула, взывая к запасам собственного терпения. Доми учил, что все люди разные и это дар, который делает жизнь интереснее; так что было бы несправедливо винить королеву за ее характер. Кому-то ее бессвязный лепет мог бы показаться очаровательным. К несчастью для Сарин, после знакомства с королевской семьей она начала подозревать, что найти политических союзников в Арелоне будет нелегко.

Чем дальше, тем больше странное поведение Эшен беспокоило принцессу. Никто не мог говорить так много, как королева. Она не замолкала ни на миг; можно было подумать, что присутствие Сарин смущает ее. И тут принцесса поняла, что Эшен тараторит на любую тему, обходя молчанием самую главную – почившего принца. Сарин подозрительно прищурилась. Даже если сделать скидку на невероятное легкомыслие королевы, она все же казалась чересчур жизнерадостной для женщины, только что потерявшей сына.

– Вот твои покои, дорогая. Мы уже распаковали твои сумки и добавили несколько необходимых вещей. Я вижу, ты носишь разные цвета, даже желтый, хотя я не представляю, как он может тебе нравиться. Ужасный цвет. Конечно, твои волосы совсем не ужасные. Блондинку никак нельзя назвать желтоволосой. Это то же самое, как если назвать лошадь овощем. Пока что у тебя нет своей лошади, но ты можешь брать любую из королевских конюшен. У нас много породистых животных, знаешь ли, Дюладел очень красив в это время года.

– Конечно, – ответила Сарин.

Она оглядела небольшую комнату, и та пришлась ей по вкусу. Большие помещения принцесса не любила за навеваемое ими уныние, а слишком маленькие казались ей тесными.

– А вот это тебе понадобится, милочка. – Эшен указала на лежавшую в стороне кипу одежды.

Остальные вещи уже развесили по местам, а эти, видимо, доставили совсем недавно. Все платья обладали одной общей чертой.

– Черный?! – воскликнула Сарин.

– Конечно. Ведь ты... ведь ты в... – Эшен замялась.

– Я в трауре, – догадалась Сарин.

От досады она притопнула ногой – черный не был ее любимым цветом.

Эшен кивнула:

– Ты сможешь надеть одно из них вечером на похороны. Церемония должна получиться очень милой – я сама ее готовила.

Эшен снова завела рассказ о своих любимых оттенках, и очень скоро монолог свелся к признанию, что она ненавидит фьерденскую кухню. Сарин кивала и вежливо, но непреклонно вела королеву к дверям. Как только та оказалась в коридоре, принцесса сослалась на усталость после путешествия и отгородилась от потока слов, закрыв дверь.

– Общение с ней потеряет новизну очень быстро, – проворчала себе под нос Сарин.

– Королева обладает неоспоримым даром вести беседу, – согласился глубокий голос у окна.

– Что ты узнал? – спросила Сарин, начиная копаться в горе черной одежды.

Эйш вплыл в комнату:

– Я встретил гораздо меньше сеонов, чем ожидал. Насколько я помню, когда-то этот город был полон нами.

– Я тоже обратила внимание. – Сарин прикинула перед зеркалом платье, недовольно покачала головой и бросила его обратно в кучу. – Все изменилось.

– Полностью согласен. Следуя вашим указаниям, я расспросил сеонов о безвременной кончине принца. К несчастью, они не выказали желания говорить на эту тему; они считают смерть молодого наследника перед свадьбой дурным знаком.

– Особенно для него самого, – пробормотала Сарин, раздеваясь, чтобы примерить платье. – Эйш, здесь происходит что-то странное. Я думаю, что принца убили.

– Убили, госпожа? – В голосе сеона прозвучало явное неодобрение, и он замерцал. – Кто же мог это сделать?

– Пока не знаю, но... Меня настораживают обстоятельства его смерти. И потом, я не заметила, чтобы двор был в трауре. Возьми хотя бы королеву – только вчера она потеряла сына, но, похоже, ее это не слишком огорчило.

– Тому есть простое объяснение, госпожа. Возможно, вы забыли, что принц Раоден – не ее сын. Его матерью была первая жена короля Йадона, которая умерла двенадцать лет назад.

– Когда король женился снова?

– Сразу после реода. Через несколько месяцев после того, как взойшел на трон.

Сарин нахмурилась.

– Все же мне не по себе, – сказала она. Принцесса изогнулась, пытаясь застегнуть платье на спине. Потом повернулась к зеркалу и критически оглядела свое отражение. – Я в нем выгляжу бледнее смерти, но, по крайней мере, оно неплохо сидит. Я боялась, что оно мне до колен не достанет, – арелонки такие коротышки.

– Как скажете, госпожа, – ответил сеон.

Как и Сарин, он прекрасно понимал, что арелонки вовсе не коротышки: даже в Теоде принцесса возвышалась над другими женщинами на голову. В детстве отец звал ее Прутик леки – в его любимом виде спорта так назывался высокий тонкий колышек, который отмечал линию ворот. Даже существенно округлившись в зрелости, Сарин все еще казалась долговязой.

– Госпожа, – прервал ее размышления голос Эйша.

– Да?

– Ваш отец желает поговорить с вами. Мне кажется, ему стоит услышать ваши новости.

Сарин подавила вздох и кивнула, и Эйш начал ярко переливаться. Через несколько мгновений контуры шара света, который составлял сущность сеона, растаяли, и перед принцессой возникли голова и плечи короля Эвентио Теоданского.

– Ин? – Губы светящейся головы шевельнулись.

– Я здесь, отец.

Король Теода был крепким мужчиной с крупным овальным лицом и массивным подбородком. Чтобы поговорить с дочерью, он должен был находиться рядом с другим сеоном, скорее всего – Дио, который сейчас передавал изображение Сарин.

– Ты нервничаешь перед свадьбой? – с тревогой спросил Эвентио.

– Насчет свадьбы... – медленно начала она. – Возможно, тебе не стоит приезжать на следующей неделе. Ничего интересного не предвидится.

– Почему?

Эйш оказался прав: отец не стал смеяться, когда узнал о смерти Раодена. Наоборот, лицо и голос короля выражали заботу и сочувствие. Его тревога только усилилась, когда Сарин объяснила, что даже со смертью принца обязательства свадебного контракта останутся в силе.

– Ох, Ин, я так тебе сочувствую. Я знаю, как много ты ожидала от этого брака.

– Чепуха, отец! – Принцессу раздосадовало, что Эвентио знал ее слишком хорошо. – Мы даже ни разу не встречались. Откуда могли взяться какие-то ожидания?

– Возможно, вы не встречались, – в голосе короля звучали утешительные нотки, – но ты разговаривала с ним через сеонов и писала письма. Я знаю тебя, Ин: ты романтик. Ты бы ни за что не решилась на этот брак, если бы не убедила себя, что сможешь полюбить Раодена.

Отец говорил правду, и внезапно одиночество нахлынуло на Сарин с новой силой. Она провела путешествие через Фьерденское море как на иголках, волнуясь перед встречей с будущим мужем. И все же она больше предвкушала ее, чем боялась.

Сарин часто уезжала из Теода, но ее всегда кто-то сопровождал. На этот раз принцесса путешествовала сама по себе, выехав раньше свадебного сопровождения, чтобы приятно удивить Раодена. Она перечитывала его письма столько раз, что ей начало казаться, будто они действительно знакомы. Человек, который возникал в ее воображении при чтении писем, обладал сложной, полной сочувствия к окружающим натурой, и ей очень хотелось узнать его получше.

Но знакомству так и не довелось состояться. Сарин чувствовала себя не только одинокой – она чувствовала себя отвергнутой. Нежеланной. Все эти годы она ждала, страдая от поддразниваний терпеливого отца, который не подозревал, как мужчины на родине избегают ее, страшась прямого и даже несколько заносчивого характера. И стоило найти человека, избравшему ее спутницей жизни, как в последний момент Доми украл его из-под носа.

Принцесса наконец дала волю чувствам, которые держала в узде с того момента, как сошла с палубы корабля. Она была рада, что сеон передавал только ее примерное изображение, потому что иначе отец мог увидеть бегущую по щеке слезу.

– Глупости, отец. Мы все понимаем, что это политический брак. Теперь, помимо общего языка, наши страны объединяет еще и союз правящих династий.

– Ох, солнышко... моя малышка Сарин, – прошептал король. – Я так надеялся, что все получится; ты не представляешь, как мы с матерью молились, чтобы ты нашла там свое счастье. Идос Доми! Мы должны были отказаться от договора.

– Я бы все равно тебя заставила, отец, – ответила Сарин. – Нам необходим союз с Ареллоном. Недостаток кораблей больше не будет удерживать Фьерден вдали от наших берегов: теперь под командованием вирна вся армия свордов.

– Малышка Сарин уже совсем большая, – поддразнил ее отец.

– Совсем большая и вполне способна выйти замуж за труп, – вяло засмеялась принцесса. – Может, оно и к лучшему. Не думаю, что принц Раоден дорос бы до моих ожиданий; стоит только посмотреть на его отца.

– Я слышал о нем, но надеялся, что это неправда.

– К сожалению, чистая правда. – Неприязнь к арелонскому монарху выдернула Сарин из грустных мыслей. – Король Йадон – один из самых неприятных людей, каких мне приходилось встречать. Он едва соизволил поздороваться со мной и тут же отослал заниматься вышиванием

и прочими подходящими для женщин делами. Если Раоден хоть немного походил на отца, то мне повезло, что он умер до моего приезда.

Ее отец помолчал немного с задумчивым выражением, прежде чем спросить:

– Сарин, может, ты хочешь вернуться домой? При желании я смогу аннулировать договор, и никакой закон меня не остановит.

Принцессу немного испугало, насколько заманчивым оказалось предложение. После недолгого молчания она покачала головой:

– Нет, отец. Я должна остаться здесь. Это моя затея, и смерть Раодена не меняет того факта, что мы нуждаемся в союзниках. Кроме того, возвращение домой нарушит традицию: мы оба знаем, что теперь моим отцом является Йадон. Для тебя будет совершенно неприличным принять меня обратно в семью.

– Я всегда буду твоим отцом, Ин, – мягко, но решительно ответил Эвентио. – К Доми обычаи! Теод навсегда останется открытым для тебя.

– Спасибо, отец, я рада это слышать. Но я все же останусь, по крайней мере на время. Кроме того, не так все и плохо – у меня теперь новый двор, полный людей, с которыми можно поиграть.

– Ин. – В голосе короля проклюнулась тревога. – Я знаю этот тон. Что ты задумала?

– Ничего, – невинно ответила она. – Просто у меня осталось несколько вопросов, в которых мне бы хотелось покопаться, прежде чем поставить крест на этом браке.

После недолгой паузы король хмыкнул:

– Да поможет им Доми. Они еще не знают, что к ним приплыло. Пожалей их, прутик леки. Я вовсе не жажду получить через месяц от министра Наолена донесение, гласящее, что король Йадон сбежал в корайтский монастырь, а тебя арелонцы провозгласили правительницей.

– Хорошо, – чуть улыбнулась Сарин. – Я подожду хотя бы пару месяцев.

Отец разразился новым приступом своего характерного смеха; этот звук успокоил ее больше, чем любые заверения или утешения.

– Подожди минутку, Ин, – отсмеявшись, сказал он. – Я позову твою мать: она хочет поговорить с тобой. – Он опять хмыкнул и продолжил: – Она упадет в обморок, когда узнает, что ты уже успела довести беднягу Раодена до могилы.

– Отец! – запротестовала Сарин, но он уже исчез.

Глава 3

Никто из жителей Арелона не вышел навстречу своему спасителю. Подобный прием мог бы оскорбить Хратена, но он не ожидал ничего иного. Арелонцы, особенно живущие рядом с печально известным Элантрисом, издавна славились как известные еретики, даже безбожники. И задача Хратена состояла в том, чтобы это изменить. На обращение жителей Арелона в истинную веру оставалось всего три месяца; если же миссия не удастся, по истечении срока святой Джаддет, властелин всего сущего, уничтожит страну. Пришло время и арелонцам принять праведные пути религии Дерети.

Размашистым шагом Хратен спустился по трапу. За кипящими жизнью, охваченными непрерывной суетой погрузки и разгрузки доками простирался Каи. С одной стороны над ним нависали каменные стены древней части Элантриса. С другой, слева от города, равнина повышалась, переходя в крутой холм – подножие Датрекских гор. Позади жреца шумел океан.

Откровенно говоря, пейзаж его не впечатлил. Десятилетия назад Элантрис окружали четыре мелких городка, но только Каи – новая столица Арелона – все еще оставался обитаем. Хратен сразу же заметил недостатки в планировке (возведенные без единого плана дома, слишком большая протяженность вдоль побережья), которые существенно затруднят оборону. К тому же столицу окружала только пятифутовая каменная стена: с точки зрения жреца, скорее ограда, нежели защитное сооружение.

Если же в случае необходимости горожане рассчитывали укрыться за стенами Элантриса, отступление туда будет сложным и значительного перевеса в битве не принесет. Здания Каи представляли собой прекрасное укрытие для нападающих, а некоторые из окраинных домов теснились практически вплотную к элантрийской стене. Становилось очевидным, что народ Арелона не отличается воинственностью. И тем не менее из всех государств материка Сикла, которые арелонцы называли общим именем Опелон, только этой стране удавалось до сих пор избежать влияния Фьерденской империи. С прибытием в Каи Хратена ситуация должна измениться.

Жрец оставил корабль за спиной. Он двигался в суматохе порта, с немалым удовольствием отмечая вызванное по пути смятение. Грузчики останавливались и провожали его полными изумления взглядами; стоило ему поравняться с группой собеседников, как разговор замирал. Хратену не приходилось замедлять шага – люди сами расступались перед ним. Возможно, их пугал его взгляд; хотя, что более вероятно, значительный эффект производили доспехи. Парадная броня верховного имперского жреца Дерети сверкала на солнце кроваво-красными пластинами – подобный вид впечатлял даже бывалых зрителей.

Хратен уже начинал подумывать, что ему придется искать городскую часовню самому, но тут его взгляд привлекло мелькающее в толпе красное пятно. Приблизившись, пятно оказалось приземистым лысеющим мужчиной в красной дереитской мантии.

– Господин Хратен! – воскликнул он.

Жрец остановился и позволил Фьену, главному артету Каи, поравняться с собой. Тот отдувался и вытирал шелковым платком лоб.

– Мои глубочайшие извинения, ваша светлость. В послании указан другой корабль, и я узнал, что вас нет на борту, только когда разгрузка уже наполовину закончилась. Боюсь, что мне пришлось оставить экипаж позади, иначе пробраться сквозь толпу не представлялось возможным.

Хратен недовольно нахмурился, но промолчал. Фьен еще какое-то время продолжал рассыпаться в извинениях, но наконец сдвинулся с места, и верховный жрец последовал за ним ровным размашистым шагом. Его коротышка-проводной с улыбкой трусил рядом и изредка обменивался взмахом руки и любезностями со встреченными по пути знакомыми. Люди отвечали ему в том же духе, но стоило им заметить Хратена, как слова приветствий замирали на губах, взгляды пробегались по подчеркнuto суровым линиям доспехов и потом долго провожали фигуру в развевающемся кроваво-красном плаще.

Часовня оказалась высоким каменным строением, украшенным ярко-красными гобеленами и высокими шпилями. По крайней мере, здесь Хратен чувствовал себя в привычной атмосфере величия. Но ожидавший внутри прием снова выбил его из колеи: толпа людей, шутки и смех, и никакого уважения к святости здания, под сводами которого люди находятся! Это было чересчур. Когда к Хратену начали поступать донесения, он не сразу поверил им. Теперь доказательство находилось у него перед глазами.

– Артет Фьен, соберите жрецов, – прозвучали первые слова Хратена с того момента, как он ступил на арелонскую землю.

Артет вздрогнул, как если бы забыл, что его знатный гость умеет говорить.

– Конечно, господин, – вымолвил он, жестами приказывая собравшимся разойтись.

С каменным выражением лица Хратен ждал, пока толпа покинет часовню. На это потребовалось ужасно много времени, но он стойко перенес испытание. Когда за последним посторонним захлопнулась наконец дверь и Хратен приблизился к жрецам, в притихшем зале кланье его доспехов разносилось гулким эхом. Он обратился к Фьену:

– Артет, – так звучал дереитский титул жреца, – корабль, на котором я прибыл, отбывает обратно во Фьерден через час. Вы должны быть на его борту.

От удивления Фьен открыл рот:

– Что?..

– Говорите на фьерделле! – рявкнул Хратен. – Неужели за десять лет среди арелонских язычников вы умудрились забыть родной язык?

– Нет, ваша светлость, нет. – Фьен перешел с эйонского на фьерделл. – Но я...

– Достаточно, – снова прервал его Хратен. – У меня личный приказ вирна. Вы прожили в Арелоне слишком долго! Вы забыли святое призвание и не в состоянии способствовать дальнейшему продвижению империи Джаддета. Этим людям не нужен друг, им нужен жрец. Дерейтский жрец. А глядя, как вы фамильярничаєте с ними, можно подумать, что вы проповедуете Корати! Мы пришли сюда не для любви – мы пришли помочь им. Вы должны уехать.

У Фьена подкосились ноги, и с распахнутыми от ужаса глазами он прислонился к колонне:

– Но кто возглавит часовню в мое отсутствие, господин? Все остальные артеты еще недостаточно опытные!

– Грядут переломные времена, артет, – ответил Хратен. – Я останусь в Арелоне, чтобы лично наблюдать за здешней работой. Да ниспошлет мне Джаддет успех.

Верховный жрец надеялся на кабинет с лучшим видом, но хоть часовня и выглядела величественно, второго этажа у нее не имелось. К счастью, за двором хорошо ухаживали, и в окна его кабинета, принадлежавшего раньше Фьену, виднелись аккуратно подстриженная живая изгородь и с заботой разбитые клумбы.

Сейчас, когда он снял со стен картины (в большинстве своем деревенские пейзажи) и очистил комнату от скопища безделушек главного артета, кабинет начал приобретать полный достоинства порядок, приличествующий джьерну Дерети. Не хватало только нескольких гобеленов и пары шитов.

Хратен удовлетворенно кивнул и вернулся к лежащему на столе свитку – приказам, с которыми он был сюда послан. Жрец не осмеливался лишний раз осквернить их прикосновением, он и так знал их наизусть. Снова и снова звучали в его голове святыя слова, перед божественным смыслом которых бледнело все остальное.

– Господин... ваша светлость! – позвал тихий голос на фьерделле.

Хратен поднял глаза. Фьен протиснулся в кабинет, скорчился в раболепной позе и прижался лбом к полу. Верховный жрец позволил улыбке заиграть на губах, зная, что согрешивший артет не видит его лица. Возможно, для Фьена еще не все было потеряно.

– Говори.

– Я поступил неправильно, господин. Мои действия расходились с приказами властителя Джаддета.

– Твой главный грех в благодушии, артет. Сытость и довольство собой уничтожили больше наций, чем любая армия. И погубили больше душ, чем элантрийская ересь.

– Да, господин.

– И все же тебе придется покинуть Арелон, – продолжал Хратен.

Фьен опустил голову:

– Значит, у меня нет никакой надежды, господин?

– Сейчас в тебе говорит арелонская глупость, а не гордая натура фьерденца. – Хратен сжал плечо жреца и скомандовал: – Поднимись, брат мой!

Фьен поднял голову, в его глазах засветилась надежда.

– Твой мозг отравлен арелонскими идеями, но душа все еще принадлежит Фьердену. Ты – один из избранных Джаддета! Каждому фьерденцу найдется место в его империи. Возвращайся на родину, поселись в монастыре, чтобы возродить позабытую веру, и ты получишь новый шанс послужить империи.

– Да, господин.

Хратен сильнее сжал его плечо:

– Прежде чем покинуть Каи, пойми только одно. Мой приезд принес тебе большее благо, чем ты можешь вообразить. Не все намерения Джаддета открыты тебе, но не вздумай сомневаться в нашем боге! – Он замолк, раздумывая, как много открыть артету. Фьен еще не полностью потерял, и у Хратена имелся шанс очистить его ум от арелонской заразы одним жестом. – Погляди на стол. Прочти этот свиток.

Фьен повернулся, и его взгляд остановился на лежащих на столе бумагах. Верховный жрец отпустил его плечо, позволив ему приблизиться к столу и взять пергамент в руки.

– Личная печать самого вирна! – воскликнул Фьен.

– Не только печать. Еще и его подпись. Документ, который ты держишь в руках, написан его святейшем. Это не просто письмо – это само священное писание.

Глаза Фьена распахнулись, и свиток затрепетал в задрожавших руках.

– Сам вирн?

Тут, осознав наконец, какая реликвия оказалась в его недостойных руках, артет с тихим вскриком уронил свиток обратно на стол. Но взгляд Фьена оставался прикованным к письму.

Он зачарованно читал, глотая слова так же жадно, как изголодавшийся человек поедает первый за много дней обед. Немногим выпадала привилегия лично прочесть написанное святым императором – пророком Джаддета.

Хратен позволил жрецу прочесть, перечитать и потом еще раз перечитать свиток. Когда Фьен наконец поднял голову, на его лице отражались понимание и благодарность. Он обладал достаточным умом и сознавал, какая тяжкая ноша легла бы на его плечи, останься он в Каи.

– Благодарю вас, господин, – прошептал артет.

Хратен милостиво кивнул:

– Смог бы ты сделать это? Смог бы ты исполнить приказы вирна?

Фьен покачал головой, снова переведя взгляд на пергамент:

– Нет, ваша светлость. Я бы не сумел... Я бы не смог исполнять свои обязанности с таким бременем на совести. Я больше не завидую вашему положению, господин.

– Прими мое благословение, брат. Возвращайся во Фьерден. – Хратен достал из сумки на столе небольшой конверт. – Отдашь это тамошним жрецам. В письме говорится, что ты принял новое назначение с достойным слуги Джаддета смирением. Они помогут тебе устроиться в монастырь. Возможно, однажды ты снова возглавишь часовню, только на этот раз на территории Фьердена.

– Да, господин. Спасибо, господин.

Фьен удалился, тихо прикрыв за собой дверь. Хратен вернулся к столу и достал из сумки еще один конверт – абсолютно такой же, какой он вручил Фьену. Несколько мгновений он смотрел на него, потом поднес к пламени свечи. Письмо, которое клеймило артета Фьена как предателя и отступника, сгорит непрочтенным, и незадачливый артет никогда не узнает, какая ему грозила опасность.

– С вашего позволения, господин джьерн, – с поклоном проговорил младший дорвен, служивший при Фьене больше десяти лет.

Хратен махнул рукой, давая разрешение удалиться. Тот попятился из кабинета и беззвучно прикрыл за собой дверь.

Фьен принес своим подчиненным немало бед. За два десятилетия даже крошечная слабость разрастается в огромный недостаток, и главный артет совершил много промахов. Его снисходительность не знала пределов, и часовня жила без должного порядка, полностью склонившись перед арелонскими обычаями, вместо того чтобы нести людям представления о силе и дисциплине. Половина живущих в Каи жрецов оказалась безнадежно распущенными, даже те из них, кто пробыл в столице не более полугода. В течение последующих недель Хратену придется заняться отправкой во Фьерден целого жреческого флота, а из немногих оставшихся выбрать нового главного артета.

В дверь постучали.

– Войдите, – откликнулся Хратен.

Он вызывал жрецов поодиночке, проверяя моральное состояние каждого. До сих пор ему не понравился никто.

– Артет Дилаф, – представился вошедший.

Верховный жрец взглянул на него. Имя было фьерденским, но небольшой акцент выдавал чужеземца.

– Ты арелонец? – с удивлением спросил Хратен.

Жрец склонился с должной угодливостью, но в глазах не было смирения.

– Как случилось, что ты стал жрецом Дерети?

– Я хотел служить империи. – Голос звучал тихо, но при этом дрожал от скрытого напряжения. – Джаддет указал мне путь.

«Нет, – понял Хратен, – это не вызов в его глазах – это пламя истовой веры». Среди дереитов нечасто встречались фанатики: обычно их больше привлекал суматошный хаос мистерий Джескера, чем полувоенная дисциплина Шу-Дерет. Но лицо человека, стоящего перед ним, горело огнем страсти. Не так уж и плохо; хотя сам Хратен с презрением отвергал подобную потерю контроля над собой, он часто находил фанатиков полезным оружием в своей карьере.

– Джаддет всегда указывает путь, артет, – тщательно подбирая слова, ответил верховный жрец. – Я бы хотел услышать подробности.

– Двенадцать лет назад в Дюладеле я повстречал дереитского артета. Он дал мне копии До-Кесег и До-Дерет, и я прочел их за одну ночь. Святой артет направил меня в Арелон, помогать обращению жителей моей родины; я поселился в Рейне. Семь лет я распространял там наше учение, пока не услышал, что в самом Каи строится часовня. Я пересилил отвращение к элантрийцам, помня, что святой Джаддет покарал их вечным проклятием, и присоединился к фьерденским братьям здесь. Я привел с собой своих последователей: половина верующих Каи прибыла из Рейна. Фьена поразило мое усердие, и он наградил меня титулом артета и позволил продолжать учить.

Хратен задумчиво потер подбородок, рассматривая арелонского жреца:

– Ты, конечно, понимаешь, что артет Фьен поступился правилами.

– Да, господин. Артет не может назначать других артетов. Когда я беседую с людьми, я никогда не называю себя жрецом Дерети, только учителем.

Дилаф произнес последнюю фразу тоном, не оставляющим сомнений в том, что он считает себя очень хорошим учителем.

– Что ты думаешь об артете Фьене?

– Он был потакающим своим слабостям глупцом, господин. Его небрежение замедлило рост империи Джаддета в Арелоне и вызвало насмешки над нашей религией.

Хратен улыбнулся: Дилаф, хотя и не принадлежал к избранному народу, без сомнений, понимал доктрины и истоки своей веры. И все-таки его пыл мог оказаться опасным. Неукротимый огонь в глазах Дилафа рвался наружу; если не избавиться от жреца сразу, придется пристально за ним присматривать.

– Мне кажется, что артет Фьен все же совершил один правильный поступок, хотя и вышел за рамки своих полномочий, – произнес Хратен. Глаза Дилафа загорелись еще ярче. – Я возвожу тебя в ранг полного артета, Дилаф.

Жрец поклонился до земли. Он хорошо знал фьерденские манеры, и верховный жрец никогда не встречал иностранца, который бы так бегло говорил на святом языке. Этот человек действительно мог оказаться полезным, особенно если вспомнить, что общим доводом против Шу-Дерет служило то, что религия благосклонна только к фьерденцам. Арелонский жрец поможет наглядно показать, что империя Джаддета принимает всех. Хотя фьерденцев она принимает с распростертыми объятиями.

Хратен мысленно поздравил себя с приобретением нового орудия, но удовлетворение продлилось недолго. Когда Дилаф выпрямился, в его глазах по-прежнему горела страсть, только теперь там светилось кое-что еще: амбиция. Хратен нахмурился, у него начало зарождаться подозрение, что его провели.

Ему оставался только один выход.

– Артет, ты присягал кому-нибудь как одив?

Ресницы Дилафа взметнулись в удивлении, и он с сомнением уставился на верховного жреца:

– Нет, господин.

– Хорошо. Тогда ты станешь моим.

– Господин... конечно же, я ваш ничтожный слуга.

– Ты будешь больше чем просто слуга, артет, – ответил Хратен. – Если ты станешь моим одивом, я буду твоим хродемом. Ты будешь принадлежать мне сердцем и душой. Если ты следуешь учению Джаддета, ты будешь следовать ему через меня. Если ты служишь вирну, ты будешь служить ему под моим началом. Что бы ты ни говорил, делал или думал, ты будешь следовать моим указаниям. Ты меня понял?

Пламя в глазах Дилафа полыхнуло заревом.

– Да, – выдохнул он.

Фанатизм артета не позволял ему отвергнуть подобное предложение. Хотя его низкий ранг в храме не изменится, статус одива джьерна принесет влияние. Если рабство вознесет его по ступеням власти, тогда он готов стать рабом Хратена. В душе Дилаф был истинным фьерденцем: амбиции Джаддет поощрял с такой же готовностью, как и преданность.

– Хорошо, – процедил Хратен. – Твое первое задание – проследить за жрецом Фьеном. Уже сейчас он должен грузиться на корабль, и я хочу убедиться, что он исполнит мое указание. Если по какой-то причине Фьена на борту не окажется – разыщи и убей его.

– Слушаюсь, джьерн.

Дилаф поспешно покинул комнату. Наконец-то нашелся выход его энтузиазму; Хратену оставалось только удерживать этот энтузиазм в должной узде.

Хратен покачал головой и вернулся к столу. Свиток все еще лежал там, куда его уронили недостойные руки Фьена; верховный жрец улыбнулся и трепетно взял пергамент в руки. Хратен никогда не придавал большого значения обладанию вещами, его манили великие свершения, а не накапливание бесполезного хлама. Но порой попадалась вещь настолько уникальная, что жреца согревала простая мысль, что она принадлежит ему. Он ценил ее не за приносимую пользу или возможность поразить окружающих, а просто потому, что именно ему выпала привилегия владеть ею. Свиток был такой вещью.

Вирн написал его своей рукой в присутствии Хратена. Пергамент содержал откровения Джаддета, и это писание предназначалось для глаз только одного человека. Мало кто встречал помазанника Джаддета, даже среди джьернов аудиенции были редкостью. Получить назначение из рук вирна... Это событие стало самым драгоценным воспоминанием в жизни верховного жреца.

Хратен снова пробежался взглядом по заветным словам, хотя уже давно выучил их наизусть.

«Услышь же слова Джаддета, переданные его слугой вирном Вулфденем Четвертым, королем и императором.

Сын мой, верховный жрец, твоя просьба вознаграждена. Отправляйся к еретикам Востока и объяви им мое последнее предупреждение, потому что, хотя империя моя бесконечна, терпению настанет предел. Недолго мне осталось спать в своей каменной гробнице. День империи близится, и вскоре моя слава засияет в полную мощь, взойдя вторым солнцем на горизонте Фьердена.

Издавна на моей земле чернеют шрамы языческих земель Арелона и Теода. Три сотни лет жрецы проповедуют среди отравленных влиянием Элантриса, и только некоторые откликаются на их зов. Знай же, верховный жрец, что мои верные воины готовы и ожидают только приказа вирна. Я даю тебе три месяца на обращение Арелона. По истечении срока святые воины Фьердена ринутся в эту страну как хищники, круша и давя нечестивцев, которые не прислушались к моим заветам. Всего три месяца осталось до уничтожения противников империи.

Время моего вознесения близится, сын мой.

Слова Джаддета, властелина всего сущего, записанные его слугой вирном Вулфденем Четвертым, императором Фьердена, пророком Шу-Дерет, правителем святого королевства Джаддета и держателем всего сущего».

Время пришло – и только две страны еще сопротивлялись завоеванию. Фьерден вернул былую славу, потерянную сотни лет назад при крушении первой империи. И снова Арелон и Теод оставались двумя королевствами в известном мире, не пожелавшими принять фьерденское правление. Но на этот раз, с помощью святой мощи Джаддета, Фьерден выйдет победителем. И когда все человечество объединится под властью вирна, Джаддет сможет восстать с подземного трона и править в величии своего великолепия.

И все это благодаря Хратену. Обращение Арелона и Теода являлось его неотложной задачей. Ему дали три месяца на то, чтобы изменить верования целого народа; задача грандиозная, но тем более важная. Если миссия провалится, фьерденская армия уничтожит все живое в Арелоне, а вскоре за ним последует Теод: два народа, хотя и разделенные морем, объединяли принадлежность к одной расе, общая вера и упорство.

Люди Арелона и не подозревали, что Хратен оставался их единственной надеждой перед лицом полного уничтожения. Слишком долго отворачивались они с надменным пренебрежением от учения Джаддета и его жрецов – и Хратен был их последним шансом.

Когда-нибудь они назовут его спасителем.

Глава 4

Женщина кричала до полного изнеможения, прося о помощи, о пощаде, моля Доми. Она скреблась в широкие ворота, и ее ногти оставляли узкие полосы на толстом слое слизи. В конце концов она обессилела и скорчилась на земле, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Вид ее страданий напомнил Раодену о собственной боли, о потерянной жизни за пределами элантрийских ворот.

– Дольше они ждать не станут, – прошептал Галладон.

Он крепко сжимал руку принца, не давая тому двинуться вперед.

Женщина с трудом поднялась на ноги; она ошеломленно оглядывалась вокруг и, казалось, не понимала, где находится. Она сделала неуверенный шаг влево, боясь оторвать ладонь от стены, как будто та оставалась последней связью с настоящим миром, а не отделяла от него.

– Вот и все, – произнес Галладон.

– Так просто? – спросил Раоден.

Дьюл кивнул:

– Она сделала хороший выбор. По крайней мере, не самый худший из возможных. Смотри.

В переулке на другом конце площади зашевелились тени. Галладон с принцем плотнее прижались к стене одного из обветшалых домов, окружавших привратную площадь Элантриса. Тени приобрели четкость и оказались группкой мужчин; они приближались к женщине быстрым решительным шагом, постепенно окружая ее. Один протянул руку и отобрал ее корзинку с подношениями. У женщины не осталось сил сопротивляться; она просто осела на землю. Пальцы дьюла впились в плечо принца, когда тот не раздумывая рванулся вперед, желая дать ворах отпор.

– Плохая идея. Коло? – прошипел Галладон. – Прибереги отвагу для себя. Ты чуть не загнулся от одного ушиба; представь, как будешь себя чувствовать, если дубинка разнесет твою отважную голову.

Раоден кивнул и перестал вырываться. Женщину ограбили, но больше опасность ей не грозила. И все равно наблюдать за ней было больно. Уже не юная девушка, а крепкая матрона с фигурой, созданной для материнства, и осанкой полноправной хозяйки дома, мать семейства. Сильно очерченное лицо говорило о жизненной мудрости и смелости, и Раоден не решался взглянуть ей в глаза. Если Элантрис сумел сломить такую женщину, то оставалась ли надежда для принца?

– Я говорил тебе, что она сделала правильный выбор, – продолжал Галладон. – Потеряла несколько свертков с едой, но на ней самой ни царапины. А вот стоило ей повернуть направо, как тебе, – там бы ее поджидала сомнительная милость людей Шаора. Прямо по курсу – и ее подношения принадлежали бы Аандену. Левый поворот лучше всего; люди Караты забирают еду, но обычно не обижают новичков. Лучше поголодать, чем прожить несколько лет со сломанной рукой.

– Несколько лет? – Раоден повернулся к темнокожему дьюлу. – Кажется, ты говорил, что раны здесь вообще не заживают.

– Мы можем только предполагать, сюл. Найдешь элантрийца, который доживет до конца вечности и не спятит, – пусть он тебе все подробно разъяснит.

– И сколько люди ухитряются здесь протянуть?

– Год, от силы два.

– Год?!

– Ты думал, что мы бессмертны? Мы не стареем, но это не означает, что мы живем вечно.

– Не знаю. – В голосе Раодена звучало сомнение. – Ты говорил, что мы не можем умереть.

– Правильно, не можем. Но синяки, царапины, сбитые пальцы... Боль накапливается. У всего есть предел.

– Люди кончают жизнь самоубийством? – тихо спросил принц.

– Это невозможно. В основном они валяются в канавах, кричат и стонут. Бедняги руло.

– И сколько ты здесь прожил?

– Несколько месяцев.

Еще одно немыслимое откровение, а мир вокруг Раодена и так трещал по швам. Принц думал, что Галладон прожил в Элантрисе по меньшей мере пару лет. Дьюл говорил о жизни в Элантрисе, как будто город был его домом десятки лет, и он прекрасно ориентировался в гигантском лабиринте улиц.

Раоден перевел взгляд на площадь, но женщина уже пропала неведомо куда. Она могла оказаться кем угодно: горничной во дворце его отца, или компаньонкой богатой купеческой жены, или просто домохозяйкой. Шаод не обращал внимания на статус жертвы; он забирал всех без разбору. И сейчас женщина исчезла, канула в зияющий колодец под названием Элантрис. И он ничем не мог ей помочь!

– И все из-за одного куска хлеба и горсточки вялых овощей, – пробормотал принц.

– Сейчас кусок хлеба кажется чепухой, но подожди несколько дней. Единственная пища, которая сюда попадает, лежит в корзинах новичков. Подожди немного, сюл. Ты тоже узнаешь голод; и надо быть очень сильным человеком, чтобы противиться его зову.

– Но ты же справляешься.

– Не слишком успешно – и я прожил в Элантрисе только несколько месяцев. Я не в силах предсказать, во что голод превратит меня через год.

Раоден фыркнул:

– Ты только дожись, пока истекут мои тридцать дней, а потом можешь оборачиваться кровожадным хищником, сколько душе угодно. Мне бы не хотелось обнаружить, что я продешил с отданным тебе мясом.

После небольшой паузы Галладон рассмеялся:

– Тебя ничем не испугать, да, сюл?

– На самом деле меня пугает практически все, что я здесь вижу. Просто я пытаюсь не поддаваться ужасу, растущему с каждым днем. Стоит мне его осознать, и я полезу прятаться под брусчатку. А теперь расскажи мне про здешние банды.

Галладон пожал плечами и направился внутрь дома, из которого они наблюдали за площадью. Он взял стоявший у стены стул, подозрительно посмотрел на его ножки и присел. Стул

хрустнул, и дьол едва успел вскочить, после чего с отвращением зашвырнул стул в угол и уселся на пол.

– Элантрис поделен на три части, сюл: для трех банд. Район старого рынка принадлежит Шаору; ты уже познакомился с его людьми, хотя они были слишком заняты слизыванием грязи с твоих подношений, чтобы представиться как положено. Дворцом и окрестностями правит Карата – это ее приспешники так вежливо облегчили корзинку той дамы на площади. И последний из главарей – Аанден. Почти все время он проводит в университете.

– Образованный?

– Нет, шустрый малый. Он первым догадался, что многие из старых текстов написаны на тончайшем пергаменте. Вчерашняя классика стала сегодняшним обедом. Коло?

– Идос Доми! – вырвалось у Раодена. – Это ужасно! Старинные свитки Элантриса, которые содержат тысячи текстов! Им же цены нет!

Галладон смотрел на него со страдальческим выражением:

– Сюл, ты хочешь, чтобы я повторил речь о тяготах голода? Какой толк от изысков пера, если от боли в желудке слезы из глаз катятся?

– Это не довод. К тому же двухсотлетний телячий пергамент вряд ли особенно вкусен.

Дьол передернул плечами:

– Уж всяко лучше слизи. Так или иначе, несколько месяцев назад у Аандена, по слухам, закончились свитки. Они пытались варить книги, но ничего не вышло.

– Странно, что они не попытались сварить друг дружку.

– О, они пробовали. К счастью, во время шаода с нами что-то происходит, – по всей видимости, плоть мертвецов не слишком приятна на вкус. Коло? Она настолько горька, что никакой желудок ее не удержит.

– Приятно знать, что каннибализм так предусмотрительно выведен из игры, – сухо заметил Раоден.

– Я говорил тебе, сюл. Голод толкает на невообразимые поступки.

– И ты считаешь, что это достаточное оправдание?

Галладон мудро промолчал.

Принц продолжал:

– Ты рассуждаешь о голоде и боли, как будто это силы, которым нельзя противостоять. Если все оправдывать голодом, получается, что стоит убрать привычные удобства – и мы превратимся в животных?

Галладон покачал головой:

– Прости, сюл, но именно так обстоят дела.

– Они должны обстоять по-другому.

Десять лет – не очень долгий срок. Даже при арелонской влажности город не мог обветшать так сильно. Элантрис казался покинутым столетия назад. Дерево гнило, штукатурка и кирпичи рассыпались, даже каменные строения начинали рушиться. И все вокруг покрывала вездесущая бурая слизь.

Раоден наконец приспособился к ходьбе по скользким, щербатым мостовым. Он старался не вымазаться слизью, но без особого успеха. Каждая стена, которой он коснулся, каждый уступ, за который он ухватился, оставляли на нем отметины.

Они с Галладоном шагали по улице, проезжая часть которой была шире любой дороги в Каи. Элантрис был построен с размахом, и, хотя город даже снаружи устрашал своими размерами, только сейчас Раоден начал понимать, насколько он огромен. Они шли уже долго, а дьол утверждал, что до места назначения еще довольно далеко.

При этом они не торопились. Первое, чему научился Раоден, – в Элантрисе никто не суетился. Все, что делал Галладон, он делал осторожно, точными и размеренными движениями.

Малейшая царапина грозила добавить свой голос к песне бесконечной боли; чем осмотрительнее вел себя человек, тем дольше он оставался в своем уме. Так что Раоден следовал за дыюлом и старался подражать его цепкой походке. Стоило принцу в очередной раз заподозрить, что его провожатый чересчур осторожничают, ему было достаточно глянуть на одну из лежащих в канавах и уличных закутках скорченных фигур, и доверие к советам дыюла возвращалось с новой силой.

Галладон называл сломленных болью элантрийцев хоедами. Они теряли разум, и их жизнь продолжалась в муках нескончаемой агонии. Они редко передвигались, – видимо, животный инстинкт подсказывал держаться в тени. Большинство страдали тихо, но только немногие хранили полное молчание. Проходя мимо, принц слышал их невнятное бормотание, всхлипывания и стоны. Многие повторяли одни и те же слова, как мантру, которая сопровождала их страдания.

– Доми, Доми, Доми...

– Красив, он был так красив...

– Стоп, стоп, стоп. Пусть она прекратится...

Раоден заставлял себя пропускать слова мимо ушей; при взгляде на эти безликие человеческие обломки у него ныло в груди, как будто боль передавалась ему. Принц боялся, что стоит начать прислушиваться, и он сойдет с ума гораздо раньше, чем нанесет себе серьезное увечье.

Но стоило ему отдаться течению мыслей, они обязательно возвращались к оставленной по ту сторону стен жизни. Продолжат ли его друзья тайные собрания? Смогут ли Киин и Ройэл удержать группировку в своих руках? И что станет с его лучшим другом Люкелом? Раоден едва успел познакомиться с молодой женой Люкела, а теперь ему никогда не доведется увидеть их первенца.

Сильнее всего его терзали мысли о собственном расстроенном браке. Принц не успел даже как следует познакомиться со своей невестой, хотя много раз разговаривал с ней через сеонов. Раодену очень хотелось надеяться, что она останется такой же остроумной и интересной собеседницей при личной встрече, но, похоже, узнать наверняка ему уже не суждено. Скорее всего, Йадон скрыл от публики превращение сына, объявив того умершим. Теперь у Сарин нет причины плыть в Арелон. Стоит ей услышать о смерти Раодена, она останется в Теоде и найдет себе другого супруга.

«Я бы многое отдал за одну встречу с ней», – сокрушался принц. Но пора положить конец сожалениям. Теперь он элантриец.

Раоден вздохнул и принялся рассматривать улицы, по которым они проходили. Трудно было поверить, что когда-то Элантрис считался самым красивым городом Опелона, если не всего мира. Куда ни глянь, все покрывала слизь: результат гниения и разрушения. Но если приглядеться, даже слой грязи не сумел окончательно погубить бывшее величие; еще можно было различить шпили на крышах, осколки изящных настенных барельефов, торжественные часовни и просторные особняки, колонны и арки. Десять лет назад они сверкали нетронутой белизной и позолотой, освещая магическим светом все вокруг.

Никто не знал, что послужило причиной реода. Дерейтские жрецы выдвигали теорию, что элантрийцев покарал бог. До реода элантрийцы, сами жившие как боги, снисходительно позволяли арелонцам исповедовать другие религии. Подобно хозяину, который смотрит сквозь пальцы на собаку, подлизывающую с пола объедки. Красота Элантриса и доступное его жителям могущество удерживали основную массу населения от обращения к Шу-Кесег. Зачем искать неведомых богов, когда под боком живут свои собственные?

Раоден помнил бурю, которая предшествовала падению Элантриса. Земля заходила ходуном, на юге Арелона появился огромный разлом, и вся страна содрогнулась. Одновременно со стихийными разрушениями Элантрис потерял свое могущество. Его жители из блистательных

белокурых красавцев превратились в существ с пятнистой кожей и лысыми черепами, похожих на разлагающиеся после ужасной болезни трупы. Город перестал сиять и покрылся мраком.

Всего только десять лет назад – не такой уж большой срок. Десятилетнее запустение не могло раскрошить камень и покрыть его толстым слоем слизи, особенно когда в городе жило так мало людей и большинство из них с трудом передвигались. Казалось, что сам Элантрис стремится умереть; великий город покончил счеты с жизнью.

– Рыночный квартал Элантриса, – указал Галладон. – Раньше здесь находился один из самых внушительных рынков в мире. Торговцы со всего Опелона приезжали сюда, привозя любую роскошь, какую можно было себе вообразить. Еще здесь продавалось самое ценное элантрийское волшебство. Они не все дарили задаром, коло?

Они взобрались на крышу, – судя по всему, не все жители любили купола и шпили, некоторые предпочитали простые плоские крыши, поскольку это давало возможность разбить там сад. Лежащие перед ними, покрытые темной патиной руины ничем не отличались от остальных. Раоден попытался представить, как когда-то улицы украшали разноцветные навесы уличных торговцев, но сейчас единственным напоминанием о тех временах оставались валявшиеся кое-где грязные тряпки.

– Можно подойти поближе? – спросил Раоден.

Он наклонился над перилами, пытаясь разглядеть старый рынок.

– Все можно, сюл, – с усмешкой отозвался Галладон. – Только я останусь здесь. Банда Шаора любит погонять новичков – одно из немногих оставшихся им удовольствий.

– Тогда Расскажи мне о самом Шаоре.

Галладон пожал плечами:

– В таком месте многие льнут к вожакам, ищут хоть каплю надежности в окружающем хаосе. Как и в любом обществе, сильные берут власть в свои руки. Шаору нравится отдавать приказания, и по каким-то причинам к нему тянутся наиболее разнузданные и бессердечные элантрийцы.

– И ему достается треть подношений, которые поступают с новичками?

– Ну, сам Шаор редко показывается на площади, но ты прав – его шайка получает право на третью часть подношений.

– А почему компромисс? – поинтересовался Раоден. – Если его люди настолько необузданны, как ты говоришь... Что заставляет их придерживаться мирного соглашения с остальными?

– Остальные банды ничуть не меньше Шаоровой, сюл. Люди снаружи беззаботны, им кажется, что они бессмертны. Мы смотрим на вещи практичнее. Невозможно выиграть битву без единого ранения, а здесь даже крохотные царапины могут оказаться более роковыми, чем потеря головы с плеч. Люди Шаора без царя в голове, но отнюдь не полные идиоты. Они вступают в драку, только если на их стороне значительный перевес или их манит роскошный куш. Ты думаешь, что вчерашнего парня отпугнули твои внушительные мускулы?

– Я сам недоумевал, – признался принц.

– Только дай им намек, что ты решил обороняться, сюл, – и они тут же разбегутся, – покачал головой Галладон. – Удовольствие от твоих мучений не стоит риска, что ты сумеешь нанести ответный удар.

Раоден содрогнулся:

– Лучше покажи мне, где обитают остальные шайки.

Как выяснилось, университет граничит с дворцом. Если верить Галладону, Карата и Аанден находились в состоянии вынужденного перемирия, и с обеих сторон выставлялись часовые.

Провожатый принца снова затащил его на плоскую крышу, только на этот раз им пришлось карабкаться по шатким ступенькам.

Тем не менее, даже чуть не свалившись с лестницы, когда ступенька треснула у него под ногами, Раодену пришлось признать, что вид того стоит. Элантрийский дворец оказался настолько роскошен, что даже вездесущая гниль не смогла подорвать его великолепия. Пять величественных куполов венчали крылья дворца, а на куполах взмывали ввысь изящные шпили. Только средний сохранился в целости и по-прежнему гордо подпирал небо: Раодену еще никогда не приходилось видеть сооружения такой высоты.

– Дворец располагается в самом центре Элантриса, – рассказывал Галладон. Он кивком указал на шпиль. – Когда-то на его вершину вела винтовая лестница и оттуда можно было взглянуть на город. Но сейчас я бы не советовал. Коло? Карата одновременно наиболее строгая и снисходительная из главарей.

Галладон спокойно рассматривал дворец. Раодена поразил его задумчивый взгляд, казалось, он видит что-то недоступное глазам принца. Но рокочущий голос дыюла продолжал описание, хотя мысли его явно бродили вдалеке:

– Она редко принимает в свою шайку новых членов и очень ревниво оберегает свою территорию. Если ты забредешь на землю Шаора, при желании его люди могут тебя погонять. Но Карата не терпит вторжений. Зато, если ты не станешь ей досаждать, она оставит тебя в покое, а отбирая пищу у новичков, ее люди не наносят им увечий. Ты ее сегодня видел – она всегда забирает подношения лично. Возможно, она считает, что самостоятельно ее подчиненные не справятся.

– Все может быть, – отозвался Раоден. – Что еще ты о ней знаешь?

– Немного. Главари банд, как правило, не имеют привычки проводить вечера за приятной беседой.

– И кто из нас не принимает вещи всерьез? – с улыбкой спросил принц.

– Ты плохо на меня влияешь, сюл. Мертвецы не должны страдать жизнерадостностью. Так или иначе, единственное, что я могу сказать о Карате, – ей не очень нравится Элантрис.

Раоден нахмурился:

– А кому нравится?

– Все мы ненавидим город, сюл, но только немногие осмеливаются бежать. Карату уже три раза ловили в Каи – и всегда в окрестностях королевского дворца. Еще раз, и жрецы сожгут ее на костре.

– И что ей нужно во дворце?

– Она не настолько любезна, чтобы снизойти до объяснений, особенно мне. Многие думают, что она собирается убить короля Йадона.

– Зачем? – спросил принц. – Чего она добьется?

– Мести, беспорядков, кровопролития. Подходящие цели для человека, который уже все равно проклят. Коло?

Раоден нахмурился. Возможно, долгая жизнь под влиянием отца (который очень боялся быть настигнутым наемным убийцей) сделала его несколько бесчувственным, но убийство короля казалось ему недостижимой целью.

– А как насчет последнего главаря?

– Аандена? – спросил Галладон, глядя на университет.

Тот был велик, но не столь внушителен, как дворец. Он состоял из пяти или шести длинных, плоских зданий и обширного открытого пространства; скорее всего, раньше там располагались сады или лужайки, но их давно уже съели голодающие жители.

– Он утверждает, что, перед тем как попасть сюда, носил титул дворянина. Кажется, барона. Он попытался провозгласить себя элантрийским монархом и ужасно разозлился, когда Карата захватила контроль над дворцом. Он держит двор, обещает кормить тех, кто к нему

присоединится, – хотя до сих пор они получили только несколько вареных книг – и строит планы по нападению на Каи.

– Нападение? – вырвалось у Раодена.

– Вряд ли он относится к идее серьезно, – заверил его дьюл. – Но она помогает ему вербовать новичков. Пока он утверждает, что разработал стратегический план освобождения Элантриса, последователи будут тянуться к нему. Еще он очень жесток. Карата нападает только на тех, кто пытается проникнуть во дворец; Аанден славится тем, что идет на поводу у малейшей прихоти. Я лично считаю его немного спятившим, скул.

Раоден нахмурился: если этот Аанден действительно был бароном, он должен его знать. Тем не менее имя казалось незнакомым. Либо Аанден солгал о своем благородном происхождении, либо изменил имя после того, как попал в Элантрис.

Принц вернулся к обзору местности между дворцом и университетом, и одна деталь привлекла его внимание. Настолько обыденная, что, только когда она оказалась перед глазами, его поразило, что до сих пор он не видел в Элантрисе ни одного подобного сооружения.

– Колодец? – удивился Раоден.

Галладон кивнул:

– Единственный в городе.

– Как же так?

– Раньше вода поступала прямо в дома, скул, – одно из преимуществ магии Эйон Дор. В колодцах не было необходимости.

– Зачем тогда построили этот?

– Кажется, его использовали при религиозных церемониях. Для некоторых ритуалов элантрийцам требовалась только что набранная ключевая вода.

– Значит, под городом действительно протекает река Аредель, – произнес принц.

– Конечно. Куда она денется. Коло?

Раоден задумчиво прищурился, но не стал делиться своими догадками. Рассматривая город, он заметил небольшой шар света, парящий над улицей под ними. Сеон бесцельно колыбался в воздухе, а порой принимался кружить на месте. Он находился слишком далеко, и Раоден не мог разглядеть эйон в центре.

Дьюл заметил, что привлекло интерес Раодена:

– Это сеон. Обычная вещь в городе.

– Значит, то, что о них говорят, – правда?

Галладон кивнул:

– Когда шаод настигает хозяина, сеон сходит с ума. Здесь их немного; они не разговаривают, только летают вокруг.

Раоден отвернулся. Он старался не думать, какая судьба ждет его собственного сеона Йена. Галладон глянул на небо:

– Собирается дождь.

Принц приподнял вопросительно бровь и перевел взгляд на безоблачное небо:

– Как скажешь.

– Поверь мне. Нам лучше вернуться под крышу, если только ты не жаждешь провести пару дней в мокрой одежде. В городе трудно развести огонь, все деревянное уже прогнило.

– Куда пойдем?

Галладон пожал плечами:

– Выбирай любой дом, скул, они все не заняты.

Предыдущую ночь они тоже провели в заброшенном доме, но только сейчас Раоден догадался спросить:

– А где живешь ты, Галладон?

– В Дюладеле, – немедленно откликнулся Галладон.

– Я имею в виду – сейчас.

Дьюл задумался, с сомнением его разглядывая. Потом передернул плечами и махнул принцу рукой:

– Пошли.

– Книги! – восхищенно воскликнул Раоден.

– Мне не следовало приводить тебя сюда, – проворчал Галладон. – Теперь мне от тебя никогда не избавиться.

Поначалу Раоден решил, что дьюл живет в заброшенном винном погребе, но мнение его быстро переменялось. Воздух в помещении оказался суше и прохладнее, чем снаружи, хотя они явно находились под землей. Противореча собственным рассуждениям об огне, Галладон достал из скрытой ниши лампу и запалил ее при помощи кремня и куска стали. Глазам принца предстало в высшей степени удивительное зрелище.

Помещение походило на рабочий кабинет. На стенах висели полки с книгами, а свободное пространство покрывали эйоны – таинственные символы эйонского языка.

– Как ты разыскал это место? – восторженно спросил Раоден.

– Набрел на него случайно, – небрежно ответил дьюл.

– Сколько книг! – Раоден наугад снял книгу с полки. Обложку покрывала плесень, но текст не пострадал. – Вдруг мы сможем раскрыть секрет эйонов! Ты когда-нибудь мечтал об этом?

– Об эйонах?

– Об элантрийской магии! Говорят, что до реода элантрийцы могли творить волшебство, просто рисуя эйоны.

– Вот так? – спросил Галладон, поднимая руку.

Он быстро прочертил по воздуху пальцем – принц узнал эйон Тео, – и в воздухе остался висеть мерцающий белый след.

Глаза Раодена распахнулись, и позабытая книга выпала из рук. Считалось, что только элантрийцы обладают способностью вызывать заключенную в эйонах силу. Также считалось, что с падением города их сила пропала.

Галладон улыбнулся ему; в воздухе между ними продолжал светиться белесый символ.

Глава 5

– Доми милостивый! – удивленно воскликнула Сарин. – Откуда он взялся?

Джьерн вышагивал по тронному залу с надменностью, свойственной его кругу. На нем красовался все тот же блестящий доспех верховного дереитского жреца высшей иерархии, а за плечами развевался притягивающий взгляды ярко-алый плащ. Оружия жрец при себе не имел. Костюм его подбирался с расчетом на привлечение внимания, и, несмотря на мнение Сарин о самих джьернах, ей пришлось признать, что их манера одеваться имеет успех. Конечно, одевание предназначалось в основном для торжественных случаев: даже учитывая, какое внимание империя уделяла физическому здоровью, немногие фьерденцы смогли бы носить полный пластинчатый доспех с той легкостью, как стоящий перед ними джьерн. Скорее всего, броня была сработана из тонкого и легкого металла, бесполезного в битве.

Жрец миновал принцессу, не удостоив ее взглядом, и продолжал путь прямо к трону. Он казался молодым для своего титула, не больше сорока, и седина едва успела тронуть короткие, тщательно подстриженные волосы.

– Вам известно, что в Арелоне замечено присутствие дереитов, госпожа. – (Кроме Эйша, по обыкновению парящего рядом с ней, в зале находился всего один сеон.) – Почему вас удивляет встреча с фьерденским жрецом?

– Он полный джьерн, Эйш. Во всей Фьерденской империи их двадцать человек. В Каи могут существовать последователи Дерети, но их не настолько много, чтобы потребовалось присутствие жреца высшей иерархии. Джьерны очень дорожат своим временем.

Сарин наблюдала, как фьерденец продвигается вперед, прорезая небольшую толпу, как птица, летящая сквозь стайку мошек.

– Пошли, – прошептала принцесса Эйшу и начала пробираться поближе к трону. Она не хотела пропустить речь джьерна.

Ей не стоило волноваться. Когда он заговорил, эхо его сильного голоса раскатилось по всему залу.

– Король Йадон, – провозгласил жрец и отвесил легкий кивок, который с натяжкой мог сойти за поклон. – Я, джьерн Хратен, принес тебе послание от вирна Вулфдена Четвертого. Его пожелание заключается в том, чтобы наши нации объединяла не только общая граница. – В его голосе звучал различимый мелодичный акцент коренного жителя Фьерденской империи.

Йадон с едва замаскированной неприязнью оторвался от бухгалтерских книг:

– Чего еще желает вирн? Мы уже заключили торговый договор с Фьерденом.

– Его святейшество беспокоится о душах здешнего народа, ваше величество, – ответил Хратен.

– Пусть он их обращает. Ваши жрецы всегда имели свободу проповеди в Арелоне.

– Люди медлительны, ваше величество. Их необходимо подтолкнуть – если изволите, дать им знак. Вирн решил, что пришло время и вашему величеству обратиться к Шу-Дерет.

На этот раз Йадон не потрудился скрыть раздражение в голосе:

– Я верую в Шу-Корат, жрец. Мы служим одному богу.

– Шу-Дерет – единственная истинная форма Шу-Кесег, – мрачно ответил Хратен.

Король пренебрежительно махнул рукой:

– Мне наплевать на раздоры между двумя сектами. Иди и обращай неверующих; многие арелонцы еще придерживаются старой религии.

– Вам не следует отмахиваться от предложения вирна, – предостерег джьерн.

– Ради всего святого, жрец, неужели нам необходимо затевать эту канитель? Твои угрозы ничего не стоят: уже прошло три столетия, как Фьерден лишился влияния в мире. Или ты решил запугать меня воспоминаниями о былой мощи?

Взгляд Хратена стал враждебным.

– Сейчас Фьерден гораздо сильнее, чем когда-либо раньше.

– Правда? И где же ваши обширные земли? Где ваша армия? Сколько стран вы покорили за последнее столетие? Может, вы наконец признаете, что Фьерденская империя рухнула триста лет назад?

После краткого молчания джьерн повторил легкий кивок, которым приветствовал короля, развернулся и в шуршании развевающихся крыльев плаща направился к двери. Молитвы Сарин остались без ответа – он так и не споткнулся. В дверном проеме жрец остановился и послал в направлении трона последний презрительный взгляд. Но вместо короля он встретился глазами с Сарин. Его лицо отразило легкое замешательство, пока он изучал ее непривычно высокий рост и светлые теодские волосы. Наконец жрец покинул зал, и двор взорвался тысячей приглушенных голосов.

Король Йадон фыркнул и вернулся к своим книгам.

– Он не замечает проблем у себя под носом, – прошептала Сарин. – Он не понимает.

– Не понимает чего, госпожа? – переспросил Эйш.

– Какую опасность несет этот джьерн.

– Его величество по натуре торговец, госпожа, а не политик. Он по-другому смотрит на вещи.

– Даже так, – вполголоса возразила Сарин. – У короля Йадона должно иметься достаточно опыта, чтобы понять – слова Хратена о Фьердене правдивы. На данный момент могущество вирна превышает даже мощь старой империи.

– Новоиспеченным монархам зачастую трудно представить, что помимо военной силы существуют и другие варианты. Королю даже в голову не приходит, что легион дереитских жрецов гораздо влиятельнее, чем вся его армия.

Сарин задумалась, постукивая по щеке пальцем:

– Ладно, Эйш, по крайней мере, теперь тебе не придется волноваться о смятии, которое я способна учинить среди арелонской знати.

– Я сильно сомневаюсь, госпожа. Как вы тогда собираетесь проводить время?

– Ох, Эйш, – сладким голосом пропела принцесса, – зачем мне тратить время на бестолковых выскочек, когда появилась возможность помериться силой с джьерном? – Более серьезным тоном она продолжала: – Вирн тщательно отбирает верховных жрецов. Если Йадон не будет присматривать за ним – а он явно не собирается этого делать, – Хратен обратит Каи у него под носом. И какую пользу принесет Теоду мой жертвенный брак, если Арелон перейдет к врагу?

– Госпожа, вы преувеличиваете.

По телу сеона пробежала мерцающая полоса. Слова звучали знакомо, – казалось, он считает своим долгом повторять их каждый день.

Сарин покачала головой:

– На сей раз нет. Сегодня Хратен прошупывал почву. Теперь у него появился законный предлог для действий против короля, – с точки зрения жреца, Арелоном управляет еретик. Он попытается найти способ свергнуть Йадона, и второй раз за последнее десятилетие королевство останется без власти. Но на этот раз претендента на престол выберет не купеческое сословие; решение примут жрецы Дерети.

– Значит, вы собираетесь помочь Йадону? – с веселым изумлением поинтересовался Эйш.

– Он мой суверен.

– Несмотря на то что вы считаете его невыносимым?

– Все что угодно, лишь бы не попасть под пяту Фьердена. К тому же я могу ошибаться насчет короля.

После первой унижительной встречи отношения между Сарин и арелонским монархом развивались не так уж плохо. На похоронах принца Йадон ее проигнорировал, что пришлось принцессе на руку: она высматривала в процессии подозрительные лица. К несчастью для нее, событие прошло совершенно заурядно: никто из видных дворян не бросил на себя тень виноватым видом и никто не пропустил церемонию.

– Да... – протянула девушка. – Возможно, мы с Йадоном сможем поладить, просто делая вид, что не замечаем друг друга.

– Что, во имя пылающего Доми, ты опять делаешь при моем дворе, девушка? – раздался позади голос короля.

Сарин обреченно подняла взгляд к небу и повернулась к его величеству, а Эйш замерцал тихим смехом.

– Как? – Она попыталась придать себе невинный вид.

– Ты! – рявкнул король, указывая на нее пальцем. Сарин не удивляло его дурное настроение; с другой стороны, если верить слухам, в хорошем настроении он пребывал крайне редко. – Неужели ты еще не поняла, что женщины появляются при моем дворе только по приглашению?

Сарин удивленно заморгала:

– Мне никто не говорил, ваше величество.

Она старалась выглядеть дурочкой, у которой в голове отроду не бывало ни единой мысли.

Йадон проворчал что-то о бестолковых женщинах и покачал головой, отмечая ее очевидную тупость.

– Я только хотела рассмотреть картины, – продолжала Сарин со слезливой дрожью в голосе.

Король поднял ладонь, приказывая ей замолчать, и вернулся к подсчетам. Принцесса с трудом сдержала улыбку, промокнув вместо этого глаза, и повернулась к картине на стене.

– Такого я не ожидал, – прошептал сеон.

– С Йадоном я разберусь позже. Меня больше беспокоят другие личности.

– Я никогда не думал, что увижу день, когда вы решите сыграть на женских слабостях. Даже ради прикрытия.

– Прикрытия? – Сарин захлопала ресницами.

Эйш фыркнул.

– До сих пор не могу понять, как сеоны ухитряются издавать такие звуки, – заметила принцесса. – Чем ты фыркаешь, если у тебя нет носа?

– Годы упорных тренировок, госпожа. Неужели при каждой встрече с королем мне придется выслушивать ваши всхлипывания?

Сарин пожала плечами:

– Он привык видеть женщин глупышками, так что придется и мне сыграть глупышку. Людьюми гораздо легче управлять, если они считают тебя неспособной запомнить собственное имя.

– Ин?! – внезапно нарушил их беседу громкий оклик. – Это ты?

Глубокий, скрипучий голос казался знакомым. Как будто говоривший осип, хотя Сарин никогда не слышала, чтобы человек с больным горлом оглушительно кричал.

Принцесса повернулась. Огромный мужчина – высокий, широкоплечий и невероятно мускулистый – протискивался к ней через толпу. На нем был просторный шелковый дублет синего цвета (Сарин содрогнулась, представив, сколько шелковичных червей пряли для него нить) и отделанные по арелонской моде кружевами панталоны.

– Это ты! – воскликнул он. – Мы думали, ты приедешь через неделю!

– Эйш, – прошептала Сарин, – кто этот ненормальный и что ему от меня надо?

– Он кажется знакомым, госпожа. Прошу прощения, моя память слабеет с годами.

– Ха! – выдохнул гигант, сгребая девушку в медвежье объятие.

Ее нижняя половина утонула, как в подушке, в его необъятном животе, тогда как лицо упиралось в твердую, мускулистую грудь.

Принцесса подавила грозящий вырваться писк; оставалось только надеяться, что сумасшедший уронит ее прежде, чем она потеряет сознание. Возможно, если начать синеть, Эйш догадается позвать на помощь.

К счастью, нападавший отпустил ее прежде, чем возможность удушья перешла в серьезную угрозу, и ухватил за плечи, удерживая на расстоянии вытянутой руки.

– Ты изменилась. Когда мы виделись в последний раз, ты едва доставала мне до колена. – Он оглядел ее с ног до головы. – Ну... вряд ли ты когда-нибудь была по колена, но в любом случае не выше пояса. Твоя мать всегда утверждала, что ты вытянешься как деревце!

Сарин потрясла головой. Голос звучал до боли знакомо, но черты лица ничего ей не говорили. Принцесса обладала хорошей зрительной памятью. А вдруг?..

– Ханки Кэй? – нерешительно спросила она. – Доми всемогущий! Что случилось с твоей бородой?

– Арелонская знать не признает бород, малышка. Я сбрил ее много лет назад.

Это был он. Голос изменился, лицо без бороды стало неузнаваемым, но взгляд оставался прежним. Она помнила большие карие глаза, всегда искрящиеся от смеха.

– Ханки Кэй, – всплыли из памяти слова, – где мой подарок?

Дядя Киин расхохотался, скрипучий тон его голоса придавал смеху странное придыхание. Когда он приходил навестить маленькую принцессу, она всегда встречала его этими словами: он приносил необыкновенные подарки, каких не видывала даже дочь короля.

– Боюсь, что сегодня я забыл о подарке, малышка.

Сарин покраснела. Не успела она выдать извинение, как дядя обнял ее за плечи и потащил прочь из тронного зала:

– Пошли, я познакомлю тебя с женой.

– С женой? – пораженно воскликнула принцесса. Она не видела Киина много лет, но точно помнила, что он убежденный холостяк и сердцеед. – Неужели Ханки Кэй женился?

– Не только ты подросла за последние десять лет, – прохрипел Киин. – Да, и хотя Ханки Кэй звучит очень мило, но лучше тебе называть меня дядя Киин.

Сарин снова залилась краской.

– Как поживает отец? Я полагаю, он ведет себя подобающе королевскому положению.

– У него все хорошо, дядя, – ответила принцесса. – Он очень удивится, когда узнает, что ты обитаешь при дворе Арелона.

– Он знает.

– Нет, он считает, что ты отправился в путешествие и осел на дальних островах.

– Сарин, если ты не поглупела с тех пор, как была маленькой девочкой, то должна понимать разницу между правдой и отговорками.

Принцесса вздрогнула, как будто ее окатили ледяной водой. Ей смутно припомнилось, как она смотрит вслед дядиному кораблю и спрашивает отца, когда Ханки Кэй вернется. Лицо Эвентию помрачнело, как туча, и он ответил, что Ханки Кэй отправился в далекое-предалекое плавание.

– Но почему?! – воскликнула она. – Все время ты жил в нескольких днях пути от дома и ни разу не навестил нас?

– Я приберегу эту историю для другого раза, малышка. – Киин покачал головой. – А сейчас приготовься встретить чудище женской породы, которое сумело захватить твоего дядю в плен.

Вряд ли кому-нибудь бы пришло в голову назвать жену Киина чудищем. Сарин нечасто приходилось встречать зрелых женщин, так хорошо сохранивших свою красоту. Даора обладала выразительными, правильными, как у статуи, чертами лица и прекрасными, ухоженными рыжеватыми волосами. Сарин ни за что бы не поверила, что она вышла замуж за ее дядю; с другой стороны, ее представления о Киине явно устарели.

Семья Киина обитала в просторном, похожем на крепость особняке. Принцесса знала, что раньше дядя имел какое-то отношение к торговле, и в памяти всплывали дорогие подарки и экзотические наряды Киина. Он был не только старшим братом короля, но и чрезвычайно успешным дельцом.

Самым большим сюрпризом оказались дети. Сарин никак не могла совместить воспоминания о бесшабашном Ханки Кэе с понятием отцовства. Ее представления о дяде рассыпались в прах, когда Киин и Даора распахнули двери в столовую.

– Папа пришел! – прозвенел девчоночий голосок.

– Да, папа пришел, – страдальческим тоном ответил Киин. – И я ничего тебе не принес. Я уходил всего на несколько минут.

– Мне все равно, принес или не принес. Я есть хочу!

Говорившая, девочка примерно десяти лет, произносила слова серьезным тоном взрослого человека. На ней было розовое платье, подпоясанное белой лентой, а личико окружали короткие, невероятно светлые кудряшки.

– И когда ты только не хочешь есть, Кэйс? – кислым тоном спросил мальчик, похожий на девочку как две капли воды.

– Дети, не ссорьтесь, – твердо прервала их Даора. – У нас гостя.

– Сарин, – торжественно объявил Киин, – познакомься с двоюродными братом и сестрой: Даорн и Кэйс – одна большая головная боль, свалившаяся на твоего несчастного дядюшку.

– Будет тебе, отец. Без них ты бы давно извелся от скуки, – откликнулся возникший в дверях молодой человек.

Он был среднего для арелонского мужчины роста (то есть на пару дюймов ниже Сарин) и стройного сложения, с очень привлекательным, резко очерченным лицом. Волосы разделялись пробором, и прямые пряди обрамляли скулы, усиливая сходство с ястребом. Рядом с ним стояла черноволосая женщина и с поджатыми губами рассматривала Сарин.

Молодой человек отвесил принцессе легкий поклон.

– Ваше высочество, – произнес он с едва заметной улыбкой.

– Мой сын Люкел, – представил его Киин.

– Твой сын? – удивленно переспросила Сарин.

Младшие дети – одно дело, но Люкел казался старше ее на несколько лет. Получается...

– Нет. – Киин покачал головой. – Люкел – сын от первого брака Даоры.

– И все равно я твой сын, – с широкой улыбкой вмешался Люкел. – Ты за меня отвечаешь, и так легко тебе не отделаться.

– Сам Доми не возьмется отвечать за тебя, – проворчал Киин. – Так или иначе, рядом с ним Джалла.

– Твоя дочь? – спросила Сарин, когда Джалла присела в реверансе.

– Невестка, – ответила черноволосая женщина.

Ее речь звучала с сильным акцентом.

– Ты фьерденка? – не удержалась принцесса.

Цвет волос наводил на подозрения, но имя и акцент не оставляли места для сомнений.

– Сворданка, – поправила Джалла.

Что не составляло большой разницы – Свордан по сути являлся фьерденской провинцией.

– Мы вместе учились в сворданском университете, – добавил Люкел. – И поженились месяц назад.

– Примите мои поздравления. Приятно узнать, что я здесь не единственная новобрачная.

Сарин намеревалась произнести слова шутливо, но не смогла удержать горечи. Широкая ладонь Киина сжала ее плечо.

– Мне очень жаль, Ин, – тихо сказал он. – Я не хотел ворошить эту тему, но... Ты заслуживаешь лучшего; ты росла таким счастливым ребенком.

– Небольшая потеря. – Сарин постаралась говорить равнодушно. – Я совсем не знала принца.

– И все равно, – вставила Даора, – такая печальная неожиданность.

– Можно сказать и так, – согласилась принцесса.

– Будет легче, если ты поверишь, что Раоден был хорошим человеком, – добавил Киин. – Одним из лучших, что встречались на моем пути. И когда ты поближе познакомишься с арелонскими политиками, ты поймешь, что мало о ком из придворных Йадона можно сказать подобное.

Сарин кивнула. С одной стороны, приятно было слышать, что она составила верное представление о Раодене, но в то же время в чем-то ей было бы проще считать его похожим на короля.

– Хватит разговоров про мертвых принцев! – раздался от стола тонкий настырный голосок. – Если меня не накормить, папе придется перестать жаловаться на меня знакомым, потому что я умру с голоду.

– Правильно, Киин, – поддержала дочь Даора. – Сходи на кухню и проверь, не подгорает ли твой пир.

Киин фыркнул:

– У меня каждое блюдо готовится по расписанию. Совершенно невозможно... – Тут он принялся, выругался и поспешил из комнаты.

– Дядя Киин готовит еду? – изумленно выговорила Сарин.

– Твой дядя – один из лучших поваров Каи, – ответила Даора.

– Дядя Киин? – только и смогла выдавить принцесса. – Повар?

Даора кивнула, как если бы он занимался приготовлением обедов каждый день.

– Он повидал больше стран, чем кто-либо из арелонцев, и всегда привозил из поездок различные любопытные рецепты. Кажется, сегодня он готовит блюдо, которое попробовал в Джиндо.

– Значит, нас скоро накормят? – возгласила Кэйс.

– Ненавижу джиндоские блюда. – Голос Даорна почти сливался с голосом его сестры. – Они слишком острые.

– Вам ничего не нравится, если не посыпать сверху слоем сахара. – Люкел потрепал сводного брата по голове.

– Даорн, пойди позови Адиена.

– Еще один? – спросила Сарин.

Даорн кивнул:

– Последний. Родной брат Люкела.

– Он, скорее всего, спит, – вмешалась Кэйс. – Адиен всегда спит. Это потому, что у него мозги в спячке.

– Кэйс, маленькие девочки, которые так отзываются о своих братьях, часто отправляются в постель без ужина, – твердо заметила мать. – Даорн, иди же.

– Ты не похожа на принцессу.

Кэйс, с осанкой взрослой дамы, сидела на стуле рядом с гостьей.

Сарин обвела взглядом столовую: комната была уютно отделана темными деревянными панелями и наполнена сувенирами из путешествий Киина.

– Почему ты так считаешь? – Она пыталась разобраться с джиндоскими столовыми приборами.

Один имел острый и тонкий конец, а второй – широкий и плоский. Сидящие за столом пользовались ими, как будто родились с ними в руках, и принцесса решительно отказалась от мысли позвать на помощь. Либо она разберется самостоятельно, либо останется голодной – последнее казалось более вероятным.

– Во-первых, ты слишком высокая, – продолжала девочка.

– Кэйс! – одернула ее мать.

– Это правда! В книгах принцессы всегда хрупкие. Я точно знаю, что такое «хрупкая», но это явно не она.

– Я теоданка. – Сарин удалось подцепить кусок, похожий на маринованную креветку. – Мы все такие.

– Папа тоже из Теода, – добавил в ее защиту Даорн. – И он очень высокий.

– Но папа толстый. А ты почему не толстая, Сарин?

Киин, только что возникший в дверях кухни, легонько стукнул дочь по макушке пустым металлическим подносом.

– Так я и знал, – пробормотал он, прислушиваясь к гулкому звону. – Совершенно пустая голова. Нечему удивляться.

Кэйс обиженно потеряла макушку и вернулась к еде, ворча:

– И все же принцессы должны быть маленького роста. К тому же они должны хорошо вести себя за столом, а кузина Сарин уронила половину со своей тарелки на пол. Кто слышал о принцессе, которая не знает, как пользоваться майпонскими палочками?

Сарин залилась краской.

– Не слушай ее, Ин, – засмеялся Киин и поставил на стол еще одно благоухающее блюдо. – Это джиндоская еда: она настолько жирная, что если половина не соскользнет на пол, значит что-то не так. Ты привыкнешь к палочкам.

– Хочешь взять ложку? – предложил Даорн. – Адиен всегда ест ложкой.

Взгляд принцессы немедленно переметнулся к последнему члену семьи. Адиен оказался бледным, тонколицым подростком, на вид лет около семнадцати. В его лице и фигуре присутствовала какая-то странность. Он ел неуклюже, скованными, неловкими движениями. При этом не переставал бормотать себе под нос; Сарин слышалось, что он повторяет цифры. Ей уже встречались такие дети, чей мозг работал только частично.

– Отец, еда великолепна, – произнес Люкел, отвлекая внимание от брата. – Я не помню, чтобы ты раньше готовил блюдо с креветками.

– Оно называется хайко. Меня научил в прошлом году заезжий торговец, пока ты учился в Свордане.

– Два миллиона сто шесть тысяч двести тридцать восемь, – пробормотал Адиен. – Столько шагов до Свордана.

Сарин поразили его подсчеты, но остальная семья не обратила внимания, так что принцесса тоже сделала вид, что ничего не слышит.

– Правда очень вкусно, дядя. Я никогда не думала, что ты умеешь готовить.

– Мне всегда нравилось готовить. – Киин наконец уселся на свое место. – Я бы с удовольствием угостил тебя чем-нибудь, когда навещал в Теоде, но повариха твоей матери свято верила, что членам королевской семьи нечего делать на кухне. Я пытался ей объяснить, что в некотором роде кухня принадлежит мне, но она все равно не позволила мне там появляться.

– Она оказала нам всем медвежью услугу, – ответила Сарин. – А здесь ты все время готовишь?

Киин покачал головой:

– К счастью, нет. Даора сама прекрасный кулинар.

Принцесса удивленно заморгала:

– То есть вы не держите повара?

Киин и его жена одновременно замотали головой.

– Наш повар – папа, – поддержала их Кэйс.

– И у вас нет слуг или дворецкого? – поразилась Сарин.

Она решила, что за столом никто не прислуживает, потому что Киин хочет провести встречу в семейной обстановке.

– Никого, – ответил Киин.

– Но почему?

Он посмотрел на жену, перевел взгляд на Сарин:

– Ты знаешь, что произошло в Каи десять лет назад?

– Реод? – догадалась принцесса. – Элантрийская кара?

– Правильно. А ты знаешь, что это значит?

Сарин ненадолго задумалась и чуть пожала плечами:

– Конец элантрийцев.

Киин кивнул:

– Ты, наверное, никогда не встречала былых элантрийцев; когда случился реод, ты была еще совсем юной. Трудно объяснить, как сильно изменился после катастрофы Арелон. Элантрис был самым прекрасным городом мира – и поверь мне, я побывал везде. Город сверкал светящимися камнями и роскошными металлами, а его жители казались изваянными из драгоценных материалов статуями. И вдруг они пали.

– Да, я это изучала, – кивнула Сарин. – Их кожа стала темной, покрылась черными пятнами, волосы начали выпадать...

– Ты читала о них в книгах, – ответил Киин. – Но тебя не было здесь, когда происходил реод. Ты не можешь представить себе ужас, когда на твоих глазах боги обращаются в жалкие развалины. Их падение погубило арелонское правительство, ввергло страну в хаос. – Он помолчал, потом продолжил: – Мятеж подняли слуги. В тот самый день, когда с их хозяевами случилось несчастье, слуги обернулись против них. Некоторые – в основном арелонская знать – считают, что в Элантрисе слишком хорошо обращались с низшим сословием, что их избаловали поблажками и поэтому они набросились на господ при первом признаке слабости. Я лично думаю, что все дело в слепом страхе при виде того, что Элантрис настигла страшная болезнь, – страхе, смешанном с ужасом от падения с пьедестала тех, кому ты всю жизнь поклонялся.

Так или иначе, именно слуги нанесли наибольший ущерб. Сначала они буйствовали небольшими группами, потом это переросло в жесточайший бунт, в котором убивали всех элантрийцев, попадавших на глаза. Самые могущественные элантрийцы погибли первыми, но потом их участь настигла и остальных.

Но они не остановились на элантрийцах, они нападали на их семьи, друзей и даже обычных людей, которые работали в городе. Мы с Даорой могли только с ужасом наблюдать за погромом, благодаря судьбу, что в нашей семье нет элантрийцев. После той ночи мы так и не смогли пересилить себя и довериться слугам.

– Мы в них и не нуждаемся, – добавила Даора. – Ты не представляешь, как много можно сделать своими силами.

– Особенно когда для грязной работы под рукой есть дети, – с лукавой улыбкой вставила Кэйс.

– Скрести полы – все, на что мы годимся? – со смехом поддержал ее Люкел.

– Единственная причина, чтобы иметь детей, – подтвердил Киин. – Мы с вашей мамой решили завести Даорна только потому, что нам требовалась помощь с ночными горшками.

– Папа, пожалуйста, – простонала Кэйс. – Я же ем!

– Да поможет милостивый Доми тому, кто встанет между Кэйс и ее обедом, – усмехнулся Люкел.

– Принцесса Кэйс, – поправила его девочка.

– О, так моя малышка стала принцессой? – со смехом спросил Киин.

– Если Сарин – принцесса, тогда и я тоже. Ведь ты ее дядя, а значит – принц. Правильно, па?

– В принципе, да, – согласился Киин. – Хотя я думаю, что официально титул мне уже не принадлежит.

– Тебя наверняка разжаловали за разговоры о ночных горшках во время еды, – заявила Кэйс. – Принцы так себя за столом не ведут.

– Конечно, – ласково улыбнулся отец. – Как я не догадался.

– И если ты принц, – продолжила девочка, – то твоя дочь должна быть принцессой.

– Это не совсем так, Кэйс, – поправил ее Люкел. – Наш отец не король, так что его дети не принцы, а бароны или графы.

– Правда? – разочарованно спросила Кэйс.

– Боюсь, что да, – ответил Киин. – Но поверь мне, любой, кто слышал, как ты капризничаешь перед сном, обязательно примет тебя за принцессу.

Девочка задумалась, но, не зная, как понимать слова отца, в конце концов вернулась к еде. Сарин перестала обращать внимание на спор после того, как Киин сказал, что титул ему уже не принадлежит. Фраза не выходила у нее из головы; от нее пахло политикой, а Сарин считала, что знает о всех важных событиях, случившихся в Теоде за последние пятьдесят лет. Она ничего не слышала о лишении Киина титула.

Но прежде чем она смогла как следует задуматься над несовпадениями, в окно влетел Эйш. В суматохе встречи с дядей и знакомства с его семьей принцесса совсем забыла, что посылала его проследить за джьерном.

Сеон нерешительно повис у окна:

– Госпожа, я не помешаю?

– Нет, Эйш. Заходи и познакомься с моей семьей.

– У тебя есть сеон! – воскликнул Даорн.

Его сестра, казалось, потеряла дар речи.

– Это Эйш. Он служит нашему дому уже больше двухсот лет, и он самый мудрый сеон из всех, кого я знаю.

– Госпожа, вы преувеличиваете, – скромно возразил Эйш, но принцесса заметила, что он засиял ярче.

– Сеон... – с благоговением протянула Кэйс. Она напрочь забыла про еду.

– Они всегда оставались редкостью, – заметил Киин. – Особенно сейчас.

– Как он тебе достался? – спросила девочка.

– От моей матери. Когда я родилась, она передала Эйша мне.

Передать кому-то сеона – один из самых драгоценных даров, какие можно себе вообразить. Когда-нибудь Сарин придется передать Эйша в другие руки, выбрав ему подопечного, за которым он будет присматривать. Принцесса думала, что передаст его детям или внукам, но теперь их появление на свет казалось маловероятным.

– Сеон, – повторила Кэйс и перевела на Сарин блестящие от восторга глаза. – Можно я с ним поиграю после ужина?

– Поиграешь? – неуверенно переспросил Эйш.

– Ну пожалуйста, кузина Сарин! – взмолилась Кэйс.

– Я даже не знаю, – хитро улыбнулась принцесса. – Кто-то смеялся над моим ростом, насколько я помню.

Разочарованный, но в то же время осуждающий взгляд девочки развеселил всех за столом. Посреди перекатов смеха Сарин впервые после отъезда с родины почувствовала, как ее покидает напряжение.

Глава 6

– Боюсь, король совершенно безнадёжен. – Хратен сложил на груди руки и задумчиво оглянулся на тронный зал.

– Ваша светлость? – переспросил Дилаф.

– Король Йадон. Я надеялся спасти его... хотя не рассчитывал, что знает последует за мной без боя. Они погрязли в неверии. Вот если бы мы пришли к ним сразу после реода... Но мы не могли знать, что зараза, настигшая элантрийцев, не перекинется и на наших людей.

– Элантрийцев покарал Джаддет, – убежденно сказал Дилаф.

– Конечно. – Хратен не удостоил слугу даже взглядом. – Но часто Джаддет доносит до нас свою волю, используя естественные пути. Болезнь может оказаться смертельной как для арелонцев, так и для фьерденцев.

– Джаддет защитит свой народ!

– Несомненно, – рассеянно ответил верховный жрец и еще раз недовольно оглянулся на тронный зал.

Он предпринял попытку поговорить с королем, потому что считал это своим долгом; самый легкий способ обратить Арелон – обратиться к его правителю. Хратен почти не надеялся, что король откликнется на его предложение; но сколько страданий можно было предотвратить одним махом!

Слишком поздно, Йадон официально отрекся от Джаддета. Теперь дальнейшая судьба короля послужит примером прочим ослушникам. Хратен понимал, что надо действовать осторожно. После дюладелского переворота в его памяти жили свежие воспоминания о крови, смертях и хаосе. Он желал избежать подобной катастрофы; верховный жрец был суровым человеком и привык достигать поставленных целей, но ему претила резня.

С другой стороны, у него оставалось только три месяца, и по истечении срока выбора не останется. Если потребуется, придется поднять мятеж. Снова смерть и смуты – ужасная участь для страны, которая еще не оправилась после яростного волнения. Но империя Джаддета не будет сидеть сложа руки из-за нескольких напыщенных дворян, отказывающихся посмотреть правде в лицо.

– Наверное, я ожидал от них слишком многого, – проворчал Хратен. – Я забыл, что имею дело с арелонцами.

Дилаф ничего не ответил.

– В тронном зале я заметил странную женщину, артет. – Они вышли из дворца, лавируя между статуями и снующими слугами. – Возможно, ты ее знаешь. Она эйонской расы, но выше большинства арелонцев, и ее волосы гораздо светлее. Она явно нездешняя.

– Во что она была одета, ваша святость?

– В черное. Все черное, с желтым поясом.

– Это новая принцесса, ваша светлость, – с ненавистью прошипел Дилаф.

– Новая принцесса?

– Она прибыла вчера, одновременно с вами. Невеста принца Раодена.

Хратен кивнул. Он не присутствовал на похоронах принца, хотя слышал о них. Но он не слышал о свадьбе, – должно быть, обручение произошло совсем недавно.

– И она осталась здесь после смерти принца?

Дилаф закивал:

– К несчастью для нее, королевский брачный контракт провозгласил ее законной супругой в момент смерти принца.

– Откуда она родом?

– Теод, ваша светлость.

Теперь Хратен понял причину ненависти в голосе артета. Даже имея дело с элантрийскими еретиками, Арелон все же надеялся на обращение. Теод был родиной Шу-Корат, вырождающейся секты Шу-Кесег, которая породила и Шу-Дерет. День, когда Теод падет перед лицом фьерденского могущества, станет радостным днем.

– Теодская принцесса может прибавить проблем, – задумался жрец.

– Ничто не помешает империи Джаддета.

– Если бы ничто не могло ей помешать, артет, империя давно бы покорила весь мир. Джаддет получает удовольствие от служения ему своего народа и дарит нам славную возможность подчинить неразумных его воле. А из всех неразумных теоданцы наиболее опасны.

– Как одна женщина может стать для нас угрозой, ваша святость?

– Прежде всего брачный контракт означает, что теперь Теод и Арелон связывают узы крови. Если мы не будем действовать осторожно, нам придется сражаться с двумя государствами сразу. Все мнят себя героями, когда за спиной стоит подмога.

– Я понимаю, ваша светлость.

Хратен кивнул. Они покинули дворец и вышли на залитую солнцем улицу.

– Слушай меня внимательно, артет, и я научу тебя очень важной истине; немногие ее знают, и еще меньше людей используют по назначению.

– Что это за истина?

Дилаф старался не отставать, следуя за джьерном по пятам.

Хратен растянул губы в улыбке:

– Я научу тебя, как можно уничтожить целую нацию; способ, каким Джаддет повергает в прах королевства и овладевает людскими душами.

– Я... горю желанием научиться, ваша светлость.

– Хорошо. – Верховный жрец поглядел на возвышающуюся над городом, как огромная скала, стену Элантриса. – Найди способ попасть туда. Я желаю посмотреть на павших властителей Арелона.

Когда Хратен сошел на берег в портовой окраине Каи, он заметил, как слабы оборонительные сооружения города. Сейчас же, стоя на стене Элантриса, он полностью оценил их бесполезность. Затеяливо вырубленные ступени уступами взбегали по внешней стороне стены, давая возможность подняться наверх. Они были сработаны с большой надежностью – у обороняющихся не будет никакой возможности уничтожить их в спешке. Если жители Каи решат отсидеться в Элантрисе, они загонят себя в ловушку.

Среди солдат элантрийской гвардии не оказалось ни единого лучника. Их вооружение состояло из длинных негнувшихся копий, слишком тяжелых для метания. Солдаты стояли на постах гордо, явно считая себя выше городского ополчения, и щеголяли желто-коричневой формой, которая даже не предусматривала доспехов. Хратен слышал, что гвардия несет скорее символические обязанности и ее присутствие на стенах не является необходимостью. Обитавшие в Элантрисе чудовища редко совершали попытки бежать, а сам город был слишком велик, чтобы гвардия могла патрулировать его повсеместно. Они не являлись настоящими военными: их присутствие требовалось в основном для спокойствия населения, чтобы жители Каи могли с легким сердцем спать по ночам, зная, что Элантрис находится под охраной. Верховный жрец подозревал, что в случае войны гвардия с трудом сможет защитить себя, куда уж там биться за Каи.

Арелон, как оброненный драгоценный камень, только и ждал, чтобы его подобрали. Хратен слышал рассказы о днях безвластия после падения Элантриса и о вынесенных из города несметных сокровищах. Теперь ценности оказались сосредоточенными в Каи, где знать жила практически без охраны. Также жрец слышал, что, несмотря на мародерство, большая часть богатства Элантриса – огромные картины, которые, оказалось, нелегко снять со стен, да и небольшие вещицы, не тронутые до того момента, как Йадон начал изоляцию города, – все еще оставалась запертой за грозными элантрийскими стенами.

Только предрассудки спасали Каи от набегов грабителей. Воровские шайки поменьше отпугивала слава Элантриса. Банды покрупнее либо подчинялись Фьердену (и нападали только по приказу), либо кормились из рук кайской знати и обходили город стороной. Но вынужденное спокойствие не могло продолжаться вечно.

Одной из основных причин, почему Хратен считал чрезвычайные акции по захвату Арелонского королевства приемлемыми и даже необходимыми, была незащищенность страны. Арелон напоминал яйцо, раскачивающееся на горном пике, готовое с первым же ветерком полететь в пропасть. Если Фьерден не завоюет его в ближайшем будущем, королевство падет под весом многих своих проблем. Помимо абсурдного правления, страна страдала от непосильных налогов, религиозной неразберихи и убывающих ресурсов. Любая из этих причин могла нанести решающий удар.

Размышления верховного жреца прервало натужное дыхание позади. Дилаф, скрипя зубами, сверлил гневным взглядом улицы Элантриса. Его лицо искривила гримаса, как будто его пнули в живот. Хратен готов был допустить, что изо рта у артета вот-вот пойдет пена.

– Ненавижу их, – выдавил Дилаф.

Хратен перешел на его сторону стены и встал рядом со жрецом. Так как стена не предназначалась для обороны, на ней не было бойниц, но с обеих сторон тянулись для безопасности парапеты. Джьерн облокотился на перила и оглядел Элантрис.

Картина не оправдала ожиданий; ему случалось посещать трущобы, которые выглядели привлекательнее. Здания настолько прогнили, что казалось чудом, что на них еще держатся крыши, а запах снизу поднимался просто омерзительный. Хратен начинал сомневаться, что в городе остались живые люди, но тут заметил крадущиеся вдоль стены дома тени. Они двигались перебежками, пригнувшись и вытянув перед собой руки, как будто готовы были упасть. Один задержался, поднял голову, и Хратен впервые увидел элантрийца.

Он был лысым, и сначала жрецу показалось, что еще и темнокожим, как представитель знатной касты Джиндо. Но кожу элантрийца покрывали неровные светло-серые пятна, как растущий на камне мох. Хратен прищурился и наклонился над парапетом. Он не мог разглядеть глаза проклятого, но чутьем знал, что они горят диким звериным блеском, бегая по сторонам, как у встревоженного животного.

Создание побежало догонять своих товарищей – свою стаю.

«Так вот что натворил реод, – понял Хратен. – Он превратил богов в животных». Джаддет взял содержимое их сердец и сделал его видимым для остального мира. Основываясь на мировоззрении Дерети, единственная вещь, которая отличала людей от животных, – это вера в бога. Люди служили Фьерденской империи; зверями управляли только их желания. Элантрийцы несли в себе высшее проявление человеческой дерзости: они возомнили себя богами, и подобная наглость навлекла на них кару. В другой ситуации Хратен оставил бы их на произвол судьбы, но сейчас в них появилась нужда.

Верховный жрец повернулся к Дилафу:

– Первый шаг для покорения страны, артет, очень прост. Надо найти козла отпущения, которого возненавидят все.

– Расскажи мне о них, артет, – попросил Хратен, входя в свою комнату в часовне. Жрец переступил порог вслед за ним. – Я хочу знать все, что тебе известно.

– Гнусные, омерзительные создания, – прошипел Дилаф. – Даже мысли о них отравляют душу и разум. Каждый день я молюсь об их исчезновении с лица земли.

Хратен плотно закрыл дверь. Ответ арелонца его не обрадовал; Дилаф переступил все границы праведного негодования.

– Артет, я разделяю твои чувства. Но если ты хочешь стать моим одивом, тебе придется научиться выглядывать за рамки своих предубеждений. Джаддет подарил элантрийцам жизнь с какой-то целью, и я не смогу понять его замысел, если ты отказываешься поделиться сведениями.

Дилаф оторопело заморгал. Впервые после посещения Элантриса в его глазах пробился проблеск здравомыслия.

– Хорошо, ваша светлость.

Хратен ободряюще кивнул:

– Тебе доводилось видеть Элантрис до его падения?

– Да.

– Он действительно был так красив, как говорят?

Дилаф ответил кивком, явно против воли:

– Его незапятнанная белизна поддерживалась руками рабов.

– Рабов?

– Все население Арелона служило элантрийцам рабами, ваша светлость. Лживые боги раздавали обещания спасения в обмен на тяжелый труд.

– А их легендарные магические силы?

– Все ложь, как и их божественность. Тщательно поддерживаемый обман, чтобы заслужить уважение и страх.

– После реода наступил период безвластия, так?

– Безвластие, убийства, бунты и паника, ваша светлость. Потом трон захватили купцы.

– А элантрийцы? – Хратен занял место за столом.

– Их оставалось совсем немного. Большинство погибли в мятеже, а тех, что выжили, заперли в Элантрисе. Туда же кидают всех, кого с тех пор забирал шаод. Сразу после реода их облик изменился: они превратились в исковерканные существа, непохожие на людей. Кожу покрыли черные шрамы, как будто плоть отвалилась и обнажила скрытую внутри тьму.

– А превращения? Их число уменьшилось после реода?

– Они продолжают, ваша светлость, по всему Арелону.

– Почему ты их так ненавидишь, артет?

Дилаф не ожидал вопроса и какое-то время молчал.

– Они есть скверна, ваша светлость.

– И?

– Они лгали нам. Обещали вечность, но не смогли удержать в руках собственной божественности. Столетиями мы прислушивались к их советам, а в результате получили кучку беспомощных, мерзких калек.

– Ты ненавидишь их, потому что разочаровался, – понял Хратен.

– Не я, здешние люди разочаровались. Я следовал путям Дерети задолго до реода.

Джьерн нахмурился:

– Значит, ты убежден, что, кроме проклятия Джаддета, в элантрийцах нет ничего необычного?

– Да, ваша светлость. Как я говорил, элантрийцы поддерживали свою власть сказками и ложью.

Хратен покачал головой и начал снимать доспехи. Дилаф двинулся было помочь, но верховный жрец отмахнулся от артета.

– Как ты тогда объяснишь внезапное превращение обычных людей в элантрийцев?

Дилаф не знал, что ответить.

– Ненависть затмевает способность разглядеть правду, артет. – Хратен повесил нагрудник на стену за столом и растянул губы в удовлетворенной улыбке. Его только что осенила идея, и первая часть плана обрела плоть. – Ты считаешь, что если могущество пришло не от Джаддета, то никакой силы и быть не может.

Лицо арелонца побелело.

– Вы говорите...

– Это не ересь, артет. Вспомни уложения Дерети. Помимо нашего бога, существуют и другие силы.

– Свракиссы, – тихо произнес Дилаф.

– Да.

Свракиссы – души людей, ненавидевших Джаддета, преследователей святой веры. Шудерет утверждала, что нет ничего более пропитанного злобой, чем душа, которая отказалась от своего шанса на спасение.

– Вы считаете, что элантрийцы – это свракиссы? – в ужасе переспросил Дилаф.

– Существует известная истина, что свракиссы могут управлять телами, в которых скопилось достаточно зла. – Хратен начал расстегивать наколенники. – Неужели так трудно допустить, что все это время они управляли телами элантрийцев и выдавали себя за божеств, совращая неискующих в духовных путях простаков?

Глаза Дилафа загорелись новым светом, и Хратен заподозрил, что артет уже слышал подобное объяснение. Возможно, ему следовало обдумать зародившуюся идею более тщательно.

Прежде чем заговорить, артет внимательно оглядел верховного жреца:

– Ведь вы сами не верите в то, что говорите? – В его голосе звучал непривычный для обращения к хродену укор.

Хратен постарался ничем не выдать смутения:

– Не важно, во что я верю, артет. Такой вывод напрашивается сам собой; люди его подхватят. Сейчас они видят последние обломки былой аристократии, и зрелище вызывает у людей не отвращение, а жалость. Но демонов не любит никто. Если мы объявим элантрийцев порождениями зла, нас ждет успех. Твоя ненависть к ним похвальна. Но чтобы за тобой последовали остальные, нужна более веская причина, чем разочарование в былых богах.

– Да, ваша светлость.

– Мы – верующие, артет, и нам необходимы враги веры. Элантрийцы и есть наши свракиссы, независимо от того, заняли они души давно умерших людей или обитают в живых телах.

– Конечно, ваша светлость. Мы собираемся их уничтожить? – Лицо Дилафа отражало радостную надежду.

– В свое время. Пока что мы обратим их существование себе на пользу. Ты увидишь, что ненависть объединяет людей гораздо быстрее, чем приверженность общему делу.

Глава 7

Раоден ткнул пальцем в воздух. Из воздуха засочился свет. Кончик пальца оставлял за собой светящийся белесый след, как если бы принц рисовал краской на стене – только без стены и без краски.

Раоден осторожно двигал рукой, сдерживая дрожь. Он вычертил линию длиной в ладонь, слева направо, потом отступил немного вниз и наискосок и нарисовал еще одну такую же линию, завершив угол. Следующим движением он поставил в центре точку. Эти три символа – две линии и точка – служили началом для каждого эйона.

Принц протянул направо от точки полосу, которая пересекала вторую линию, с небольшим кругом на конце. У него получился эйон Эйш, древний знак света. Символ на мгновение засиял ярче, запульсировал жизнью, но тут же начал угасать, как выпускающий последний дух человек. Почти сразу же эйон пропал, яркий свет начал меркнуть, потускнел и наконец исчез.

– У тебя получается гораздо лучше, чем у меня, скул, – заметил Галладон. – У меня все время выходит или слишком длинная линия, или чересчур резкий наклон, и эйон гаснет, прежде чем я успеваю закончить.

– Они должны вести себя совсем не так, – пожаловался принц.

Темнокожий дьюл показал ему, как рисовать в воздухе, день назад, и Раоден тренировался почти непрерывно. Все эйоны, которые ему удавалось завершить, вели себя одинаково, исчезая без всякого видимого результата. Пока что знакомство с элантрийской магией не оправдывало ожиданий.

Больше всего принца удивляло, какой простой она оказалась. Он предполагал, что Эйон Дор, магия эйонов, потребует заклинаний или ритуалов. Десятилетие без Эйон Дор породило сотни слухов: некоторые (в основном дереитские жрецы) утверждали, что волшебство было обманом, в то время как другие (тоже дереитские жрецы) объявили магическое искусство языческим обрядом, предполагающим обращение к силам зла. На поверку оказалось, что никто, а уж тем более дереитские жрецы, понятия не имел об Эйон Дор. Все, кто умел к ней обращаться, пали жертвами реода.

Тем не менее Галладон утверждал, что Эйон Дор не требовала ничего, кроме верной руки и глубокого знания эйонов. Так как только элантрийцы могли рисовать светящиеся символы, пользоваться Эйон Дор никто, кроме них, не мог, и никому за пределами Элантриса не открывалась правда о ее простоте. Никаких заклинаний, никаких жертв и снадобий из недоступных ингредиентов – прошедшие шаод обретали способность творить Эйон Дор, стоило лишь выучить символы.

Только теперь магия не работала. Эйоны должны были что-то делать, а не просто мигать и гаснуть. У Раодена сохранились детские воспоминания об элантрийцах: летающие по воздуху люди, невообразимые демонстрации магической силы и милостивые исцеления. Однажды он сломал ногу, и, хотя отец яростно возражал, мать отвела его в Элантрис. Женщина с белоснежными волосами срастила ему кости одним мановением руки. Она начертала эйон, как только что пробовал принц, только ее символ испустил мощный заряд волшебства.

– Они должны как-то действовать, – вслух повторил Раоден.

– Когда-то они действовали, сюл, но это происходило до реода. То, что высосало из Элантриса жизнь, также погубило могущество Эйон Дор. Нам остается только рисовать в воздухе забавные картинки.

Принц кивнул, вычерчивая собственный эйон Рао. Четыре маленьких круга с большим квадратом посредине, соединенные линиями. Эйон повел себя, как и его собраты: свет начал нарастать, как будто готовясь к выбросу силы, только для того, чтобы со вздохом померкнуть.

– Обидно. Коло?

– Очень, – признал Раоден. Он придвинул стул и уселся. Они все еще находились в подземном кабинете дьюла. – Если честно, Галладон, стоило мне увидеть, как горит в воздухе первый эйон, я забыл обо всем: о грязи, унынии, даже о сбитом пальце.

Галладон улыбнулся:

– Если бы Эйон Дор действовала, элантрийцы все еще правили бы Арелоном, несмотря на реод.

– Я знаю. Я не понимаю – что произошло, что изменилось?

– Весь мир не понимает вместе с тобой, сюл. – Дьюл передернул плечами.

– Должна быть какая-то связь, – размышлял принц. – Перемены, происшедшие в Элантрисе; тут же шаод стал превращать нас в демонов; беспомощность Эйон Дор...

– Не ты первый, кто это заметил. Далеко не первый. Но никто не собирается искать ответ; власть имущим Элантрис нравится таким, как он есть.

– Поверь мне, я знаю. Если кто-то и раскроет секрет, это будем мы.

Раоден оглядел кабинет. Тот поражал чистотой и отсутствием элантрийской слизи и казался по-домашнему уютным, как покой в большом особняке.

– Может, мы найдем ответ в одной из книг, – с надеждой добавил принц.

– Может быть, – откликнулся Галладон.

– Почему ты хотел скрыть от меня это место?

– Оно особенное, сюл, неужели ты не видишь? Если разболтаешь, мне придется сторожить его днем и ночью, или же отсюда все растащат.

Раоден встал и, кивая в ответ своим мыслям, обошел комнату по кругу:

– Почему ты все же решил привести меня сюда?

Дьюл пожал плечами, – казалось, он и сам точно не знает. В конце концов он заговорил:

– Ты не единственный, кто надеется найти ответ в книгах. Вдвоем мы сможем просмотреть их быстрее.

– Вдвое быстрее, – улыбнулся Раоден. – Как ты работаешь в такой темноте?

– Сюл, не забывай, что мы в Элантрисе. Тут нет лавки, куда можно сбегать, когда закончилось масло для ламп.

– Я знаю, но в городе должны оставаться запасы. До реода здесь должно было быть полно масла.

– Ах, сюл. – Галладон покачал головой. – Ты никак не хочешь понять. Это Элантрис, город богов – к чему им обзаводиться такими примитивными вещами, как масло и лампы? Посмотри на стену за спиной.

Раоден обернулся: на стене висела металлическая пластина. Хотя время не пощадило и ее, на поверхности можно было различить выгравированный эйон Эйш – символ огня, который он только что пытался нарисовать.

– Такие пластины светились гораздо ярче и ровнее, чем любая лампа, сюл. Элантрийцы включали и выключали их прикосновением ладони. Зачем хранить масло, когда под рукой имеются более надежные источники света? По тем же причинам здесь не найдешь ни угля, ни печей. И колодец в городе только один. Без Эйон Дор Элантрис едва приспособлен для жизни.

Раоден потер пальцем пластину, обвел очертания эйона. Произошла небывалая катастрофа, и всего за десять лет все сведения о том, как работает Эйон Дор, оказались утеряны. Бедствие ударило с такой силой, что содрогнулась земля и споткнулись боги. Но без понимания Эйон Дор принц не мог понять, что могло вызвать ее угасание. Он отвернулся от пластины и внимательно оглядел пару приземистых книжных шкафов. Вряд ли стоит полагать, что одна из книг содержит подробное описание Эйон Дор. Тем не менее если их написали элантрийцы, то существует надежда найти там упоминания о магии. Упоминания, которые наведут внимательного читателя на догадки о том, как действовала Эйон Дор. Если ему повезет.

Мысли Раодена прервала резкая боль в животе. Она не походила на чувство голода, к которому он привык за стенами Элантриса: желудок не бурчал, но боль не отступала, только становилась требовательнее. Он провел без еды три дня, и голод все настойчивее заявлял о себе. Принц начинал понимать, как постоянная резь в желудке заодно с прочими травмами довели до животного состояния тех людей, что напали на него в первый день.

– Пошли, – обратился он к Галладону. – Нам надо кое-что сделать.

Привратная площадь Элантриса ничуть не изменилась со вчерашнего дня – все та же слизь, стонущие калеки и наглухо закрытые ворота. Солнце уже преодолело три четверти своего пути по небу, за ним с востока ползли тучи. Пора было ожидать элантрийских новичков.

Раоден рассматривал площадь с крыши здания, где они притаились с Галладоном. Он заметил небольшую группу людей на стене.

– Кто это? – Принц указал на высокую фигуру над воротами.

Мужчина раскинул в стороны руки, и его кроваво-красный плащ бился на ветру. Они не слышали слов, хотя становилось очевидно, что тот кричит изо всех сил.

Галладон хмыкнул:

– Дерейтский джьерн. Я не знал, что они добрались до Каи.

– Джьерн? Верховный жрец? – Раоден прищурился, пытаясь рассмотреть фигуру наверху.

– Странно, что он заехал так далеко на запад. Они ненавидели Арелон еще до реода.

– Из-за элантрийцев?

Дьюл кивнул:

– Не столько из-за поклонения элантрийцам, хотя они утверждают обратное. Дерейты терпеть не могут твою страну, сюл, потому что их войскам ни разу не удалось преодолеть окружающие Арелон горы.

– Как ты думаешь, чего ему здесь надо? – спросил принц.

– Проповедует. Чего еще ждать от жреца? Скорее всего, заявляет, что Элантрис настигла кара их бога.

Раоден кивнул:

– Все жрецы утверждают это уже который год, но только когда их спрашивают. Однако очень немногим хватает смелости проповедовать. Они боятся, что элантрийцы проверяют их веру, что однажды они вернутся и накажут всех отвернувшихся.

– Все еще? – поразился дьюл. – Казалось бы, за десять лет сомнения могли бы развеяться.

Раоден покачал головой:

– Даже сейчас многие молятся за возвращение элантрийцев или, наоборот, ожидают его в ужасе. Ты не представляешь, насколько красив и могуч был город.

– Я знаю, сюл. Я не всю жизнь провел в Дюладеле.

Голос жреца нарастал, он выкрикнул последние несколько фраз, развернулся и исчез со стены. Даже несмотря на то, что он не разбирал слов, принца поразили звучавшие в нем злоба и ненависть. Дьюл был прав: дереит пришел не с благословением.

Раоден снова покачал головой и перевел взгляд на ворота.

– Галладон, – позвал он, – как считаешь, приведут кого-нибудь сегодня?

Галладон пожал плечами:

– Трудно сказать, сюл. Иногда новичков не бывает неделями, а однажды привели сразу пятерых. Ты появился два дня назад, вчера – та женщина... Кто знает, может, Элантрису повезет с поживой три дня подряд.

Принц кивнул, не отрывая взгляда от ворот.

– Сюл, что ты собираешься делать? – с тревогой спросил Галладон.

– Ждать.

Новичок оказался мужчиной средних лет, ближе к пятидесяти, с осунувшимся лицом и нервным взглядом. Когда за его спиной захлопнулись ворота, принц торопливо спустился с крыши и затаился на краю площади. Галладон не отставал; судя по встревоженному виду, он явно считал, что его подопечный собирается совершить какую-то глупость.

Он не ошибся.

Новичок обреченно уставился в ворота. Принц ожидал первого шага, который определит, кто получает право его ограбить. Несколько минут мужчина не двигался с места, обводя тревожным взглядом площадь и кутаясь в мантию. Наконец он неуверенно шагнул направо – как в свое время и принц.

– Пошли. – Раоден двинулся через площадь.

Галладон простонал что-то на родном языке.

– Теорен? – позвал принц, выбрав типичное эйонское имя.

Тощий новичок вскинул голову и недоуменно огляделся вокруг.

– Теорен, это ты! – воскликнул Раоден и обхватил его за плечи. Понизив голос, он продолжал: – У тебя есть выбор, дружище. Либо ты делаешь, как я говорю, либо те парни в углу последуют за тобой и избыют до полусмерти.

Мужчина обернулся и испуганно осмотрел скрытые тенями закоулки площади. К счастью, именно в этот момент шайка Шаора выступила на свет. Стоило новичку разглядеть горящий в их глазах голод, и дополнительных уговоров не потребовалось.

– Что от меня требуется? – спросил он дрожащим голосом.

– Бежим! – Раоден на полной скорости рванул к ближайшему переулку.

Повторять команду не пришлось – незнакомец сорвался с места, как поднятый гончими заяц; принц испугался, как бы тот не промахнулся переулком и не потерялся. Сзади послышался приглушенный вопль удивления – это Галладон понял их затею. Высокому дьюлу не составляло труда нагнать их и держаться наравне с ними. Даже после прожитых в Элантрисе месяцев он находился в лучшей форме, чем молодой принц.

– Во имя Долокена, что взбрело тебе в голову? – выругался дьюл.

– Через минуту все объясню. – Раоден решил сберечь силы для бег.

Он снова заметил, что не сбивается с дыхания, только тело начинает уставать. Тупое утомление постепенно овладевало им, и из них троих Раоден оказался худшим бегуном. Зато только он знал, куда они направляются.

– Направо! – выкрикнул он и свернул в узкий переулок.

Галладон с незнакомцем не отставали, а следом неслись быстро сокращающие расстояние громилы. К счастью, до цели оставалось недалеко.

– Руло, – выдохнул дьюл, опознав место.

Они направлялись к одному из заброшенных домов, в котором побывали вчера, с шаткой лестницей. Принц ворвался в дверь и помчался вверх по ступенькам; они поддавались под ногами, и пару раз он чуть не упал. На крыше Раоден из последних сил навалился на остатки огромной глиняной цветочницы и спихнул их через люк на лестничную площадку, Галладон с новичком едва успели запрыгнуть на крышу. Прогнившая лестница не выдержала внезапной нагрузки и с оглушительным грохотом обвалилась.

Галладон подошел к люку и подозрительно глянул вниз. Неожиданный обвал утихомирил пыл преследователей, и они растерянно сгрудились вокруг обломков.

– И что теперь, умник ты наш? – Дьюл вопросительно приподнял бровь.

Раоден приблизился к новичку, который распластался на крыше, тяжело дыша. Он взял корзинку с подношениями, выбрал оттуда небольшой мешочек и заткнул за пояс, а остальное вывалил на головы ждущих внизу преследователей. Среди них немедленно разгорелась битва.

Раоден отошел от люка:

– Будем надеяться, они поймут, что с нас больше взять нечего, и решат уйти.

– А если не решат? – недовольно спросил дьюл.

Принц передернул плечами:

– Мы можем прожить без воды и пищи, не так ли?

– Так, но перспектива провести остаток вечности на этой крыше не кажется мне заманчивой. – Галладон поглядел на новичка, оттащил принца в сторону и понизил голос: – Сюл, ты сам понимаешь, что творишь? Ты мог отдать им подношения на площади. И вообще, зачем ты его спасал? Мы даже не знаем, собирались ли они причинить ему вред!

– Мы не можем знать и обратного! К тому же теперь он думает, что обязан мне жизнью.

Галладон фыркнул:

– Считаю, что приобрел благодарного последователя по дешевке – теперь тебя ненавидит треть криминального мира Элантриса.

– И это только начало, – усмехнулся Раоден.

Но, несмотря на бравату, принца снедали сомнения. Сталкивая цветочницу, он ободрал ладони, и царапины не переставали ныть. Хотя они беспокоили его меньше, чем палец на ноге, но все равно мешали сосредоточиться.

«Я не отступлюсь, – напомнил себе Раоден. – Не позволю боли завладеть мной».

– Я ювелир, – сообщил новичок. – Меня зовут Мареш.

– Ювелир, – разочарованно протянул принц. Скрестив руки на груди, он рассматривал Мареша. – Не слишком полезная профессия. Ты умеешь что-нибудь еще?

Ювелир ответил возмущенным взглядом, забыв, что минуту назад трясся от страха:

– Обработка камней – чрезвычайно полезный навык, господин.

– Только не в Элантрисе, сюл, – фыркнул Галладон.

Он заглянул в люк: проверить, не ушли ли громилы. Судя по уничтожающему взгляду, брошенному на Раодена, не ушли.

Не обращая внимания на дьюла, принц повернулся к новому знакомому:

– Что еще ты умеешь?

– Все.

– Это довольно смелое утверждение, дружище. Ты можешь уточнить?

Мареш трагически вскинул руки:

– Я мастер. Художник своего дела. Я могу создать что угодно, поскольку Доми наградил меня душой творца.

Галладон снова фыркнул, не покидая своего поста у люка.

– Как насчет ботинок? – спросил Раоден.

– Ботинок? – немного обиженно переспросил Мареш.

– Да, ботинок.

– Думаю, что сумею. Хотя вряд ли для этого потребуется умение человека, которого называли мастером резца.

– И полным ид... – начал дьол, но Раоден вовремя шикнул на него.

– Мастер Мареш, – продолжал примирительным тоном принц, – не забывай, что элантрийцев приводят в город в погребальном одеянии. Того, кто обеспечит их обувью, ждет великая слава.

– Какие ботинки вам нужны?

– Кожаные. Их пошив станет нелегкой задачей, Мареш. Видишь ли, элантрийцы не могут позволить себе роскоши проб и ошибок: если первая же пара обуви не подойдет, они натрут мозоли. Которые никогда не пройдут.

– В каком смысле «никогда не пройдут»? – поразился ювелир.

– Мы живем в Элантрисе, – объяснил принц. – Наши раны не заживают.

– Хочешь убедиться на примере, мастер? – с готовностью вставил Галладон. – Я могу устроить. Коло?

Мастер побелел и перевел взгляд на Раодена.

– Кажется, я ему не нравлюсь, – прошептал он.

– Чепуха, – уверенно отозвался Раоден. Он обнял Мареша за плечи и повернул спиной к ухмыляющемуся дьолу. – Он так выражает симпатию.

– Как скажете, господин...

Раоден задумался.

– Называй меня Дух, – решил принц, выбрав для прозвища перевод эйона Рао.

– Господин Дух, – Мареш прищурился, – кажется, я вас где-то видел.

– Мы никогда не встречались. А теперь вернемся к ботинкам...

– Они должны подходить по размеру идеально, не жать и не натирать, я понял.

– Я знаю, что задача трудная. Если твоего умения недостаточно...

– Моего умения хватит на все, – прервал ювелир. – Я берусь за работу, господин Дух.

– Прекрасно.

– Они не уходят, – послышался сзади голос Галладона.

Раоден повернулся к дьолу:

– Какая разница? У нас нет никаких срочных дел. Если подумать, здесь, на крыше, довольно приятно, можно посидеть и насладиться покоем.

Зловещий раскат прокатился по завешенному облаками небу, и на принца упала капля дождя.

– Потрясающе, – проворчал Галладон. – Нет слов, как я наслаждаюсь подобным отдыхом.

Глава 8

Сарин решила отклонить дядино приглашение перебираться к ним. Как бы ни хотелось ей побыть с семьей, она боялась потерять свое положение при дворе. Двор открывал доступ к жизненно важным новостям: арелонская знать ежедневно извергала фонтан сплетен и интриг. Если принцессе суждено помериться силами с Хратеном, лучше держать руку на пульсе событий.

Так что на следующий день после встречи с Киином она обзавелась мольбертом и установила его посредине тронного зала.

– Что, во имя Доми, ты себе позволяешь, девчонка! – закричал король, войдя поутру в зал.

Позади его величества жались группка испуганных придворных.

Сарин с деланным удивлением подняла взгляд от холста:

– Я рисую, отец.

В доказательство она взмахнула кистью и украсила лицо советника обороны россыпью красных капель.

Йадон вздохнул:

– Я вижу, что ты рисуешь. Почему ты делаешь это здесь?

– О, – в голосе Сарин звучала сама невинность, – я копирую ваши картины, отец. Я просто без ума от них!

– Ты копируешь мои?.. – Лицо Йадона вытянулось в недоумении. – Но...

С гордой улыбкой Сарин повернула холст и указала королю на рисунок, отдаленно напоминающий букет цветов.

– Ради Доми! – проревел король. – Рисуй, если хочешь! Только не посреди моего тронного зала!

Сарин распахнула глаза, поморгала, передвинула мольберт и стул к колонне в углу, усеялась и продолжила водить кистью по холсту.

Йадон застонал:

– Я не это... А, Доми все подери! На тебя не стоит и силы тратить.

Король развернулся, протопал к трону и велел секретарю объявлять первое дело: ссору между двумя дворянами.

Эйш повис рядом с мольбертом и прошептал:

– Я уж думал, что он велит выставить вас из зала, госпожа.

Сарин с довольной улыбкой покачала головой:

– Йадон очень вспыльчив, и его легко разозлить. Чем больше доказательств моей безмозглости, тем реже он станет отдавать мне приказы. Он уже убедился, что все равно я пойму не так и только попорчу ему нервы.

– Я начинаю недоумевать, как он вообще сумел занять трон, – заметил сеон.

– Хороший вопрос. Возможно, мы его недооцениваем. Из него получился плохой король, но он явно был отличным коммерсантом. Для него я – лишняя статья расхода. Он получил договор, так что во мне нет дальнейшей нужды.

– Вы не убедили меня, госпожа. Он недостаточно дальновиден, чтобы удержать трон надолго.

– Подозреваю, что он его скоро потеряет. Сдается мне, что джьерн прибыл в Каи с целью этому поспособствовать.

– Разумный довод. – Эйш подлетел к картине и некоторое время рассматривал хромые линии и размытые пятна. – У вас начинает получаться.

– Не утешай меня.

– Нет, правда, ваше высочество. В начале вашего увлечения живописью пять лет назад мне ни разу не удалось разобрать то, что вы пытались запечатлеть.

– И что же здесь нарисовано?

Эйш задумался.

– Ваза с фруктами? – с надеждой спросил он.

Сарин разочарованно вздохнула – обычно ей удавалась любая затея, но секреты живописи так и остались для нее тайной. Поначалу ее настолько поразило полное отсутствие таланта, что принцесса продолжала попытки из чистого упрямства. Тем не менее техника изображения отказывалась подчиниться ее королевской воле. Сарин считала себя мастером политических интриг, несомненным лидером в любом начинании и без труда справлялась с джидоской математикой, но так и осталась скверной художницей. Хотя неудачи не остановили принцессу: она не зря славилась упорством.

– В один прекрасный день меня посетит озарение, Эйш. Я представляю себе прекрасные картины и обязательно научусь переносить их на холст!

– Без сомнения, госпожа.

Сарин улыбнулась:

– До тех пор придется делать вид, что я обучалась у мастера сворданского абстракционизма.

– Ах да. Открытая вами школа творческого ненаправления. Очень хорошо, госпожа.

В зал вошли два человека, вызванные для разбора тяжбы. Сарин с трудом отличала одного от другого: на обоих поверх ярких пышных рубашек со сборками красовались модные жилеты и свободно сидящие широкие брюки. Ее интерес вызвал третий мужчина, сопровождаемый солдатом дворцовой гвардии. Он был непримечательным светловолосым крестьянином эйонских кровей, одетым в простую коричневую рубаху. Становилось очевидно, что уже давно он не ел досыта, и Сарин не могла отвести взгляд от его глаз, такая в них застыла отчаянная безнадежность.

Тяжба касалась этого крестьянина. Три года назад тот сбежал от одного из дворян, но был пойман вторым. Вместо того чтобы вернуть его хозяину, он оставил находку у себя и приставил к работе. Но спор зашел не из-за самого крестьянина, а из-за его потомства. Два года назад он женился и обзавелся двумя детьми во владениях второго дворянина. И первый и второй считали, что дети принадлежат им.

– Я думала, что в Арелоне рабство находится вне закона, – тихонько заметила Сарин.

– Так и есть, госпожа, – недоуменно ответил Эйш. – Я не понимаю, в чем дело.

– Они имеют в виду владение в переносном смысле, кузина, – прозвучал с другой стороны мольберта голос.

Сарин удивленно выглянула из-за холста. Рядом с палитрой стоял, улыбаясь, старший сын Киина.

– Люкел! Что ты здесь делаешь?

– Я один из самых преуспевающих купцов Каи, кузина. – Он обошел мольберт и осмотрел рисунок, приподняв бровь. – У меня есть право свободного входа во дворец. Странно, что ты не заметила меня при входе.

– Ты был здесь?

Люкел кивнул:

– Я держался в хвосте толпы, нашел там старых знакомых. Еще не виделся с ними после возвращения из Свордана.

– Почему ты не окликнул меня?

– Меня увлек твой спектакль. – Молодой человек улыбнулся. – Никогда не слышал, чтобы кто-то решил переоборудовать тронный зал Йадона в художественную студию.

Сарин залилась краской:

– Но ведь получилось, правда?

– Чудесно получилось, чего не могу сказать про картину. – Он на минуту задумался. – Это лошадь?

Принцесса нахмурилась.

– Дом?

– Это даже не ваза с фруктами, господин, – вставил Эйш. – Я уже пробовал.

– Раз она сказала, что это одна из картин в зале, нам придется перебрать их все, пока не набредем на нужную.

– Великолепный метод, господин Люкел.

– Хватит вам, – угрожающе произнесла Сарин. – Это картина напротив нас.

– Вон та? – переспросил Люкел. – Но это же букет цветов.

– И что?

– А это что за темное пятно посреди твоего рисунка?

– Цветы, – отрезала девушка.

– О... – Он снова взглянул на рисунок, потом на картину на стене. – Как скажешь, кузина.

– Может, ты объяснишь суть тяжбы, пока мне не пришлось прибегнуть к насилию? – сладким голосом спросила Сарин.

– Ладно. Что ты хочешь узнать?

– По нашим сведениям, в Арелоне нет рабства, но эти дворяне называют крестьянина своей собственностью.

Люкел нахмурился и перевел взгляд на спорщиков:

– Рабство считается вне закона, но, скорее всего, такое положение сохранится недолго. Десять лет назад в Арелоне не было знати и черни – только элантрийцы и остальные люди. За последние годы простолюдины из собственников участков земли превратились в феодальных крестьян, живущих на наделах своих лордов. Они связаны кабальными договорами, и мы движемся к системе, которая напоминает фьерденское крепостное право древности. Еще немного, и простолюдины станут рабами.

Сарин нахмурилась. То, что король с готовностью выслушивал текущую жалобу и собирался отобрать у человека детей, чтобы не задеть честь одного из дворян, не укладывалось в голове. Общество давно перешагнуло эту ступень. Крестьянин наблюдал за обсуждением тусклым взглядом; свет, который когда-то сиял в его глазах, давно и со злорадством уничтожили.

– Все еще хуже, чем я опасалась, – произнесла принцесса.

Люкел кивнул:

– Первым же установлением после прихода к власти Йадон отменил личную собственность на землю. У Арелона нет армии, но король пригласил наемников и заставил людей под-

чиниться своей воле. Он провозгласил, что все земли принадлежат короне, а потом раздал их купечеству, которое поддерживало его восхождение на трон. Немногие, в том числе отец, обладали достаточным влиянием и деньгами, чтобы Йадон побоялся отобрать их собственность.

Сарин охватила волна отвращения к тестю. Когда-то Арелон похвалялся положением самой счастливой и просвещенной страны мира. Под пятой нынешнего монарха эта государственность рухнула, превратилась в режим, который изжил себя даже в Фьердене.

– Мы с Эйшем только что обсуждали одну странность. Как он вообще ухитрился сесть на трон?

Люкел пожал плечами:

– Йадон сложный человек, кузина. Он не замечает некоторых вещей, которые творятся у него под носом, зато умеет искусно обращаться с людьми: недаром он преуспевал в торговле. До реода он возглавлял местную гильдию купцов и считался наиболее могущественным из не связанных с элантрийцами горожан.

Гильдия купцов действовала как независимая организация, и многие из ее членов недолюбливали элантрийцев, – продолжил он. – Элантрис обеспечивал окрестных жителей бесплатной пищей, что нравилось народу, но плохо отражалось на торговле.

– Почему они не пробовали торговать другими товарами, а не только продуктами?

– Элантрийцы умели творить почти всё. И хотя не всё они отдавали задаром, но могли предложить многие товары гораздо дешевле, особенно если учесть затраты на перевозку. В конце концов гильдия заключила с Элантрисом соглашение, по которому элантрийцы обязались бесплатно обеспечивать население только самыми необходимыми товарами. Купцы получили право ввозить предметы роскоши для обеспеченных людей, которыми были в основном прочие члены гильдии.

– И тут случился реод. – Сарин начала понимать.

Люкел кивнул:

– Элантрис пал, а гильдия во главе с Йадоном оставалась самой крупной и могущественной организацией четырех Внешних городов. Народ привлекла их слава давнего противника Элантриса. Решение провозгласить Йадона королем напрашивалось само собой. Хотя выбор не сделал его хорошим монархом.

Сарин кивнула. Восседающий на троне его величество наконец принял решение по тяжбе. Он громко объявил, что сбежавший крестьянин принадлежит первому дворянину, но его дети должны остаться у второго.

– Так как, – уточнил король, – именно он тратился на их прокорм все это время.

Услышав вердикт, крестьянин не заплакал, и принцессу пронзила жалость. Когда он поднял голову, под вынужденным смирением в его глазах горела ненависть. Его дух сломился не до конца.

– Королю недолго осталось править, – сказала Сарин. – Люди не потерпят такого обращения.

– Простолюдины жили под властью фьерденских феодалов столетиями, – заметил Люкел. – А с ними обращались хуже, чем с животными.

– Да, но они вырастали в том обществе. В древнем Фьердене люди не знали лучшей жизни, для них тогдашнее правление казалось единственно возможным. Ваш народ привык к другому порядку. Десять лет – не такой уж долгий срок, чтобы арелонцы забыли, что те, кого сейчас называют лордами, когда-то были лавочниками и торговцами. Они помнят прежнюю жизнь. Еще важнее, они своими глазами видели, как падают правительства и вчерашние слуги становятся господами. Йадон прижал их слишком сильно.

Ее кузен улыбнулся:

– Ты говоришь, как принц Раоден.

Сарин помолчала, размышляя, потом спросила:

– Ты хорошо его знал?

– Он был моим лучшим другом. – Люкел горестно кивнул. – И великим человеком.

– Расскажи мне про него, – тихо попросила принцесса.

Люкел задумался и заговорил, погружаясь в воспоминания:

– Раоден приносил людям радость. Можно было грустить весь день, но тут появлялся принц со свойственной ему верой в лучшее, и ему хватало нескольких ласковых слов, чтобы ты понял, как глупо унывать. Он был очень умен, знал каждый эйон и великолепно их рисовал и постоянно придумывал философские теории, которых не понимал никто, кроме моего отца. Даже после сворданского университета я не поспевал за его размышлениями.

– Тебя послушать, у принца не имелось недостатков.

Молодой придворный улыбнулся:

– Он не умел играть в карты. Постоянно проигрывал в туледу, хотя порой ему все равно удавалось убедить меня заплатить за ужин. Из него бы вышел ужасный купец – его не интересовали деньги. Он мог проиграть в туледу, чтобы порадовать меня победой. Я никогда не видел его злым или грустным, разве только после посещения внешних плантаций и встречи с тамошними работниками. Он часто туда ездил, а потом являлся ко двору и без прикрас высказывал свое мнение.

– Готова поспорить, что король приходил в ярость. – На губах принцессы играла легкая улыбка.

– Йадон был вне себя. Он испробовал все и почти изгнал Раодена из дворца, чтобы заставить его замолчать. Но ничто не помогало. Принц находил способ включить свое мнение в любое постановление. Он был наследным принцем, и придворные законы – написанные самим Йадоном – давали Раодену право высказываться по всем вопросам, обсуждаемым королем. И позволь тебе сказать, принцесса, что ты не знаешь, что такое выволочка, если не слышала Раодена. Он мог так разойтись, что даже стенам становилось не по себе от его острого языка.

Сарин откинулась на спинку стула, наслаждаясь мысленной картиной, где принц выговаривал Йадоны на глазах придворных.

– Я скучаю по нему, – грустно произнес Люкел. – Он нужен нашей стране. Принц боролся за перемены, и у него набралось немало последователей среди знати. А сейчас без его руководства группа рассыпается. Мы с отцом стараемся удержать их вместе, но я отсутствовал так долго, что потерял влияние. И конечно, не многие доверяют отцу.

– Как? Почему?

– Он приобрел репутацию неблагодарного проходимца. До сих пор не имеет титула, потому что отказывается каждый раз, когда король пытается его даровать.

Сарин нахмурила брови:

– Подожди, я думала, что дядя Киин – противник нынешнего правительства! Почему Йадон собирался наградить его титулом?

Люкел улыбнулся:

– Ему приходится, даже против воли. Наш двор строится на принципе, что финансовый успех дает право на знатность. Отец очень видный купец, и по закону ему полагается дворянский титул. Видишь ли, Йадон совершил глупость, когда решил, что каждый богач разделяет его идеи и он пресечет оппозицию, если возвысит всех состоятельных горожан. Отцовский отказ принять титул подрывает авторитет Йадона, и король знает это. Пока хоть один богатый гражданин Арелона остается не возведенным в дворянство, вся система аристократии под сомнением. Йадона чуть удар не хватает каждый раз, когда Киин появляется при дворе.

– Тогда ему стоит приходить почаще, – с усмешкой заявила Сарин.

– Отец находит кучу предлогов показаться на людях. Они с Раоденом встречались почти ежедневно для игры в шин ду, Йадона коробило, что для партии они обычно выбирали тронный

зал, но, опять же по его собственным законам, наследный принц волен приглашать ко двору кого вздумается, так что король не мог их выставить.

– Кажется, принц обладал талантом обращать против короля его же постановления.

– Одна из его самых замечательных черт. – Люкел ухмыльнулся. – Каким-то образом Раодену удавалось повернуть любой новый декрет так, что тот вставлял королю палки в колеса. Последние пять лет Йадон без устали искал способ отречься от принца. Но, как оказалось, Доми решил эту проблему за него.

«Либо Доми, – с возрастающим подозрением решила Сарин, – либо один из наемных убийц короля».

– Кто станет наследником престола? – спросила она вслух.

– Пока неизвестно. Возможно, Йадон надеется завести еще детей – Эшен достаточно молода. Или трон отойдет к одному из влиятельных герцогов, лорду Телри или лорду Ройэлу.

– Они здесь? – Сарин осмотрела толпу.

– Ройэла нет, но вон там герцог Телри.

Люкел кивком указал на напыщенного мужчину у дальней стены. Стройный и надменный, с величественной осанкой, он мог бы выглядеть привлекательным, если бы так не кичился своим положением. Одежда на нем сверкала драгоценными камнями, а пальцы унизывали золотые и серебряные кольца. Герцог повернулся, и Сарин увидела, что левую сторону лица почти целиком закрывает фиолетовое родимое пятно.

– Будем надеяться, что трон не перейдет к нему, – произнес Люкел. – С Йадоном трудно договориться, но он хотя бы ответственно подходит к финансам. Вернее сказать, он отъявленный жмот. А вот Телри обожает тратить деньги. Он мог бы стать самым богатым человеком Арелона, но поскольку беспечно относится к средствам, то является третьим – после короля и герцога Ройэла.

Принцесса нахмурилась:

– Король собирался отречься от Раодена, оставив страну без законного наследника? Неужели он ничего не слышал о междоусобных войнах?

Кузен пожал плечами:

– Видимо, он бы предпочел потерять наследника, чем передать государство Раодену.

– Чтобы такие глупые понятия, как свобода и сострадание, не испортили построенную им монархию, – сухо произнесла принцесса.

– Именно так.

– А эти дворяне, которые прислушивались к Раодену? Они проводят встречи?

– Нет. – Люкел нахмурился. – Они боятся поддерживать свое политическое движение без покровительства принца. Мы убедили наиболее преданных делу встретиться послезавтра в последний раз, но я сомневаюсь, что из собрания выйдет толк.

– Я хочу на него попасть, – заявила Сарин.

– Они не слишком расположены к новичкам, кузина. Они привыкли быть подозрительными, ведь их встречи могут расценить как измену короне.

– Они все равно собираются прекратить встречи. Что они могут сделать при виде меня – отказаться присутствовать в следующий раз?

Люкел подумал над ее словами и улыбнулся:

– Хорошо, я предупрежу отца, и он найдет способ провести тебя.

– Мы можем поговорить с ним за обедом.

Сарин бросила последний расстроенный взгляд на холст и начала убирать краски.

– Так ты пообедаешь с нами?

– Дядя Киин обещал познакомить меня со старинной фьерденской кухней. Кроме того, после сегодняшних откровений я не думаю, что смогу вынести общество Йадона. Я так зла на него, что вот-вот начну кидаться кистями.

Люкел рассмеялся:

– Это добром не кончится, даже для принцессы. Пошли, Кэйс будет прыгать от восторга. Отец всегда готовит для гостей парадные блюда.

Люкел оказался прав.

– Она здесь! – запищала Кэйс, увидев принцессу. – Папа, готовь обед!

Джалла встретила супруга объятием и быстрым поцелуем. Она прошептала что-то на фьерделле, Люкел заулыбался и любовно погладил ее по плечу. Сарин с завистью наблюдала за ними, но постаралась взять себя в руки. Не пристало теоданской принцессе жаловаться на несправедливость королевских браков. Если Доми решил забрать ее мужа перед свадьбой, значит он хотел направить ее мысли на другие дела.

Дядя Киин появился в дверях кухни, засунул кулинарную книгу в карман фартука и заключил Сарин в медвежьи объятия:

– Ты не смогла устоять перед чудесной кухней Киина?

– Нет, па, она проголодалась, – заявила Кэйс.

– Неужели? Присаживайся, ваше высочество, обед будет готов через несколько минут.

Трапеза протекала в том же духе, что и вчерашний ужин. Кэйс жаловалась на медлительность, с которой отец подавал еду, Даорн старался выглядеть взрослее и серьезнее сестры, а Люкел безжалостно дразнил обоих, как и полагалось старшему брату. Адиен вышел к столу поздно, рассеянно бормоча под нос серии чисел. Киин принес несколько исходящих горячим паром блюд и извинился за отсутствие жены: у нее оказалась назначена встреча.

Все наслаждались восхитительной едой и интересной беседой, пока Люкел не решил поведать семейству о художественных талантах Сарин.

– Она открыла новый стиль абстракционизма, – серьезным тоном провозгласил любезный кузен.

– Правда? – спросил Киин.

– Правда. Хотя я не смог определить, что она пыталась заявить обществу, когда изобразила цветы в виде коричневого пятна, смутно напоминающего лошадь.

Сидящие за столом расхохотались, и Сарин покраснела. Но ей не стоило надеяться, что худшее позади: Эйш выбрал этот момент, чтобы бесповоротно предать свою хозяйку.

– Она называет это школой творческого ненаправления, – серьезно объяснил сеон глубоким, хорошо поставленным голосом. – Я думаю, что принцесса ощущает свою значимость, создавая работы, которые полностью исключают способность зрителей понять, что там нарисовано.

Киин не выдержал и согнулся в приступе смеха. Но вскоре мучениям Сарин пришел конец, и разговор перешел на другую тему, которая очень заинтересовала принцессу.

– Не бывает школы творческого ненаправления, – решительно заявила Кэйс.

– Не бывает? – поинтересовался ее отец.

– Нет. Есть школа импрессионизма, неорепрезентализма, школа абстрактного происхождения и школа ревиватионистов. И все.

– Неужели? – весело переспросил Люкел.

– Да. Было еще движение реалистов, но они ничем не отличались от неорепрезентализма. Они просто взяли другое название.

– Перестань выпендриваться перед принцессой, – пробурчал Даорн.

– Я не выпендриваюсь. Я хорошо образованна.

– Нет, выпендриваешься. К тому же реализм совсем не одно и то же, что неорепрезентализм.

– Даорн, прекрати ворчать на сестру, – приказал Киин. – Кэйс, прекрати выпендриваться.

Кэйс насупилась, обиженно отодвинулась от стола и начала нечленораздельно бормотать себе под нос.

– Что она делает? – удивленно спросила Сарин.

– Она ругается на нас по-джиндоски, – непринужденно ответил Даорн. – Она всегда так делает, если ее переспорят.

– Она считает, что если знает несколько языков, то может задира́ть нос, – добавил Люкел. – Как будто это означает, что она самая умная в мире.

После его слов поток фраз изо рта белокурой девочки изменился, и пораженная принцесса узнала фьерделл. Но Кэйс не остановилась – она закончила речь коротким, но ехидно звучащим выражением. Вроде бы на дюладене.

– Сколько языков она знает? – изумленно спросила Сарин.

– Четыре или пять, если только в мое отсутствие она не выучила еще один, – отозвался Люкел. – Хотя скоро ей придется остановиться. Сворданские ученые утверждают, что человеческий разум способен вместить только шесть языков; потом он начинает их путать.

– Кэйс поставила себе целью доказать их ошибку, – вставил Киин. – И еще доест последние крохи съестных запасов Арелона.

Девочка задрала нос, фыркнула и вернулась к еде.

– Они оба такие... образованные, – заметила Сарин.

– Не обольщайся, кузина. Они недавно проходили историю искусств, и эта парочка из всех сил старалась перещеголять друг друга.

– Все равно.

Кэйс, все еще недовольная поражением, пробурчала что-то в тарелку.

– Что? – строго переспросил Киин.

– Я сказала, что, если бы принц был здесь, он бы ко мне прислушался. Он всегда меня поддерживал.

– Он просто делал вид, – возразил Даорн. – Это называется «сарказм», Кэйс.

Девочка показала брату язык:

– Он считал, что я красавица, и я ему нравилась. Он ждал, пока я вырасту, чтобы на мне жениться. Тогда я стала бы королевой и посадила бы вас в темницу, пока вы не признаете, что я всегда права.

– Он не мог на тебе жениться, дурочка, – оскалился Даорн. – Он женился на Сарин.

Должно быть, Киин заметил, как вытянулось лицо Сарин, стоило зайти речи о принце, потому что тут же строгим взглядом заставил детей притихнуть. Но было поздно. Чем больше принцесса слышала о Раодене, тем чаще ей вспоминался мягкий приветливый голос, долетавший до нее через сеонов за сотни миль. Ей вспоминались непринужденные, скачущие с темы на тему письма, рассказывающие о жизни в Арелоне, о доме, который он готовил к ее приезду. Она так хотела удивить его своим ранним прибытием, но оно, похоже, вышло недостаточно ранним.

Возможно, ей следовало послушаться отца. Он неохотно согласился на брак дочери, хотя прекрасно понимал, что Теоду необходим прочный союз с новым арелонским правительством. Обе страны вели происхождение от одной расы и имели общее культурное наследие, но за последние годы контакты между ними практически прервались. Беспорядки после реода угрожали всем, хоть как-то связанным с элантрийцами, и теоданская королевская семья могла оказаться в опасности. Но сейчас, когда Фьерден снова стремился расширить свое влияние (и особенно после падения Дюладелской республики), стало очевидным, что либо Теод возобновит договор со старыми союзниками, либо встретит полчища вирна в одиночку.

Так что Сарин предложила брак между королевскими семьями. Отец поначалу сопротивлялся, но потом склонился перед логической силой ее доводов. Не бывает уз сильнее, чем узы крови, особенно если один из супругов – наследный принц. И не важно, что брачный контракт

запрещал Сарин выходить замуж во второй раз: Раоден был молодым и сильным мужчиной. Все предполагали, что его ждут долгие годы жизни.

Тут принцесса заметила, что Киин обращается к ней.

– Что, дядя?

– Я спросил, не хочешь ли ты осмотреть Каи. Ты здесь уже несколько дней, пора познакомиться с городом. Уверен, что Люкел с удовольствием покажет тебе достопримечательности.

Молодой человек развел руками:

– Извини, отец. Я бы с радостью поводил нашу прекрасную кузину по Каи, но мы с Джаллой наметили встречу с одним из купцов; собираемся обсудить закупку шелка для продажи в Теоде.

– Вы пойдете вдвоем? – удивилась Сарин.

– Конечно. – Люкел бросил на стол салфетку и поднялся. – Джалла торгуется с заразительным пылом.

– Единственная причина, по которой он на мне женился, – с улыбкой добавила сворданка. – Люкел – истинный купец. Во всем ищет выгоду, даже в браке.

– Правильно, – засмеялся он, взяв жену под руку. – То, что она красавица и умница, мне даже и не пришло в голову. Спасибо за обед, отец, великолепно приготовлено. Всем хорошего дня.

Пара удалилась, не отрывая друг от друга взгляда. Даорн озвучил их выход, делая вид, что его тошнит:

– Фу. Папа, поговори с ними. Они такие приторные, что еда в горло не лезет.

– Наш дорогой братец совсем спятил, – согласилась Кэйс.

– Будьте терпеливыми, дети, – прервал их Киин. – Люкел женат всего месяц. Дайте ему немного времени, и он станет прежним.

– Я надеюсь, – протянула Кэйс. – Меня от него тошнит.

Сарин не сказала бы, что девочка выглядит нездоровой: она набросилась на еду с прежним ожесточением.

Сидящий рядом с принцессой Адиен продолжал бормотать себе под нос. Его речь не отличалась разнообразием, в ней мелькали в основном числа да иногда проскальзывало слово «Элантрис».

Это всколыхнуло память Сарин.

– Я не прочь осмотреть город, дядя, – сказала она. – Особенно Элантрис. Я хочу увидеть, из-за чего ведется столько яростных споров.

Киин потер подбородок.

– Ну... – медленно произнес он. – Думаю, что близнецы покажут тебе округу. Они знают, как добраться до Элантриса, а заодно я ненадолго от них избавлюсь.

– Близнецы?

Киин улыбнулся:

– Так их прозвал Люкел.

– Мы ненавидим, когда нас так называют, – отрезал Даорн. – Мы не близнецы – мы совсем не похожи.

Сарин пристально оглядела обоих детей, одинаковые копны их светлых волос, упрямые лица, и тоже улыбнулась.

– Ни капельки не похожи, – подтвердила она.

Стена Элантриса нависала над Каи, как суровый часовой. Только оказавшись у подножия, принцесса осознала, насколько внушителен город. Она была во Фьердене, и ее поразили укрепленные города-крепости этой страны, но они не шли ни в какое сравнение с Элантрисом. Стена была настолько высокой, ее поверхность настолько гладкой – с первого взгляда стано-

вилось ясно, что ее создавали руки необычных людей. Всю протяженность стены покрывали высеченные эйоны, многие из которых Сарин не смогла опознать, а она полагала себя хорошо образованной.

Дети подвели ее к массивному ряду ступенек, взбегавших к вершине стены. Великолепно обработанная, с многочисленными арками и смотровыми площадками, лестница производила царственное впечатление. А также наводила на мысли о заносчивости. Ступеньки определенно строились одновременно с городом, а значит, стена возводилась не как мера защиты, а для обособления. Только необычайно уверенные в себе люди решат создать непреодолимое укрепление, а потом пристроить снаружи лестницу.

Их уверенность в себе оказалась необоснованной, так как Элантрис пал. И все же, напомнила себе принцесса, не захватчики овладели городом, но что-то иное, не понятное до сих пор – реод.

Сарин остановилась на половине подъема, облокотилась на перила и оглядела с высоты Каи. Городок казался младшим братом Элантриса: он изо всех сил старался доказать свою значительность, но все равно проигрывал огромному соседу. В другом месте здания могли бы выглядеть внушительно, но по сравнению со спокойным величием Элантриса казались крохотными шавками.

«Шавки или нет, – напомнила себе принцесса, – мне надо сосредоточиться на Каи. Дни Элантриса в прошлом».

Несколько шаров света парили с наружной стороны стены – первые сеоны, увиденные ею в Арелоне. Сначала она обрадовалась, но потом припомнила слухи. Раньше шаод не затрагивал сеонов, но с падением города все изменилось; теперь, когда шаод забирал человека, его компаньон терял разум. Они кружились без цели и смысла, как потерянные дети, держась неподалеку от попавших в Элантрис хозяев.

Сарин отвернулась от сеонов, кивнула детям и продолжила подъем. Ее задачей, бесспорно, оставался Каи, но принцессе хотелось увидеть великий город, прочувствовать его былую славу.

Поднимаясь, она провела рукой по высеченному на стене эйону. Линии равнялись ширине ее ладони, и нигде не чувствовалось швов. Она читала, что стена представляет собой небывалой величины монолит.

Только сейчас его участки крошились и трескались, особенно ближе к вершине. Чем выше они поднимались, тем больше им встречалось мест, где отсутствовали крупные куски камня, оставив за собой рваные раны, похожие на следы гигантских челюстей. Но ничто не могло испортить вида со стены – от него захватывало дух.

– Ох. – У Сарин закружилась голова.

Даорн настойчиво потянул ее за платье:

– Не подходи к краю.

– Все в порядке, – ответила она, но позволила мальчику оттянуть себя назад.

Эйш висел рядом и взволнованно мерцал.

– Может, вам лучше спуститься, госпожа. Вы плохо переносите высоту.

– Чепуха. – Принцесса чувствовала себя уже лучше. Тут она заметила сборище на вершине стены неподалеку. Над толпой возносился пронзительный голос, но она не могла разобрать слов. – Что там такое?

Близнецы недоуменно переглянулись.

– Не знаю, – ответил Даорн.

– Обычно здесь, кроме солдат, никого нет, – добавила девочка.

– Давайте посмотрим, – предложила Сарин.

Ей казалось, что она узнает акцент в голосе. Подойдя сзади к толпе, она получила подтверждение догадкам.

– Это джьерн! – воскликнула Кэйс. – Я хочу на него поглядеть!

И девочка исчезла в толпе. До Сарин донеслись удивленные, а порой разгневанные вскрики, когда Кэйс начала прокладывать себе путь. Даорн с завистью поглядел вслед сестре, но потом перевел взгляд на принцессу и остался с ней, как и полагалось добросовестному провожатому.

Мальчику не следовало волноваться, что он не увидит джьерна. Сарин повела себя более сдержанно, чем ее юная кузина, но ей тоже хотелось пробраться поближе к Хратену. Так что, подталкивая Даорна, она вежливо, но неумолимо протолкалась к передней линии толпы.

Хратен стоял на небольшом возвышении, встроенном в стену. Он повернулся к толпе спиной, но через плечо его слова легко доносились до слушателей – речь явно предназначалась для собравшихся, а не для жителей Элантриса. Внимание Сарин тут же обратилось на жреца; город она успеет изучить позже.

– Посмотрите на них! – призвал джьерн, указывая на Элантрис. – Они потеряли право называться людьми. Это животные, не ведающие воли и желания служить королевству властелина Джаддета. Они не знают бога и следуют только велениям своих похотей.

Сарин нахмурилась. Доктрина, учившая, что единственным различием между людьми и животными является способность поклоняться богу, или Джаддету на фьерделле, не была для принцессы новостью; отец заставил ее получить обширные знания по Шу-Дерет. Чего она не могла понять, так это зачем жрец тратил время на элантрийцев. Чего он надеялся добиться, проклиная людей, которые и так лишились всего?

Одно было ясным: если джьерн нашел причину проповедовать в Элантрисе, в ее обязанность входило защитить город. Сарин считала вполне возможным разрушить планы врага, даже не понимая их.

– ...Как все знают, животные – низшие создания по сравнению с людьми в глазах Джаддета!

Речь Хратена близилась к завершению.

Сарин увидела ожидаемый шанс. Она широко распахнула глаза, придала лицу туповато-непонимающий вид и визгливым голосом спросила:

– Почему?

Жрец замолк. Принцесса вклинилась с вопросом в тот момент, когда он набирал воздух для последней фразы, и теперь над толпой повисло неловкое молчание. Джьерн запутался в словах, пытаясь вернуть проповедь в прежнее русло, но вмешательство Сарин уже успело испортить впечатление. Хратен повернулся к прихожанам, выискивая суровым взглядом глупца, который его прервал. Его внимание привлекло благодное, слегка недоуменное лицо Сарин.

– Что – почему? – резко спросил он.

– Почему господин Джаддет считает, что животные – низшие создания?

Услышав «господин Джаддет», джьерн заскрипел зубами:

– Потому что, в отличие от людей, они умеют только следовать своим похотям.

Типичным следующим вопросом было бы: «но люди тоже следуют похотям?» – что дало бы Хратену возможность объяснить разницу между богобоязненным человеком и грешником, так что Сарин воздержалась.

– Но я слышала, что господин Джаддет поощряет наглость, – сказала она с оттенком недоумения.

Взгляд джьерна приобрел подозрительность. Вопрос слишком близко затрагивал правду, чтобы такая простушка, какой выглядела Сарин, додумалась до него самостоятельно. Жрец догадывался, что с ним играют, но от него все равно требовался ответ – если не ради нее, то ради остальных собравшихся.

– Лорд Джаддет, – с нажимом произнес он, – поощряет амбицию, а не наглость.

– Но я не понимаю. Разве амбиция – это не служение нашим похотям? Почему господин Джаддет поощряет ее?

Хратен терял слушателей и знал это. Вопросы, задаваемые Сарин, звучали в столетнем споре против Шу-Дерет, но толпа не ведала о древних диспутах и научных опровержениях. Все, что они видели, – кто-то задавал жрецу вопросы, на которых у него не находилось убедительных ответов.

– Амбиция не имеет ничего общего с похотью, – властно отрезал Хратен, надеясь вновь завладеть разговором. – Людей, которые служат империи Джаддета, ждет немедленная награда в этой жизни и на небесах.

Мастерский ход – жрец не только переменял тему, но и привлек внимание слушателей к другой идее. Награды нравились всем. К несчастью для фьерденца, Сарин еще не закончила.

– Значит, если мы служим Джаддету, наши похоти вознаграждаются?

– Никто не служит Джаддету, кроме вирна, – небрежно заметил джьерн, обдумывая ответ.

Принцесса улыбнулась; она надеялась, что он совершит подобную ошибку. Основным положением Шу-Дерет провозглашалось, что только один человек служит непосредственно Джаддету: религия обладала сложной структурой и напоминала феодальное правительство Фьердена древности. Ты служишь тем, кто выше тебя, они служат тем, кто выше их, и так до вирна, который служит Джаддету. Все служили империи Джаддета, но только один человек обладал достаточной святостью, чтобы прислуживать самому богу. Система порождала множество разнотолков, и дереитским жрецам часто приходилось поправлять прихожан, как сейчас Хратену.

К несчастью, он подарил Сарин прекрасную возможность.

– Никто не может служить Джаддету? – непонимающе переспросила она. – Даже ты?

Смешной довод, учитывая, что принцесса нарочно переврала смысл слов жреца. Сарин знала, что в споре о достоинствах веры не ей тягаться с джьерном. Но она и не собиралась оспаривать его учение, только подпортить проповедь.

Хратен вскинул голову, осознав ошибку. Все приготовления пошли коту под хвост; к тому же толпа задумалась над последним вопросом.

Джьерн доблестно попытался сгладить промашку, переведя речь на более знакомую почву, но симпатии слушателей переметнулись к Сарин, и она вцепилась в них мертвой хваткой, которая удается только женщинам в отчаянном положении.

– Что нам делать? – вопрошала принцесса, качая головой. – Боюсь, что нам, простым людям, недоступны высокие рассуждения жрецов.

И на этом проповедь закончилась. Люди начали переговариваться между собой и расходиться, многие посмеивались над выходками жрецов и нелепостью религиозных постулатов. Сарин заметила, что большинство принадлежали к знати; судя по всему, джьерну стоило немалого труда затащить их на элантрыйскую стену. Она злорадно ухмыльнулась, представляя попусту затраченные фьерденцем уговоры и подготовку.

Хратен наблюдал за тем, как тщательно организованное собрание разваливается у него на глазах. Он не пытался продолжить проповедь или обругать нечестивцев; злость и крики принесут больше вреда, чем пользы.

К немалому удивлению Сарин, джьерн отвернулся от расходящейся толпы и наградил ее любезным кивком. Не поклон, но подобный жест от дереитского жреца много значил: признание заслуженной победы, сдача позиций достойному противнику.

– Вы ведете опасную игру, принцесса.

– Вы еще убедитесь, что я прекрасный игрок, джьерн.

– Тогда до следующего раунда.

Хратен махнул невысокому светловолосому арелонцу в жреческой одежде и двинулся к спуску.

Во взгляде второго дереита не наблюдалось ни уважения, ни даже терпимости – в нем горела ненависть, и Сарин пробрала дрожь от ее тяжести. Жрец изо всех сил сжимал зубы, и принцессе показалось, что еще мгновение, и он придушит ее, а потом перекинет через перила. От одной мысли об этом у нее закружилась голова.

– Он меня беспокоит, – заметил Эйш. – Я встречал подобных людей, и ничего хорошего от них ждать не приходится. Плотину с тонкими укреплениями непременно когда-нибудь прорвет.

Сарин согласно кивнула:

– И он не фьерденец. Похоже, он слуга или помощник Хратена.

– Будем надеяться, что джьерн сумеет удержать своего пса на поводке, госпожа.

Принцесса открыла рот, но ее ответ прервал внезапный взрыв смеха. Она глянула вниз и обнаружила с хохотом катающуюся по проходу Кэйс, – видимо, девочка с трудом дождалась, пока жрец не удалится на достаточное расстояние.

– Сарин, – задыхаясь, выговорила она, – это было здорово! Ты казалась такой глупой! А его лицо! Он стал краснее, чем папа, когда тот обнаружил, что я съела все его сладости. Он покраснел в тон своим доспехам!

– Мне он совсем не понравился, – серьезно добавил Даорн. Он стоял рядом с открытой частью парапета, наблюдая, как Хратен спускается по ступенькам. – Он какой-то... слишком строгий. Разве он не понял, что ты только притворялась дурочкой?

– Возможно. – Сарин знаком приказала Кэйс подняться и отряхнуть платье. – Но у него не было доказательств, так что пришлось ему делать вид, что разговор ведется всерьез.

– Папа говорит, что джьерн приехал обратить нас в Шу-Дерет, – задумчиво сказал мальчик.

– Правда?

Даорн кивнул:

– Еще он говорит, что боится, как бы Хратен не преуспел. Он говорит, что урожай в этом году не удался и многие люди остались без пищи. А если посевы и этого года взойдут плохо, следующей зимой будет еще хуже, а в тяжелые времена люди тянутся к тем, кто обещает перемены.

– Твой папа очень мудрый человек, Даорн, – ответила принцесса.

Небольшая стычка с верховным жрецом служила больше для разрядки; людские умы отличаются легкомыслием, и сегодняшний спор скоро забудется. Проповедь Хратена являлась частью большего плана, как-то связанного с Элантрисом, и Сарин чувствовала необходимость раскрыть его карты. Неожиданно припомнив первоначальную цель посещения элантрийских стен, принцесса приблизилась к парапету и взглянула на город под ногами.

Даже сейчас город производил незабываемое впечатление. Сочетание зданий и улиц, аллей и перекрестков – произведение искусства гигантских размеров. Многие арки рухнули, купола провалились, и даже стены домов выглядели как будто вот-вот упадут. И все же Сарин могла сказать только одно: когда-то Элантрис был красив.

– Они такие грустные, – раздался сбоку голосок Кэйс.

Девочка приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть за парапет.

– Кто?

– Они. – Кэйс указала на улицы внизу.

Там были люди – скорченные, едва шевелящиеся фигуры, которые сливались с темными улицами. Их стоны не долетали до вершины стены, но Сарин казалось, что она ощущает их в воздухе.

– Никто о них не заботится, – продолжала Кэйс.

– А как они едят? Кто-то должен их кормить.

Принцесса не могла хорошо рассмотреть фигуры, находящиеся внизу; видно было только то, что это люди. Или, по крайней мере, походят на людей; она читала много странных рассуждений об Элантрисе.

– Никто их не кормит, – ответил с другой стороны Даорн. – Они все уже умерли, так что им не дают еды.

– Но они должны как-то питаться, – возразила Сарин.

Кэйс покачала головой:

– Они мертвы, Сарин. Им не нужна пища.

– Возможно, они почти не двигаются, – решительно сказала принцесса, – но они точно не мертвые. Посмотри, вот те даже стоят.

– Нет, Сарин. Они тоже мертвые. Им не нужна еда, не нужен сон, и они не стареют. Они все умерли. – Голос девочки звучал непривычно серьезно.

– Откуда ты знаешь?

Сарин старалась не обращать внимания на слова детей, приписав их юному воображению. К несчастью, эти дети не раз доказали, что удивительно много знают.

– Я просто знаю. Поверь мне, они мертвые.

У принцессы мурашки побежали по коже, и она твердо приказала себе не поддаваться мистике. Бесспорно, элантрийцы казались странными, но вполне живыми. Должно быть другое объяснение.

Она снова оглядела город, пытаясь выкинуть из головы тревожные слова Кэйс. Взгляд принцессы остановился на трех людях: один из них выглядел менее жалким, чем остальные. Она прищурилась: это элантрийцы, но кожа одного казалась гораздо темнее. Они стояли на крыше дома и выглядели способными передвигаться, в отличие от большинства фигур на площади. Что-то в них было особенное.

– Госпожа? – Встревоженный голос Эйша прозвучал прямо над ухом, и Сарин вдруг поняла, что перегнулась далеко за перила.

Вздвигнув, она посмотрела на землю далеко внизу; площадь начала расплываться перед глазами, принцесса пошатнулась... земля издали манила ее...

– Госпожа! – Вскрик сеона вырвал ее из ступора.

Сарин отшатнулась от парапета, присела на корточки и обняла руками колени. Некоторое время она глубоко втягивала воздух.

– Все в порядке, Эйш, – наконец вымолвила она.

– Мы уходим, как только вы придете в себя, – непререкаемо заявил Эйш.

Сарин рассеянно кивнула. Кэйс фыркнула:

– Казалось бы, с твоим ростом пора перестать бояться высоты.

Глава 9

Будь Дилаф собакой, он бы рычал. И пускал бы изо рта слюну. Артет выглядел гораздо хуже, чем после первого посещения элантрийской стены.

Хратен обернулся взглянуть на город. Они почти дошли до часовни, но огромная стена продолжала возвышаться над ними. На ее вершине стояла молодая женщина, которая не только довела его до бешенства, но и безвозвратно испортила планы на сегодня.

– Она великолепна, – поневоле признал верховный жрец.

Как и полагалось истинному фьерденцу, он не любил жителей Теода. Пятьдесят лет назад, после небольшого недоразумения, Теод выслал со своей территории дереитских священников и с тех пор упорно отказывал им в праве вернуться. Теоданский король собирался прогнать вслед за ними и фьерденских послов, но тем едва удалось удержать позиции. Ни единый житель страны не исповедовал Шу-Дерет, а королевская семья славилась остроумными нападками на Дерети.

И все же джьерна воодушевила встреча с принцессой, которая смогла легко разрушить его замысел. Он так долго проповедовал Шу-Дерет, так преуспел в искусстве управлять мнением толпы, что Хратену становилось все труднее найти достойного противника. Успех в Дюладе полгода назад подтвердил, что при должном усилии перед ним не устоит даже целое государство.

К несчастью, Дюладел проявил слишком слабое сопротивление. Дьюлы отличались открытой, доброжелательной натурой и оказались не способны дать серьезный отпор. В конце, когда поверженное правительство рухнуло к его ногам, Хратен почувствовал себя обманутым. Переворот прошел чересчур легко.

– Да, очень впечатляюще, – повторил джьерн.

– На ней лежит большее проклятие, чем на остальных, – прошипел Дилаф. – Она принадлежит к ненавистному для властелина Джаддета народу!

Так вот что его беспокоило. Многие фьерденцы считали, что у жителей Теода нет надежды. Глупо, конечно: эту легенду придумали, чтобы создать почву для ненависти к древним врагам. И все же многие, среди них Дилаф, свято в нее верили.

– Джаддет ненавидит только тех, кто ненавидит его, – спокойно ответил Хратен.

– Они ненавидят бога!

– Большинство никогда не слышали проповеди во имя Джаддета, артет. Их король – другое дело; он проклят за изгнание наших жрецов. Но у простых людей не было выбора.

Мы начнем строить планы по проникновению в Теод после того, как покорим воле Джаддета Арелон. Одна страна не выстоит против напора всего цивилизованного мира.

– Мы уничтожим Теод! – пророческим тоном выкрикнул Дилаф. – Джаддет не станет ждать, пока наши артеты пытаются донести его слово до каменных сердец теоданцев.

– Властелин Джаддет воскреснет, только когда все государства объединятся под властью Фьердена, артета. – Верховный жрец прервал свое созерцание Элантриса и направился ко входу в часовню. – Включая Теод.

Ответ Дилафа был едва слышен, но каждое слово звучало в ушах Хратена гулким набатом.

– Может быть, – прошептал арелонский жрец. – Но есть и другой путь. Властелин восстанет, когда все живые души объединятся; теоданцы перестанут быть препятствием, если мы уничтожим их. Когда последний житель этой страны испустит предсмертный вздох, когда элантрийцы исчезнут в пламени с лица Сиклы, тогда люди последуют за вирном. И придет Джаддет.

Хратену речи артета не пришлось по душе. Джьерн приехал спасти Арелон, а не спалить его. Свержение монархии может стать необходимым, и, возможно, ему придется пролить кровь несогласной знати, но итогом станет искупление целого народа. Для верховного жреца объединение людей означало обращение их к Дерети, а не убийство неверных.

Хотя он мог заблуждаться в своих убеждениях. Вирн выказывал не больше терпения, чем Дилаф: доказательством служили отпущенные ему три месяца. При этой мысли Хратена охватило сильное беспокойство – если ему не удастся обратить Арелон, страну уничтожат.

– Великий Джаддет под нами, – прошептал он, помянув божье имя всуе.

Прав он или нет, но джьерн не желал замарать руки кровью целого королевства, пусть и еретического. Он должен добиться успеха.

К счастью, проигрыш теоданской девчонке оказался не таким полным, как она себе вообразила. Когда Хратен прибыл на условленное место (просторный кабинет в одной из лучших таверн Каи), его поджидали многие из приглашенных дворян. Речь на стене Элантриса была только частью акции по их обращению.

– Приветствую вас, ваши светлости, – кивнув в знак приветствия, сказал джьерн.

– Не надо делать вид, что мы друзья, жрец, – откликнулся Идан, один из наиболее голосистых молодых дворян. – Ты обещал, что твои проповеди принесут нам власть. Пока что мы наблюдали только сплошное смятение.

Хратен пренебрежительно махнул рукой:

– Мою речь прервала девчонка, у которой и одной-то мысли в голове отродясь не бывало. Говорят, что принцесса с трудом отличает правую руку от левой. Я не ожидал, что она сумеет понять мою проповедь; только не говорите мне, что вы, лорд Идан, испытываете похожие трудности.

Идан покраснел:

– Конечно нет, сударь. Просто... Я не вижу, каким образом обращение людей к Дерети способно усилить наше влияние.

– Власть, ваша светлость, приходит с пониманием противника.

Верховный жрец прошелся по комнате, выбирая место, где присесть. Дилаф следовал за ним как тень. Многие джьерны предпочитали стоять, подавляя слушателей своим ростом, но Хратену нравилось разговаривать сидя. Очень часто это заставляло собравшихся, особенно тех, кто остался стоять, чувствовать себя неуютно. Им начинало казаться, что тот, кто так непринужденно сумел завоевать их внимание, прочно держит бразды правления в своих руках.

Следуя его примеру, Идан и остальные также расселись по местам. Хратен сцепил пальцы на груди и молча оглядел собравшихся. Его взгляд упал на богато одетого мужчину, лет около сорока, наиболее заметным отличием которого являлось крупное родимое пятно на лице.

Хратен сдвинул брови; он не помнил, чтобы приглашал герцога Телри на сегодняшнюю встречу. Герцог был одним из самых влиятельных арелонцев, а верховный жрец рассылал приглашения только молодежи: ей, как правило, не терпелось проявить себя, и она легко поддавалась на уговоры. Джьерн не предполагал, что его ждет успех среди высшей знати, но, раз его почтил присутствием один из власть имущих, придется особенно следить за своими словами; возможно, наградой окажется выгодный союз.

– Ну? – наконец не выдержал Идан, ерзая под тяжелым взглядом жреца. – Кто они? Кто ваши противники?

– Элантрийцы.

Верховный жрец почувствовал, как вытянулся позади него Дилаф.

Молодой придворный хмыкнул и переглянулся с товарищами:

– Элантрийцев нет уже более десяти лет, фьерденец. Они не представляют угрозы.

– Неверно, молодой лорд, они еще живы.

– Если подобное существование можно назвать жизнью.

– Я не имею в виду жалкие отбросы, которые обитают в городе, – продолжал Хратен. – Я говорю об элантрийцах, все еще живущих в умах людей. Скажи мне, доводилось тебе встречать человека, который ждал бы их возвращения?

Идан задумался, и усмешка сползла с его лица.

– Правлению Йадона далеко до абсолютной власти. Он скорее регент, чем король. Люди не ожидают, что он удержится на троне надолго, – они ждут возвращения своих элантрийцев. Многие считают реод фальшивкой, своего рода проверкой, которая покажет, кто останется верным старой религии. Вы все слышали, как люди перешептываются об Элантрисе.

Слова Хратена не были пустыми домыслами: он пробыл в Каи недолго, но потратил время с пользой и держал глаза открытыми. Конечно, он преувеличивал, но тем не менее подобные настроения имели место.

– Йадон не замечает опасности, – снова заговорил жрец. – Он не видит, что его власть еле терпят; король считает, что его везде принимают с распростертыми объятиями. Пока перед людьми стоит наглядное напоминание о мощи Элантриса, они будут испытывать перед ней страх, а пока они боятся кого-то больше, чем короля, никто из вас не получит власти. Ваши титулы – подарок короля, ваше могущество связано с ним. Если он окажется беспомощен, то и вы вместе с ним.

Теперь они слушали внимательно. В сердце каждого дворянина живет неуверенность в себе. Хратену еще не доводилось встречать аристократа, который не был бы убежден, что крестьяне потешаются над ним за спиной.

– Шу-Корат не понимает опасности. Корайты не пытаются обособиться от элантрийцев и впустую разжигают ложные надежды публики. Как ни странно, народ надеется на возвращение прежних богов. Они рисуют себе картины былого величия, а прошедшее десятилетие окрасило их воспоминания в розовый цвет. Людям нравится верить, что раньше жизнь была лучше. Если вы хотите добиться беспрекословной власти над Арелоном, мои знатные друзья, то вам необходимо развеять глупые надежды толпы. Вы должны найти способ освободить их из пут элантрийцев.

Молодой Идан кивнул в знак согласия. Хратен недовольно поджал губы: молодой придворный слишком легко дал себя уговорить. Как часто случалось, наиболее активный оказался наименее стойким. Не обращая внимания на Идана, жрец оглядел остальных. Они выглядели задумчивыми, но не убежденными до конца. Более рассудительный Телри тихо сидел позади, поглаживая крупный рубин перстня, и оценивающе рассматривал Хратена.

Их неуверенность служила хорошим знаком. Джьерна не интересовали пустобрехи наподобие Идана – их легко убедить, но легко и потерять.

– Скажите мне, граждане Арелона, – верховный жрец решил зайти с другого конца, – вы бывали в восточных странах?

Некоторые кивнули. За последние годы многие арелонцы посетили Восток, путешествуя по древним землям Фьерденской империи. Хратен подозревал, что новоиспеченная аристократия Арелона горела желанием проявить свою утонченность, налаживая связи с такими государствами, как Свордан, культурный центр Востока.

– Если вы видели могущественные восточные страны, друзья мои, тогда вы понимаете, какое влияние подарит вам сотрудничество с дереитскими жрецами.

Влияние – это слабо сказано. Ни один король к востоку от Датрекских гор не всходил на престол без твердых доказательств верности Шу-Дерет, а наиболее почетные и прибыльные позиции в правительствах отходили рьяным последователям Джаддета.

Слова Хратена содержали обещание, и независимо от того, что еще будет обсуждаться сегодня, независимо от прочих доводов верховного жреца именно оно обеспечит их поддержку. Ни для кого не являлось секретом, что дереитские жрецы активно интересуются политикой, и большинство знали, что для успешной карьеры необходимо приобрести поддержку церкви. Поскольку арелонскую знать интересовало только обещание будущей власти, глупые наскоки теоданской девчонки были им нипочем. Этих людей не смутит религиозным диспутом: что Шу-Корат, что Шу-Дерет – для них не имело значения. Им требовалось заверение, что неожиданный поток набожности с их стороны принесет со временем ощутимое благоденствие.

– Достаточно играть словами, жрец, – заговорил Рамир, один из молодых дворян. Второй сын незначительного барона, он обладал острым эйонским носом, хищным лицом и заслуженной славой брать быка за рога. – Я жду конкретных посулов. Ты хочешь сказать, если мы обратимся к Дерети, то получим увеличение вкладов?

– Джаддет вознаграждает своих последователей, – неопределенно откликнулся Хратен.

– И как он вознаградит нас? В нашем королевстве секта Шу-Дерет не имеет веса.

– Лорд Джаддет властвует повсюду, – пропустив мимо ушей высказанную дерзость, ответил джьерн. И добавил: – Я согласен, что пока у нас немного последователей в Арелоне. Но мир постоянно меняется, а устоять перед империей Джаддета невозможно. Вспомните Дюладел, друзья мои. Мы не трогали Арелон, потому что обращение вашей страны требует больших усилий. – Ложь, но весьма умеренная. – И главное препятствие – Элантрис. Стоит стереть память о нем из людских умов, и они начнут тянуться к Шу-Дерет. Шу-Корат слишком вяла, слишком беззуба. Джаддет займет их мысли, и люди станут искать примеры для подражания среди аристократии – среди тех, кто следует идеалам Дерети.

– И мы будем вознаграждены? – упорно переспросил Рамир.

– Народ не потерпит правителей-иноверцев. Как показала недавняя история, монархи не вечны.

Рамир откинулся на спинку кресла и обдумывал услышанное. Хратену приходилось тщательно подбирать слова; существовала возможность, что не все из пришедших поддержат его, и он не хотел подарить им лишних улики. Как бы пренебрежительно ни относился король Йадон к религии, заговоров он не потерпит.

Позже, когда верховный жрец убедится в верности дворян, он сможет высказать более весомые обещания. И несмотря на наговоры неприятелей, на обещания Хратена можно было положиться. Как бы его ни отвращала мысль о сотрудничестве с людьми, чью поддержку можно купить, нерушимой заповедью Шу-Дерет считалось, что амбиции надо вознаграждать. К тому же кичиться своей честностью очень выгодно – особенно когда возникает необходимость солгать.

– Потребуется время, чтобы искоренить одну религию и насадить другую, – протянул Варен, стройный юноша с копной таких светлых волос, что они казались белыми.

Он был известен своей набожностью, и Хратен удивился, когда заметил его сидящим рядом с кузеном Иданом. Видимо, его приверженность Шу-Корат исходила скорее из поиска политических преимуществ, чем из истинной веры. Перетянуть его на свою сторону окажется большой помощью для Фьерденской империи.

– Ты удивишься, юный лорд Варен. До недавних пор Дюладел оставался гнездом одной из самых древних религий. Сейчас, по записям Фьердена, эта религия исчезла с лица земли, по крайней мере в чистом виде.

– Да, но падение веры Джескера и Дюладелской республики назревало годами, если не столетиями.

– Однако ты не можешь отрицать, что когда перемены назрели, они произошли очень быстро.

Подумав, Варен медленно произнес:

– Верно.

– Падение Элантриса тоже случилось мгновенно, – продолжал жрец. – Перемены могут происходить моментально, лорд Варен, – но готовые к ним люди получают немалую выгоду. Ты говоришь, что падение Джескера зрело годами... Я могу ответить, что Корати движется к закату не менее долго. Раньше она процветала по всему востоку, сейчас же ее влияние ограничивается Арелоном и Теодом.

Варен размышлял. Он казался умным и склонным к точности юношей, и на него действовала логика Хратена. Возможно, жрец вынес ошибочное суждение об арелонской знати. Никто из ее представителей не показал себя таким же безнадежным, как король, а многие выглядели весьма многообещающими. Может быть, они понимали собственное шаткое положение: народ голодал, аристократия не имела опыта обращения с ним, а теперь на них обратился тяжелый взгляд Фьерденской империи. Когда ударит буря, большинство арелонцев начнут метаться, подобно перепуганным кроликам. Но на спасение этих дворян стоило тратить силы.

– Господа, я надеюсь, что вы рассмотрите мои предложения с большей мудростью, чем король Йадон, – произнес Хратен. – Наступают трудные времена, и тех, кто не имеет за спиной поддержки церкви, ждут в ближайшие месяцы тяжкие испытания. Помните, кто я и кого представляю.

– Помните об Элантрисе, – прошипел позади Дилаф. – Не забывайте об этом колодце мерзости, который отравляет нашу страну. Он спит и коварно ожидает своего часа. Он хочет захватить вас и затащить в свои объятия. Вы должны очистить мир от него, прежде чем он очистит его от вас.

Установилась неловкая тишина. Наконец – внезапное выступление артета смазало эффект его речи – Хратен откинулся в кресле и сцепил на груди пальцы, показывая, что встреча окончена. Дворяне покидали комнату, по их встревоженным лицам ясно читалось, что они понимают нелегкий выбор, перед которым поставил их верховный жрец. Хратен смотрел, как они расходятся, и прикидывал, с кем можно будет безопасно связаться снова. Идан придет к нему, а с ним и его последователи. Возможно, также и Рамир, если джьерну удастся встретиться с ним наедине и заверить в поддержке. Еще пара похожих на Рамира и, наконец, Варен. В глазах юноши читалось уважение, и Хратен ожидал от него очень многого.

Все они были политически слабой, незначительной группировкой, но они положат начало. Когда Шу-Дерет примется набирать сторонников, более важные персоны поддержат жреца своим весом в обществе. И когда страна наконец рухнет под давлением беспокойного правления, экономической нестабильности и военной угрозы, Хратен вознаградит своих последователей должностями в новом правительстве.

Ключ к успеху все еще сидел в углу комнаты, молча наблюдая за жрецом. Герцог Телри сохранял величественный и спокойный вид, но слава о его любви к излишествам сулила огромный потенциал.

– Милорд Телри, на минуту, если можно, – попросил Хратен, вставая с кресла. – У меня имеется особое предложение, которое может вас заинтересовать.

Глава 10

– Сюл, я не думаю, что это хорошая идея, – вялым шепотом возражал Галладон, скорчившись на корточках рядом с Раоденом.

– Тихо, – приказал принц.

Он выглянул из-за угла на площадь. Банды прослышали, что он завербовал Мареша, и решили, что создается шайка-соперник. Вчера, когда Раоден с дьюлом пришли взглянуть на новичков, их уже поджидали люди Аандена и устроили им враждебный прием. К счастью, обошлось без переломанных костей и ушибленных пальцев, но все равно на сей раз принц решил использовать деликатный подход.

– Что, если нас опять поджидают? – спросил дьюл.

– Вполне возможно. Поэтому не шуми и иди сюда.

Раоден выскользнул из-за угла в переулок, потихоньку жалея себя. Палец болел, ладони ныли, а на руке образовался синяк, вдобавок его неотступно терзал голод.

Галладон вздохнул:

– Мне еще не настолько приелось загробное существование, чтобы я был готов променять его на бесконечную боль. Коло?

Принц с многострадальным видом повернулся к другу:

– Послушай, в один прекрасный день ты распрощаешься со своим знаменитым пессимизмом, и вот тогда Элантрис наконец рухнет. От удивления.

– Пессимизмом? – не переставал шепотом возмущаться дьюл, пока они крались по переулку. – Я – пессимист? Дьюлы – самые жизнерадостные, приятные в общении люди на всем Опелоне! Каждый день мы встречаем... Сюл! Не смей убегать, когда я высказываюсь в свою защиту!

Раоден не обращал на приятеля внимания. Он также пытался не обращать внимания на свои многочисленные болячки, чему немало способствовали новые кожаные ботинки. Несмотря на недоверие Галладона, Мареш похвалялся не впустую. Ботинки (из переплетов книг в кабинете дьюла) оказались устойчивыми, с твердой подошвой, но мягкими, прекрасно подходили по размеру и совсем не натирали.

Раоден с опаской выглянул из-за угла и осмотрел площадь. Он не заметил бойцов Шаора, но они могли скрываться поблизости. Увидев, что ворота открылись, принц взбодрился, но тут же охнул от удивления, когда солдаты элантрийской гвардии впихнули в них сразу троих закутанных в белые саваны людей.

– Трое? – вслух удивился Раоден.

– Шаод непредсказуем, сюл.

– Это меняет дело, – с раздражением отозвался принц.

– Очень хорошо. Пошли, оставим сегодняшние подношения другим бандам. Коло?

– Как? Ты хочешь упустить такую прекрасную возможность? Ты меня разочаровал.

Дьюл проворчал что-то непонятное, и Раоден ободряюще хлопнул его по плечу:

– Не волнуйся, у меня есть план.

– Уже?

– Придется поспешить – в любую минуту один из них сделает первый шаг, и наш выход пропадет.

– Ладно. Что ты собираешься делать?

– Ничего. А вот ты совершишь небольшую прогулку по площади.

– Что? – вскрикнул дьюл. – Сюл, ты опять ведешь себя как каяна. Если я туда выйду, меня увидят громилы!

– Именно, – улыбнулся принц. – Убегай побыстрее, дружище. Мы же не хотим, чтобы тебя поймали.

– Ты не шутишь? – В голосе Галладона нарастала тревога.

– Представь себе. А теперь двигай – уводи их влево, а остальное я беру на себя. Мы встретимся там, где оставили Мареша.

Галладон проворчал что-то насчет «не стоит всего вяленого мяса в мире», но позволил выпихнуть себя на площадь. В ту же секунду из здания, где обычно прятались люди Шаора, послышалось рычание, и оттуда выскочили громилы, забыв в приливе праведного гнева про новичков.

Дьюл послал Раодену испепеляющий взгляд и припустил по боковой улице, уводя за собой шайку. Принц выждал мгновение и выбежал на середину площади, хватая ртом воздух и изображая усталость.

– Куда он побежал? – накинулся Раоден на новичков.

– Кто? – недоуменно спросил один из троицы.

– Высокий дьюл! Быстрее, куда он свернул? У него лекарство!

– Лекарство? – Удивлению другого не было предела.

– Я внятно сказал. Лекарство – огромная редкость, но его должно хватить на всех нас, если вы только скажете мне, куда он побежал. Неужели вы не хотите выбраться отсюда?

Один из новичков вытянул дрожащий палец и ткнул в том направлении, куда скрылся Галладон.

– Пошли, – скомандовал принц. – Если не поторопиться, мы его никогда не найдем!

И пустился бежать.

Троица на мгновение застыла на месте, но потом, увлеченная настойчивостью Раодена, последовала за ним. Все трое шагнули на север, что делало их добычей Шаора; остальные шайки могли только наблюдать, как новички скрываются за углом.

– Что ты умеешь? – спросил Раоден.

Женщина пожала плечами:

– Меня зовут Маа, господин. Я простая домохозяйка, у меня нет никаких особых навыков.

Принц фыркнул:

– Если ты типичная домохозяйка, то должна уметь все. Умеешь вязать?

– Конечно, господин.

Раоден задумчиво кивнул.

– А ты? – обратился он к одному из мужчин.

– Рийл, работник. Я всю жизнь занимался постройками на плантации хозяина.

– Таскал камни?

– Поначалу, господин. – Мужчина отличался крепкими руками и простоватым лицом рабочего, но взгляд говорил об остром уме. – Я не пропускал ни одного путешественника, пытался у них разузнать что-то новенькое. Надеялся, что хозяин отдаст меня в обучение.

– Ты староват для ученика.

– Знаю, господин, но я не терял надежды. Немногие из крестьян могут позволить себе мечты, даже такие незамысловатые.

Раоден снова кивнул. По выговору мужчина не походил на крестьянина, но многие арелонцы отличались правильной речью. Десять лет назад Арелон был страной открытых возможностей, и большинство населения получало хотя бы начальное образование. Теперь многие придворные жаловались, что обучение портит чернь, благополучно забыв, что не так давно сами вышли из низших слоев.

– Ладно, как насчет тебя? – Принц перешел к последнему новичку.

Тот был мускулистым мужчиной с не раз перебитым носом. Он смерил Раодена взглядом и поинтересовался:

– Прежде чем я отвечу, объясни, почему я должен тебя слушаться?

– Потому что я только что спас тебе жизнь.

– Ничего не понимаю. Что случилось с тем, другим парнем?

– Он скоро придет.

– Но...

– На самом деле мы за ним не гонялись. Мы пытались увести вас троих от опасности. Мареш, объясни, пожалуйста.

Ювелир обрадовался возможности поговорить. Отчаянно жестикулируя, он рассказал о своем спасении два дня назад, причем из его слов получалось, что он находился на грани смерти, пока не появился Раоден и не спас его. Принц усмехнулся: Мареш, несомненно, обладал поэтической душой. Речь мастера звучала как по нотам, голос взлетал и падал, и Раоден, заслушавшись, сам поверил в собственный героизм.

Мареш закончил заявлением, что господину Духу можно доверять, и призывал прислушиваться к его советам. Его речь убедила даже новичка с перебитым носом.

– Меня зовут Саолин, господин Дух, – сказал он. – Я служил в личном легионе графа Иондела.

– Я знаю Иондела, – кивнул принц. – Хороший человек, до получения титула сам был воякой. Ты, должно быть, прошел отличную подготовку.

– Мы – лучшие воины в стране, – гордо согласился Саолин.

Раоден улыбнулся:

– В нашей несчастной стране прослыть лучшими воинами несложно. Тем не менее я бы выставил легион Иондела против любой армии: вы всегда отличались понятием о воинской чести, выучкой и дисциплиной. Как и ваш командир. Пожалование ему титула – один из немногих разумных поступков Йадона.

– Как я понимаю, господин, у короля не оставалось выбора. – Саолин улыбнулся, показав щербатый рот. – Иондел скопил внушительное состояние, чему немало способствовал его величество, нанимая войска графа.

– Верно, – рассмеялся Раоден. – Ну, Саолин, я рад, что ты с нами. Мы будем чувствовать себя гораздо спокойнее с опытным воином, да еще с твоими навыками.

– Как пожелаете, ваша милость. – Солдат перешел на серьезный тон. – Я предлагаю вам свой меч и верность. Из религии я понимаю только молитвы, к тому же понятия не имею, что здесь творится, но... Тому, кто хорошо отзывался о лорде Ионделе, я доверяю.

Принц хлопнул его по плечу и решил не напоминать бравому воину, что у того не имелось при себе меча.

– Я принимаю твою клятву, дружище. Спасибо. Но должен предупредить, что ты взялся за нелегкое дело. Я успешно обрастаю врагами, и тебе придется постоянно быть настороже на случай неожиданного нападения.

– Я понимаю, господин. Но, клянусь Доми, я вас не подведу!

– А что будет с нами, господин? – спросил Рийл.

– Вам я поручу очень важное дело. Посмотри вверх и скажи мне, что ты видишь.

Строитель непонимающе поднял взгляд к небу:

– Ничего не вижу, господин. Что там?

– В том-то и дело, Рийл, – засмеялся принц. – Крыша провалилась, и, судя по всему, довольно давно. В остальном это один из самых просторных и хорошо сохранившихся домов. Как ты думаешь, твоего опыта хватит, чтобы залатать крышу?

Рийл гордо вскинул голову:

– Без сомнения, господин. У вас есть материалы?

– В том-то и загвоздка. В Элантрисе древесина либо прогнила, либо рассыпалась в щепки.

– Плохо, – согласился Рийл. – Но если высушить щепки, а потом смешать их с глиной...

– Вы понимаете, что вам досталась трудная работа?

– Мы постараемся, господин, – заверила его девушка, которую звали Маа.

– Отлично. – Раоден одобрительно кивнул.

Он старался держаться уверенно, и новички прислушались к нему, ища хоть каплю надежности в новом мире. Оставалось надеяться, что со временем они станут ему доверять.

– А теперь, – продолжал принц, – Мареш, объясни нашим новым друзьям, что значит быть элантрийцами. Я не хочу, чтобы Рийл свалился с крыши прежде, чем осознает, что сложенная шея не положит конец боли.

– Да, господин.

Мареш глаз не мог оторвать от подношений, лежащих на участке пола почище. Голод уже давал о себе знать.

Раоден оставил себе немного еды и кивком указал на оставшееся:

– Разделите между собой. Откладывать на будущее не стоит; голод начинает ощущаться немедленно, и лучше мы съедим все сейчас, чем будем пускать слюни.

Трое новичков кивнули в знак согласия, и Мареш повел рассказ об ограничениях, которые накладывает жизнь в Элантрисе, попутно раздавая еду. Раоден отвернулся и предался своим мыслям.

– Сюл, моя мама в тебя бы влюбилась. Она все время жаловалась, что я недостаточно двигаюсь.

С этими словами в комнату ввалился Галладон.

– Рад тебя видеть, дружище, – заулыбался принц. – Я уже начал беспокоиться.

Дьюл фыркнул:

– Я не заметил, чтобы ты сильно переживал, когда выталкивал меня на площадь. С червяком на крючке и то обращаются человечнее. Коло?

– Но из тебя получилась великолепная наживка! К тому же план сработал. Новички у нас, а на тебе ни царапины.

– Псы Шаора были крайне разочарованы, могу тебя заверить.

– Как ты от них отделался?

Раоден протянул другу ломоть хлеба. Галладон внимательно осмотрел его, разломил пополам и предложил половину принцу, но тот поднял в отказе руку.

Дьюл передернул плечами, как бы говоря «ладно, голодай, если хочешь», и откусил кусок.

– Заманил их в дом с провалившейся лестницей и выскочил через заднюю дверь. Когда они туда вошли, я кинул на крышу парочку камней. После последнего приключения они решили, что я провернул тот же трюк; скорее всего, все еще ожидают на обломках.

- Гладко сошло, – одобрил принц.
- Кое-кто не оставил мне выбора.

Галладон продолжал трапезу в тишине, прислушиваясь, как новички обсуждают поставленные перед ними задачи.

- Ты собираешься говорить это всем? – шепотом спросил он Раодена.
- Что «это»?

– Сюл, ты им успешно внушил, что на их плечи легла жизненно важная миссия, как с Марешем. Ботинки – это здорово, но без них еще никто не умирал.

Раоден передернул плечами:

- Люди стараются, если знают, что их труд ценят.
- Они правы, – после недолгой паузы произнес дьул.
- Кто?
- Остальные банды. Ты собираешь собственную шайку.

Раоден покачал головой:

– Это только начало, крошечная часть плана. Никто в Элантрисе не занимается делом – все либо дерутся из-за еды, либо предаются жалости к себе. Городу необходима реальная цель.

– Здесь живут мертвецы, сюл. Какая у нас может быть цель, кроме страданий?

– В том-то и дело. Все убеждены, что их жизнь закончилась, а на самом деле у них всего лишь остановилось сердце.

– Остановка сердца – довольно верный признак, – сухо заметил Галладон.

– Не в нашем случае, дружище. Мы должны убедить себя, что жизнь продолжается. Не всю нашу боль принес шаод; снаружи я тоже видел потерявших надежду людей, и их души становятся такими же искалеченными, как бедняги на площади. Если мы сможем вернуть элантрийцам хоть каплю надежды, их жизнь улучшится как по волшебству. – Он подчеркнул слово «жизнь», глядя Галладону в глаза.

– Другие банды не станут сидеть сложа руки и смотреть, как ты утаскиваешь их подношения, сюл. Им твоя игра очень скоро надоест.

– Мы подготовимся к их недовольству. – Раоден обвел рукой просторное помещение, в котором они находились. – У нас появилась подходящая база для операций, тебе так не кажется? Эта комната занимает большую часть здания, но в задней части есть много других, поменьше.

Галладон прищурился на облака:

– Ты бы мог выбрать помещение с крышей.

– Я знаю, – кивнул принц. – Но мне подходит именно это. Интересно, что здесь было раньше?

– Кораитская церковь.

– Откуда ты знаешь?

– Я испытываю особое чувство, сюл.

– Но откуда в Элантрисе взялась кораитская церковь? Элантрийцы сами считались богами.

– Снисходительными богами. Я слышал, что в Элантрисе есть часовня Корати, самая красивая в мире. Ее построили в знак дружбы с Теодом.

– Очень странно. – Раоден покачал головой. – Получается, чужие боги построили храм Доми.

– Как я и говорил, элантрийцы не заставляли людей поклоняться себе; они и так не сомневались в собственной божественности. Пока не грянул реод. Коло?

– Ты много знаешь, Галладон.

– Это не преступление, – фыркнул дьул. – Ты прожил в Каи всю жизнь, сюл. Чем выпытывать, откуда мне все известно, лучше бы ты задумался, почему сам не знаешь многих вещей.

– Согласен. – Раоден оглянулся на новичков. Мареш все еще увлеченно объяснял, какие опасности грозят им в Элантрисе. – Его еще надолго хватит. Пошли, я хочу кое-что сделать.

– Мне придется бегать? – страдальческим голосом спросил дыюл.

– Только если нас заметят.

Раоден не сразу узнал Аандена. Шаод сильно изменил его, но принц гордился отличной памятью на лица. Так называемый элантрийский барон оказался коротышкой с внушительным брюшком и несомненно фальшивыми висячими усами. Аанден не походил на человека знатных кровей, но, с другой стороны, немногие из знакомых Раодену дворян выглядели образцами аристократии.

Тем не менее бароном Аанден не являлся. Человека, сидящего на золотом троне и правящего двором среди болезненного вида элантрийцев, звали Таан. Он был одним из искуснейших скульпторов Каи, но титула так и не получил. Впрочем, король до возведения на трон тоже был простым торговцем; не иначе, оказавшись в Элантрисе, Таан воспользовался случаем.

Прожитые в городе годы его не пощадили. Самозванный барон что-то бессвязно лепетал, обращаясь к своей свите отверженных.

– Он сумасшедший?

Раоден скорчился под окном, через которое они наблюдали за шайкой.

– У каждого свой способ примириться со смертью, скул. По слухам, Аанден спятил по доброй воле. Говорят, что, когда его запихнули в Элантрис, он посмотрел по сторонам и сказал: «В здравом уме мне такого не пережить». После чего назвался бароном Аанденом Элантрийским и стал раздавать приказы.

– И люди приходят к нему?

– Кое-кто, – прошептал Галладон, пожав плечами. – Пусть он чокнутый, но остальной мир не лучше, по крайней мере по нашим меркам. Коло? Аанден излучает уверенность. Кроме того, он действительно мог быть бароном.

– Он был скульптором.

– Ты его знал?

Раоден кивнул:

– Встречались один раз. – Он вопросительно взглянул на Галладона. – Где ты слышал о нем?

– Может, мы сначала вернемся? Я не хочу оказаться участником одного из Аанденовых судов-розыгрышей и казни.

– Розыгрышей?

– Все в шутку, кроме топора.

– А. Отличная мысль, я увидел все, что хотел.

Друзья отправились в обратный путь. Стоило им оставить позади университет, дыюл ответил на последний вопрос Раодена:

– Я часто разговариваю с людьми, скул, поэтому много знаю. Безусловно, большинство обитателей города – хоеды, но попадают и те, кто в своем уме. С другой стороны, на тебя я нарвался тоже из-за болтливости. Может, не раскрой я рта, сидел бы себе на тех ступеньках и наслаждался покоем, а не подглядывал в окна одного из самых опасных элантрийцев.

– Возможно. Но ты бы пропустил самое веселье. Тебя бы заела скука.

– Очень тебе признателен, что ты меня от нее избавил.

– На здоровье.

Пока они шли, Раоден обдумывал план действий на случай, если Аанден решит его разыскать. Принц быстро научился передвигаться по неровным, склизким мостовым города; ушибленный палец послужил прекрасным стимулом. Зато теперь покрытые грязью невзрачные

стены начинали казаться обыденным явлением, и это беспокоило Раодена гораздо больше, чем слить.

– Сюл, – спросил Галладон, – зачем ты хотел посмотреть на Аандена? Ты не мог заранее угадать, что знаком с ним.

Раоден покачал головой:

– Если бы он был бароном, я бы сразу его узнал.

– Ты уверен?

Занятый своими мыслями, принц задумчиво кивнул.

Они прошагали несколько улиц, когда дьюл заговорил снова:

– Знаешь, сюл, я не слишком знаком с эйонами, которых вы, арелонцы, так уважаете. Но если не ошибаюсь, дух обозначается эйоном Рао.

– Да, – замешкавшись, подтвердил принц.

– А у арелонского короля был сын по имени Раоден.

– Был.

– И ты обмолвился, что знаешь всех арелонских баронов. У тебя обширное образование, и отдавать приказы – твоя вторая натура.

– Можно и так сказать.

– И тут в довершение прочего ты решил назваться Духом. Очень подозрительно. Коло?

– Мне следовало выбрать другое имя, – вздохнул Раоден.

– Во имя Долокена! Так ты признаешь, что ты наследный принц Арелона?!

– Я был наследным принцем Арелона, – поправил Раоден. – Со смертью я потерял титул.

– Неудивительно, что с тобой так сложно. Я всю жизнь старался избегать особ королевских кровей, и только глянь, что на меня свалилось. Пылающий Долокен!

– Ой, утихомирься. У меня королевская кровь в первом поколении.

– Этого достаточно, – обиженно отозвался Галладон.

– Если тебе станет легче, отец считал меня непригодным к правлению. Он прилагал массу усилий, чтобы не допустить меня к трону.

Дьюл фыркнул:

– Меня бы больше испугало, если бы Йадон считал тебя пригодным к правлению. Без обид, но твой отец – идиот.

– Я не обиделся. И надеюсь, что ты сохранишь мое настоящее имя в тайне.

– Если хочешь, – вздохнул Галладон.

– Хочу. Я собираюсь улучшить жизнь в Элантрисе, и мне нужны последователи, которым нравятся мои действия, а не те, кто пойдет за мной по привычке.

– Ты мог рассказать мне.

– Ты сам сказал, что нам не следует говорить о прошлом.

– Было такое.

Раоден задумался и продолжил:

– Ты понимаешь, что это значит.

Галладон подозрительно уставился на него:

– Что?

– Теперь ты знаешь, кто я; по справедливости, тебе придется рассказать о себе.

Дьюл долго не отвечал – вдали уже показалась церковь. Раоден замедлил шаги, желая выслушать друга, пока они не добрались до места. Ему не стоило волноваться: признание Галладона оказалось кратким и по существу.

– Я был фермером.

– Фермером? – Принц ожидал большего.

– Разводил орхидеи. Я продал поля и купил яблоневый сад, потому что решил, что за ним проще ухаживать. Деревья не требуется пересаживать каждый год.

– И как? Оказалось легче?

Галладон пожал плечами:

– Вроде бы, хотя многие владельцы пшеничных полей могли бы спорить до потери дыхания. Коло? – Дьюл оглядел принца пронизательным взглядом. – Ты мне не веришь.

Раоден улыбнулся и развел руками:

– Извини, но ты не похож на фермера. Сложение подходящее, но ты слишком...

– Умен? – подсказал Галладон. – Сюл, я видел фермеров с таким острым умом, что с его помощью можно было косить траву.

– Не сомневаюсь. Но даже при наличии ума, как правило, фермерам не хватает образования. А ты, несомненно, много учился.

– Книги – чудесная вещь. У мудрого фермера хватит времени на учебу, особенно если он живет в Дюладеле, где все свободны.

Раоден приподнял брови:

– То есть ты собираешься придерживаться фермерской версии?

– Это правда, сюл. До Элантриса я был фермером.

Принц пожал плечами. Кто знает. Галладон предсказал дождь и обладал множеством полезных сведений. Но все равно Раодену казалось, что какую-то часть правды тот утаил.

– Хорошо, – отозвался принц. – Я тебе верю.

Дьюл ответил отрывистым кивком, по выражению его лица было заметно, что он рад окончанию разговора. Что бы он ни скрывал, сегодня тайна на свет не выйдет. Так что Раоден воспользовался случаем задать вопрос, который беспокоил его с первого дня пребывания в Элантрисе.

– Галладон, – спросил он, – где дети?

– Дети?

– Да. Шаод забирает всех без разбору, и детей и взрослых.

Галладон кивнул:

– Так и есть. Я видел, как приводили детей, только начинающих ходить.

– Тогда где они? Я встречал только взрослых.

– Элантрис – жестокое место, сюл, – тихо проговорил дьюл. Они уже входили в двери часовни. – Дети здесь долго не живут.

– Да, но... – Раоден прервался на полуслове, краем глаза заметив какое-то свечение. Он удивленно обернулся.

– Сеон. – Галладон тоже заметил мерцающий шар.

Принц наблюдал, как сеон медленно опустился через проломленный потолок и лениво описывал круги.

– Так грустно смотреть, как они парят над городом. Я... – Раоден замолк, пытаясь разглядеть эйон, расположенный в центре сеона.

– Сюл? – забеспокоился Галладон.

– Идос Доми, – прошептал принц. – Это Йен.

– Ты знаешь этого сеона?

Раоден кивнул и протянул руку ладонью вверх. Молчаливый сеон подлетел поближе и на какое-то мгновение завис над ладонью, но его тут же отнесло в сторону, и он снова запорхал по комнате.

– Йен был моим сеоном. До Элантриса.

Теперь он четко видел символ в середине шара света: тот выглядел поблекшим, потускневшим местами.

«Как пятнистая кожа элантрийцев», – внезапно понял Раоден. Сеон направился к стене, но не остановился, пока не наткнулся на нее. Потом немного повисел рядом, развернулся и полетел в другом направлении. В движениях Йена не наблюдалось прежней грации, казалось,

он с трудом удерживается на лету. Его порой встряхивало, а от постоянного неторопливого вращения у принца закружилась голова.

От взгляда на старого друга у Раодена защемило в груди. До сих пор он избегал мыслей о Йене; он и раньше знал, что происходит с сеонами после шаода. Принц предполагал (а порой даже надеялся), что Йен не пережил превращения, – по слухам, такое иногда случалось.

Раоден покачал головой:

– Йен всегда был мудрецом. Я никогда не встречал ни человека, ни сеона разумнее его.

– Мне очень жаль, сюл.

Принц снова поднял руку, и сеон приблизился к хозяину, как когда-то впервые подлетел к мальчишке Раодену; тот тогда еще не знал, что сеоны больше ценились как друзья, а не слуги.

«Интересно, он узнал меня? – Раоден наблюдал, как Йена занесло по пути. – Или он помнит только жест?»

Проверить ему так и не довелось. Повисев над ладонью, сеон потерял интерес и отлетел в сторону.

– Ох, дружище, – прошептал принц. – А я думал, что шаод жестоко обошелся только со мной.

Глава 11

На приглашение Киина откликнулись всего пятеро. Люкел нахмурился, увидев, как мало собралось дворян:

– На собрания Раодена приходило не менее тридцати. Я не надеялся, что придут все, но пятеро? Мы потратим время впустую.

– Пятерых достаточно, сын, – задумчиво отозвался Киин, выглядывая из кухонной двери. – Их мало, но пришли лучшие из нашего круга – самые могущественные и мудрые мужи Арелона. Принц умел привлекать на свою сторону умных людей.

– Киин, старый медведь! – позвал из столовой один из пришедших, статный мужчина с сединой в волосах, одетый в строгую военную форму. – Ты собираешься нас кормить? Доми свидетель, я явился только ради твоего жареного поросенка.

– Поросенок уже на вертеле, Иондел, – откликнулся теоданец. – И я готовлю для тебя двойную порцию. Уговори свой желудок потерпеть еще чуток.

Военный расхохотался и похлопал себя по животу, который оставался плоским и подтянутым, как у юноши.

– Кто это? – спросила Сарин.

– Граф Ионской плантации. Люкел, сходи проверь мясо, пока мы с твоей кухней посплетничаем о гостях.

– Конечно. – Люкел взял у отца кочергу и удалился в глубину залитой светом очага кухни.

– Иондел – единственный после принца, кто открыто противостоит королю и не боится наказания, – продолжал Киин. – Он помещан на военном искусстве и завел собственную армию; у него пара сотен солдат, и они прекрасно вышколены.

Сквозь приоткрытую дверь кухни Киин указал на человека с темно-коричневой кожей и тонкими чертами лица:

– Это барон Шуден, рядом с Ионделом.

– Джиндосец?

Дядя кивнул:

– Его семья переехала в Арелон лет сто назад, и они нажили капитал, прокладывая торговый путь между Джиндо и Арелоном. Придя к власти, Йадон предложил им баронство в обмен на услуги их караванов. Отец Шудена умер около пяти лет назад, а сын очень привержен древним традициям. Он считает, что методы нынешнего короля противоречат заветам Шу-Кесег, поэтому и согласился на нашу встречу.

Рассматривая Шудена, Сарин задумчиво потерла щеку:

– Судя по цвету кожи, он истинный джиндосец. Если это так, мы можем заполучить ценного союзника.

– Так считал и твой супруг, – согласился Киин.

Принцесса поджала губы:

– Почему ты называешь Раодена моим супругом? Я знаю, что я замужем. Не надо постоянно об этом напоминать.

– Ты знаешь, но не веришь.

Либо Киин не заметил ее вопросительного взгляда, либо решил не обращать внимания, но он продолжил представлять гостей, как будто ничего не случилось:

– Рядом с Шуденом стоит герцог Ройэл с плантации Ял. – Дядя кивком указал на самого старшего из присутствующих. – В его владении находится город Ялд – второй по богатству после Каи. Из всех собравшихся он наиболее влиятелен и умен. Ему не нравится мысль о действиях против короля, но они с Раоденом были большими друзьями. Их дружба зародилась еще до реода.

– Тогда зачем он пришел сегодня?

– Ройэл – хороший человек. Он понимает, что правление Йадона губит страну. Но в целом, мне кажется, он приходит от скуки.

– Он втянулся в заговор потому, что ему скучно? – удивленно спросила Сарин.

Киин пожал плечами:

– Когда проживешь на свете много лет, прежние занятия начинают приедаться. Герцог всю жизнь вращался в политических кругах; ему не уснуть спокойно, если он не замешан в десятке-другом рискованных интриг. До реода Ройэл управлял Ялдом и остался единственным из назначенных элантрийцами градоправителей, кому удалось сохранить пост после восстания. Еще он невероятно богат – Йадон опережает его только потому, что добавил к личным заработкам собираемые с королевства налоги.

Сарин рассматривала герцога и смеющихся над его шутками гостей. Ройэл казался юношески шумным и озорным и совсем не походил на пожилых государственных мужей, выдержанных и переполненных ощущением собственного достоинства. Несмотря на небольшой рост и хрупкое телосложение, казалось, что он возвышается над собеседниками, смеясь и встряхивая редкими седыми локонами. Только один из приглашенных не поддавался обаянию герцога.

– Кто сидит рядом с Ройэлом?

– Тот плотный мужчина?

– Плотный? – переспросила Сарин.

Мужчина был настолько толст, что его бока свисали со стула.

– Мы, толстяки, вежливо относимся друг к другу, – с улыбкой ответил Киин.

– Но, дядя, – сладко промурлыкала принцесса, – ты совсем не толстый. У тебя просто крепкое сложение.

Киин испустил скрипучий смешок. Сарин с детства привыкла к его силовому голосу, но до сих пор не знала, отчего он таков.

– Ладно. Господина крепкого телосложения зовут граф Эхан. Глядя на них, не догадаешься, но они с герцогом давние друзья. Или давние враги, я все время путаю.

– Разница существенная, дядя.

– Не особенно. Они настолько привыкли ссориться и препираться, что не смогут жить друг без друга. Надо было видеть их лица, когда они осознали, что их мнения по поводу короля сходятся; Раоден смеялся несколько дней после первой общей встречи. Он разговаривал с каждым по отдельности, они пообещали поддержку и пришли на собрание в полной уверенности, что утрут другому нос.

– Так почему они не выйдут из общества?

– Оба согласны с нашими взглядами. Не говоря о том, что им вроде нравится компания друг друга; или же они шпионят друг за другом, их никак не поймешь. – Киин пожал плечами. – В любом случае они помогают делу, а мы не жалуемся.

– Как насчет последнего гостя? – Сарин перевела взгляд на стройного мужчину с зарождающейся лысиной и юркими глазами.

Остальные не показывали вида, что нервничают: они смеялись, перебрасывались шутками и в целом вели светскую беседу, никому бы в голову не пришло заподозрить их в заговоре. Но этот человек обеспокоенно ерзал и озирался – как будто выискивал ближайший путь к отступлению.

– Эдан. – Киин поджал губы. – Барон южной плантации Тиин. Мне он никогда не нравился, но он один из наших самых ярых сторонников.

– Почему он так нервничает?

– Придуманная Йадоном система основана на алчности: чем крупнее состояние, тем выше титул получает дворянин. Так что мелкая знать грызется между собой, как свора псов, каждый пытается найти способ добыть побольше денег. Также король поощряет рискованные вложения. Эдан никогда не обладал крупными сбережениями, его имение граничит с Разломом, а земли там не отличаются плодородием. В попытке повысить свой статус он сделал несколько неосторожных вкладов и крупно проиграл. Теперь у него остался титул, но нет состояния.

– Он может потерять баронство?

– Не может, а точно потеряет, как только налоговый год подойдет к концу и король увидит, как Эдан обнищал. Либо он откроет у себя на заднем дворе золотую жилу, либо свергнет правительство.

Киин поскреб подбородок, как будто надеясь обнаружить там растительность, которую можно пощипать.

Принцесса улыбнулась – десять лет прошло с тех пор, как дядя сбрил бороду, но от старых привычек трудно избавиться.

– Эдан в отчаянии, – продолжал он. – И, попав в отчаянное положение, люди часто совершают несвойственные им поступки. Я ему не доверяю, но из всех собравшихся у него самый горячий интерес в успехе дела.

– И в чем же оно состоит? Чего они надеются добиться?

Киин пожал плечами:

– Они готовы на многое, чтобы изжить нынешнюю систему. Особенно им не нравится требование доказывать свою платежеспособность. Они – дворяне и беспокоятся за положение в обществе.

Голос из столовой положил конец их беседе.

– Киин, – вежливо заметил герцог Ройэл, – мы бы успели вырастить и прирезать борова за то время, что требуется тебе на готовку.

– Вкусная еда требует времени, – обиженно засопел хозяин, высунув из дверей голову. – Если ты считаешь, что пригостишь лучше, то милости прошу.

Герцог поспешил заверить, что в этом нет необходимости. К счастью, долго ждать не пришлось. Киин вскоре объявил свинину готовой и приказал Люкелу нарезать ее. За первым блюдом последовали другие, и даже Кэйс одобрила бы пир, если бы отец не отослал ее с братом погостить у родственников.

– Ты все еще желаешь присоединиться к нам? – спросил Киин принцессу, входя на кухню за последним блюдом.

– Да, – твердо ответила она.

– Здесь не Теод, Сарин. У арелонских мужчин более строгие взгляды на место женщины в жизни, они считают, что вам не пристало путаться в политику.

– И это говорит мне мужчина, который провел вечер у плиты?

Киин улыбнулся:

– Верно подмечено.

– Я не дам себя в обиду, дядя. К тому же Ройэл не единственный, кому в жизни не хватает соли.

– Ладно, тогда пошли. – Киин подхватил дымящееся блюдо с бобами и проводил принцессу в столовую. Поставив тарелку на стол, он представил девушку: – Знакомьтесь, моя племянница Сарин. Наша принцесса.

Сарин присела в поклоне перед герцогом, кивнула остальным и заняла свое место за столом.

– Я все гадал, для кого оставлено место, – проворчал Ройэл. – Племянница? У тебя есть родственники в королевской семье Теода, Киин?

– Да будет тебе! – весело засмеялся Эхан. – Только не говори мне, будто не знаешь, что Киин – брат Эвентио! Мои люди донесли мне об этом годы назад!

– Я старался казаться вежливым, Эхан. Неприлично портить человеку сюрприз, даже если ты нанял толковых соглядатаев.

– Привести на нашу встречу постороннего – также признак дурного тона. – Толстяк еще смеялся, но его взгляд стал серьезным.

Все лица повернулись к Киину, но принцесса опередила его:

– Я думала, что после недавнего сокращения рядов вы будете рады любой поддержке, милорд. Независимо от степени знакомства с человеком и его пола.

Сидящие за столом замолчали, рассматривая ее сквозь поднимающийся от кулинарных шедевров Киина пар, и Сарин вытянулась под недружелюбными взорами. Эти люди знали, как быстро любая ошибка повлечет за собой уничтожение их семей; в стране, где кровавое народное восстание еще не стерлось из людской памяти, к участию в заговоре подходили крайне осторожно.

В конце концов Ройэл рассмеялся, содрогаясь худым телом.

– Я так и знал! – воскликнул он. – Дорогая, во всем мире не сыскать такой дурочки, какую вы изображаете при дворе. Даже королева и та более разумна.

Сарин прикрыла тревогу улыбкой:

– Мне кажется, вы ошибаетесь насчет королевы Эшен. Ее всего лишь переполняет веселье.

Эхан фыркнул:

– Можно сказать и так.

Видя, что остальные гости позабыли о еде, толстяк пожал плечами и стал наполнять тарелку. Но Ройэл не последовал его примеру, – очевидно, наступившее оживление не развеяло тревог пожилого придворного. Он сложил перед собой руки и продолжал оценивающе рассматривать принцессу.

– Вы, должно быть, прекрасная актриса, дорогая, – произнес герцог, как раз когда Эхан потянулся за стоявшими перед ним рулетиками. – И все же не вижу причины, по которой вам следует присутствовать на этом ужине. Вашей вины в том нет, но вы еще юны и неопытны. Сегодняшние разговоры могут оказаться опасными как для нас, так и для постороннего слушателя. Лишние уши – даже на такой прекрасной головке – только усилят угрозу.

Сарин прищурилась, раздумывая, пытаются ее спровоцировать или нет. Ройэл оказался твердым орешком.

– Вы убедитесь, что я отнюдь не неопытна, милорд. В Теоде мы не запираем женщин за вышивкой и вязанием, к тому же я провела годы, сопровождая дипломатические миссии.

– Возможно, – согласился герцог. – Но вы вряд ли хорошо знакомы с деликатной политической ситуацией в Арелоне.

Сарин приподняла бровь:

– Я часто замечала, что свежий взгляд оказывается незаменим в любом обсуждении.

– Не валяй дурака, девчонка, – буркнул сидящий как на иголках Эдан. – Я не собираюсь рисковать шкурой потому, что ты желаешь потешить свою независимую натуру.

Дюжина колких ответов промелькнула в голове у Сарин. Но пока она выбирала, какой поострее, в спор вмешался новый голос.

– Я умоляю вас, господа, – произнес молодой джиндосец Шуден. Он говорил тихо, но отчетливо. – Ответьте на один вопрос. Разве подобает называть девчонкой ту, что при ином раскладе стала бы вашей королевой?

Вилки замерли на полдороге ко ртам, и принцесса снова оказалась в центре внимания. Но на сей раз взгляды казались более доброжелательными. Киин закивал, а Люкел ободряюще ей улыбнулся.

– Я хочу предостеречь вас, милорды, – продолжал Шуден. – Вы можете принять или отвергнуть ее, но не смейте выказывать ей неуважение. Ее арелонский титул не менее надежен, чем наши; стоит сделать исключение для одного, и это может перекинуться на всех.

Сарин от досады залилась краской. Она проглядела самый ценный довод: брак с Раоде-ном. Она так долго оставалась теоданской принцессой, что не привыкла думать о себе по-другому. К несчастью, подобное положение осталось в прошлом. Она больше не была просто Сарин, дочерью Теода, – она стала женой наследного принца Арелона.

– Я преклоняюсь перед вашей осторожностью, милорды, – сказала принцесса. – У вас достаточно причин для тревоги: вы потеряли человека, на покровительство которого рассчитывали в случае нужды. Но помните, что я – его жена. Я не смогу заменить принца, но у меня прочные связи с троном. И не только с арелонским.

– Это все очень хорошо, Сарин, – ответил Ройэл. – Но связи и обещания не выстоят перед лицом королевского гнева.

– Лучше мало, чем ничего. – Сарин сглотнула и продолжала более спокойным тоном: – Господин мой герцог, мне не суждено было узнать человека, которого называют моим супругом. Вы все уважали и, если верить дяде, любили Раодена, но мне, кому следовало любить его больше всех, так и не довелось с ним встретиться. Ваше дело было страстью его жизни, и я хочу стать его частью. Если мне не довелось узнать Раодена, по крайней мере, позвольте разделить его мечты.

Ройэл не отрывал от нее взгляда, и принцесса понимала, что он оценивает ее искренность. Герцога трудно было обмануть фальшивыми чувствами. Наконец он кивнул и потянулся отрезать себе кусок свинины.

– Я не против ее присутствия.

– Я тоже, – поддержал его Шуден.

Сарин оглядела остальных. Во время ее пламенной речи Люкел заулыбался, а благородный наемник лорд Иондел со слезами на глазах произнес:

– Я преподношу принцессе свое одобрение.

– Ну если Ройэл хочет, чтобы она осталась, то из принципа мне придется возразить, – со смехом заметил Эхан. – К счастью, я оказался в меньшинстве. – С широкой улыбкой он подмигнул Сарин: – Мне ужасно надоело глядеть на старые морщинистые лица.

– Выходит, она остается? – удивленно спросил Эдан.

– Она остается, – ответил ему Киин.

Он так и не притронулся к ужину. И не только он один: ни Шуден, ни Иондел еще не наполняли тарелок. Как только спор закончился, Шуден преклонил голову в краткой молитве и приступил к еде. Но Иондел сперва дождался, пока хозяин отведаст первый кусок, что сильно заинтриговало Сарин. Несмотря на высокий титул Ройэла, они ужинали в доме Киина, и, основываясь на старых традициях, ему отводилось право первым попробовать еду. Хотя, кроме

Иондела, никто ждать не стал, скорее всего, остальные настолько привыкли к положению самой важной персоны за столом, что перестали задумываться, когда можно начинать есть.

После небольшой стычки с принцессой дворяне поспешили обратиться к менее спорным вопросам.

– Киин, – провозгласил герцог, – это мой лучший ужин за последние десятилетия!

– Ты мне льстишь, Ройэл, – ответил Киин.

Сарин заметила, что дядя избегает титуловать гостей, а они против этого не возражают.

– Я полностью согласен с лордом Ройэлом, – высказался Иондел. – Ни единому арелонскому повару не превзойти тебя.

– Арелон – большая страна, – отозвался Киин. – Лучше не захваливай меня, а то вдруг отыщется кто-нибудь получше, и я огорчусь.

– Чепуха, – возразил Иондел.

– Не могу поверить, что ты сам готовишь. – Эхан покачал большой круглой головой. – Готов поспорить, у тебя на кухне прячется целая армия поваров.

Ройэл фыркнул:

– Только потому, что для твоего прокорма требуется целая армия, мы не перестанем считать, что нам хватит одного умелого повара. – Он повернулся к Киину. – И все же не могу понять, почему ты упорствуешь в самостоятельном ведении хозяйства. Неужели трудно нанять помощника?

– Мне нравится готовить. Зачем нанимать кого-то еще и лишать себя удовольствия?

– К тому же, милорд, – добавил Люкел, – короля мучают головные боли каждый раз, когда он слышит, что такой состоятельный человек, как отец, занимается домашними делами.

– Умно, – одобрил Эхан. – Раскол среди власть имущих.

Киин невинно вскинул руки:

– Все, что я могу доказать, господа, – это то, что человек вполне способен позаботиться о себе и своей семье без посторонней помощи, независимо от предполагаемого состояния.

– Предполагаемого? – засмеялся Иондел. – Даже тех крох, которые мы видели, достаточно для баронства. Кто знает, если бы ты не утаивал богатства своих закровов, возможно, нам не пришлось бы волноваться насчет Йадона – трон перешел бы к тебе.

– Ты замечтался, Иондел. Я обыкновенный человек, который любит готовить.

Ройэл улыбнулся:

– Обыкновенный человек, но при этом родной брат теоданского короля, дядя принцессы, принадлежащей теперь к двум монаршим семьям, и муж знатной арелонской дворянки.

– Не моя вина, что мои родственники – выдающиеся люди, – ответил Киин. – Милостивый Доми посылает испытания всем без разбору.

– Кстати, об испытаниях. – Иондел повернулся к Сарин. – Ваше высочество уже решили, как исполнить Кручину?

Сарин недоуменно нахмурилась:

– Какую кручину?

– Вашу, э-э-э... – Вояка-граф смущенно замялся.

– Он имеет в виду Кручину вдовы, – подсказал Ройэл.

Киин встряхнул головой:

– Только не говори, что ей придется через это пройти. Она никогда не встречала Раодена, смешно ожидать, что она будет соблюдать траур, а уже тем более Кручину.

Сарин охватило раздражение. Хотя она обычно любила сюрпризы, направление беседы ей не понравилось.

– Может, кто-нибудь объяснит мне, что это за Кручина? – не терпящим отлагательств тоном потребовала она.

– Когда арелонская дворянка остается вдовой, она обычно проходит через Кручину, господа, – вежливо откликнулся Шуден.

– И что я должна делать? – нахмурилась принцесса. Не в ее привычках оставлять дела незаконченными.

– Да никто не ожидает от вас особого рвения, – небрежно махнул рукой Эхан. – Просто Йадон решил сохранить одну из старых традиций. Мне лично этот обычай никогда не нравился. На мой взгляд, не стоит давать публике лишний повод ожидать нашей смерти.

– Я считаю Кручину прекрасной традицией, лорд Эхан, – вмешался Иондел.

Эхан хмыкнул:

– Не сомневаюсь. Ты настолько привержен старому образу жизни, что даже твои носки чтут больше обычаев, чем все мы, вместе взятые.

– Не могу поверить, что мне никто не сказал, – рассердилась Сарин.

– Ну, – протянул толстяк-граф, – кто-нибудь бы да вспомнил, если бы вы не сидели все время во дворце или у Киина.

– Что еще я пропустила?

– В Каи чудесный двор, принцесса, – ответил Иондел. – С вашего приезда прошло уже два бала, а прямо сейчас идет третий.

– И почему меня никто не пригласил?

– Потому что вы в трауре. К тому же приглашения рассылаются мужчинам, а уж те приводят жен и сестер.

Сарин нахмурилась:

– У вас отсталые обычаи.

– Вовсе нет, ваше высочество, – ответил Эхан. – Всего лишь унаследованные от предков. Если хотите, мы устроим вам приглашение.

– Это не будет выглядеть неприличным? Я еще недели не провела в трауре, а уже явлюсь на бал в сопровождении молодого холостяка?

– Она права, – заметил Киин.

– Лучше вы все меня пригласите, – предложила принцесса.

– Мы? – поразился Ройэл.

– Да, вы. Ваши светлости в достаточных летах, чтобы не давать повода для сплетен, – вы всего лишь приобщите юную приятельницу к радостям придворной жизни.

– Многие из нас состоят в браке, ваше высочество! – воскликнул Шуден.

Сарин улыбнулась:

– Какое совпадение. Я тоже.

– Не беспокойся о нашей репутации, Шуден, – произнес герцог. – Я пушу слухи о невинных намерениях принцессы, и, если она не станет появляться с одним из нас слишком часто, ни у кого не найдется повода ее упрекнуть.

– Тогда договорились, – улыбнулась Сарин, довольная поворотом разговора. – Буду ждать известий от вас, господа. Для меня очень важно участвовать в придворных развлечениях: если мне суждено прижиться в Арелоне, необходимо познакомиться со сливками здешнего общества.

Гости согласились с ней, и разговор перешел на другие темы. Особенно всех интересовало грядущее лунное затмение. В течение беседы принцесса вдруг поняла, что так и не получила толковых разъяснений про загадочную Кручину, и решила выжать их из Киина позднее.

Только один придворный не наслаждался ни ужином, ни беседой. Еда на тарелке лорда Эдана так и осталась нетронутой. Он недовольно тыкал в нее вилкой, превращая шедевры Киина в неаппетитное месиво.

– Я полагал, мы договорились больше не встречаться, – наконец не выдержал он.

Его замечание ворвалось в плавное течение беседы, как забредший в сердце волчьей стаи лось. Гости замолчали и повернулись к нему.

– Мы решили не собираться некоторое время, – ответил Иондел. – Мы никогда не предлагали прекратить собрания навсегда.

– Тебе следует радоваться, – добавил Эхан, помахивая насаженным на вилку куском свинины. – Ты больше всех заинтересован в продолжении наших встреч. Сколько осталось до конца налогового года?

– Кажется, год заканчивается через три месяца, – с готовностью подсказал Иондел.

– Премного благодарен, граф, вам цены нет, – улыбнулся Эхан. – Всегда готовы подсказать, как принято поступать и так далее... В любом случае осталось три месяца. Что с твоей казной, Эдан? Ты же знаешь, как придирчивы королевские счетоводы.

Эдан поежился под жестокими насмешками толстяка. Он прекрасно осознавал накладываемые временем ограничения и в то же время пытался забыть о неприятностях в надежде, что они пройдут сами собой. Лицо незадачливого барона полностью отражало внутреннюю борьбу, и Эхан открыто наслаждался зрелищем.

– Господа, – вмешался Киин, – не будем ссориться. Помните, что все мы желаем перемен, особенно стабильности для страны и свободы для ее жителей.

– Тем не менее барон затронул больной вопрос, – произнес герцог Ройэл, откидываясь на стуле. – Несмотря на обещание поддержки от юной принцессы, без Раодена мы как без рук. Народ любил принца; даже если бы слухи о наших встречах дошли до Йадона, король не посмел бы выступить против сына.

Эхан кивнул:

– У нас пропала возможность противостоять королевским приказам. Мы уже начали набирать силу, и довольно скоро к нам примкнуло бы достаточно дворян, чтобы объявить о существовании нашего общества публично. Теперь мы лишились всего.

– У вас осталась мечта, милорд, – тихо произнесла Сарин. – Она дорогого стоит.

– Мечта? – рассмеялся граф. – Мечта принадлежала Раодену. Мы тянулись за ним из любопытства – посмотреть, куда он нас приведет.

– Не могу поверить своим ушам, лорд Эхан, – нахмутив брови, медленно произнесла принцесса.

– Возможно, ее высочество расскажет нам, что такое мечта? – примирительно поинтересовался Шуден.

– Вы умные люди, господа, – ответила Сарин. – У вас достаточно ума и опыта, чтобы понимать, что страна недолго сможет выносить наложенные на нее Йадоном тяготы. Арелон – не семейное дело, которое надо держать в кулаке; управлять им гораздо сложнее, чем подсчитывать прибыли и затраты. Мечта, господа, – это государство, где народ сотрудничает с королем, а не противостоит ему.

– Прекрасное наблюдение, принцесса, – отозвался Ройэл. Но его тон звучал пренебрежительно.

Он тут же отвернулся к остальным, и они продолжили разговор, вежливо игнорируя Сарин. Они позволили ей присутствовать на собрании, но явно не собирались прислушиваться к ее мнению. Принцесса раздраженно отодвинулась от стола.

– ...Поставить перед собой цель – совсем не то же самое, что иметь средства к ее достижению, – говорил Ройэл. – Мне кажется, что следует подождать, дать нашему старому другу загнать себя в угол, а уж потом спешить на помощь.

– Но покуда король уничтожит Арелон, ваша светлость, – заспорил Люкел. – Чем больше времени он правит, тем труднее будет возродить страну.

– Я не вижу другого выхода, – развел руками герцог. – Мы не сможем и дальше безнаказанно выступать против короля.

Услышав его слова, Эдан подпрыгнул; на лбу у него выступили капли пота. Он начинал понимать, что, несмотря на опасность, продолжение встреч являлось лучшим выходом, чем ожидание, пока Йадон лишит его титула.

– Ройэл прав, – нехотя согласился Эхан. – Теперь план принца не сработает. Мы не сможем ставить королю палки в колеса, дожидаясь, пока дворянство – и их богатство – перейдет на нашу сторону.

– Существует другой способ, господа, – с заминкой вставил Иондел.

– Какой, граф? – поинтересовался герцог.

– Мне нужно около двух недель, чтобы отозвать легион с постов на торговых трактах. Денежное могущество – не единственный способ убеждения.

– Твоим наемникам не выстоять против армии, – фыркнул Эхан. – Войск у Йадона меньше, чем у соседних государств, но они гораздо многочисленнее твоих полков, особенно если король призовет элантрийскую гвардию.

– Вы правы, лорд Эхан. Но если мы ударим внезапно, пока Йадон не подозревает о наших намерениях, мы вполне успеем захватить дворец и короля.

– Твоим людям придется с боем прорываться в покои Йадона, – возразил Шуден. – Новое правительство родится на крови старого, так же как власть Йадона зародилась на смертях элантрийцев. Ты замкнешь один круг, лорд Иондел, и начнешь новый. Как только революция добьется своего, начнется новая волна недовольства. Кровь, смерть и махинации только усугубят хаос. Должен найтись способ убедить короля отречься, не впадая в анархию.

– Способ есть, – сказала Сарин.

К ней повернулись недовольные лица: они всё еще считали, что принцессе следует сидеть молча и слушать. Им следовало подумать хорошенько.

– Я согласен, – произнес Ройэл, отворачиваясь от девушки. – И этот способ – ждать.

– Нет, милорд, – возразила она. – Прошу прощения, но ожидание – не выход. Я видела арелонцев, и хотя в их глазах еще светится надежда, она слабеет. Дайте Йадону время, и он добьется своего, превратив крестьян в послушный скот.

Уголки рта герцога опустились. Скорее всего, после смерти принца он собирался взять первенство в свои руки. Сарин подавила довольную усмешку: Ройэл разрешил ей остаться за столом, и ему придется позволить ей высказаться.

– Говорите, принцесса, – сдержанно предложил пожилой придворный.

– Господа, – искренне начала Сарин, – вы пытались найти способ упразднить правление Йадона, которое приравнивает способность принимать мудрые решения к получению барыша. Вы утверждаете, что глупость данной системы приносит народу одни лишь муки.

– Это так, – сухо подтвердил Ройэл. – И что же?

– Ну если нынешнее правительство настолько плохо, зачем стараться его свергнуть? Почему бы не помочь системе уничтожить саму себя?

– Что вы имеете в виду, госпожа Сарин? – с интересом спросил Иондел.

– Поверните создание Йадона против него и заставьте короля осознать свой провал. Тогда можно будет надеяться, что вам предоставится случай предложить более разумный способ правления.

– Заманчиво, но невыполнимо, – покачал многочисленными подбородками Эхан. – Может, Раоден бы и выкрутился, но нас слишком мало.

– В самый раз. – Сарин поднялась со стула и стала прохаживаться вокруг стола. – Что надо сделать, господа, так это вызвать в аристократии зависть. Если к нам примкнет значительная часть дворянства, план не сработает.

– Продолжайте, – попросил ее Иондел.

– Какой у системы Йадона самый большой недостаток?

– Она поощряет знать к жестокому обращению с народом, – ответил граф. – Король постоянно угрожает дворянам, отбирая титулы у тех, кто теряет доходы. Так что те, в свою очередь, в отчаянии выжимают из людей последние соки.

– Получается замкнутый круг, где алчность и страх заменяют верность, – согласился Шуден.

Сарин продолжала кружить по комнате:

– Кто-нибудь из вас проглядывал отчеты арелонского производства за последнее десятилетие?

– Они существуют? – с интересом спросил Эхан.

Принцесса кивнула:

– У нас в Теоде – да. Удивитесь ли вы, господа, если я скажу, что уровень доходов Арелона резко упал после прихода Йадона к власти?

– Ничуть. Нас постиг ряд неудачных лет.

– Удачу творят короли, лорд Эхан! – Сарин взмахнула рукой. – Самое грустное в правлении Йадона не только то, что он несет горе людям и губит дух государства. Отчаяние вызывает тот факт, что, несмотря на наносимый народу ущерб, дворянство не процветает. В Теоде мы прекрасно обходимся без рабов, милорды. Даже Фьерден отказался от рабства, потому что там обнаружили более выгодный вариант, – они открыли, что лучше всего люди работают на себя.

Принцесса позволила словам повиснуть в воздухе. Гости в раздумье молчали.

– Продолжайте, – наконец попросил Ройэл, не сводя с нее внимательных глаз.

– Скоро начнется посевная. Я предлагаю вам разделить свои земли между крестьянами. Дайте каждому участок поля и предложите десять процентов от урожая. Пообещайте им в будущем разрешение на выкуп земли и жилищ.

– Вы предлагаете трудное решение, принцесса, – протянул герцог.

– Я еще не закончила. Вам следует хорошо кормить своих людей, милорды. Одевать и обеспечивать всем необходимым.

– Мы не звери, Сарин, – запротестовал Эхан. – Некоторые лорды жестоко обращаются с крестьянами, но их бы никогда не приняли в общество. Наши люди не страдают от голода и холода.

– Я верю вам, милорд, – продолжала принцесса. – Но люди должны чувствовать, что их ценят. Не отдавайте их другим хозяевам и не ссорьтесь из-за них. Докажите народу свою заботу, и они беспрекословно отдадут вам сердце и трудовой пот. Не следует считать, что процветания заслуживает лишь небольшая часть населения.

Сарин остановилась позади своего стула. Она видела, что лорды размышляют над ее предложением, но перемены пугают их.

– Подобные новшества несут с собой немалый риск, – заметил Шуден.

– Риск, равный нападению на короля во главе армии Иондела? Если мой план не сработает, вы потеряете часть денег и толику гордости. Если сорвется атака достопочтимого генерала, вы потеряете головы.

– Она права, – поддержал принцессу Эхан.

– Во многом, – согласился Иондел. Хоть он и был солдатом, но чувствовал облегчение от мысли, что не придется сражаться со своими согражданами. – Я готов попробовать.

– Тебе легко говорить. – Эдан заерзал на стуле. – Если крестьяне разленятся, ты можешь отправить на поля легионеров.

– Мои воины охраняют тракты, лорд Эдан, – засопел генерал. – Их помощь необходима, я не могу отозвать их оттуда.

– И тебе неплохо платят за их услуги, – злобно откликнулся молодой барон. – А у меня все доходы идут с ферм; и хотя мои земли кажутся обширными, посерединке проходит эта чертова

трещина. Я не могу разрешить работникам бездельничать. Если они не посадят картофель, а потом не окучат и не соберут его, я лишусь титула.

– Ты и так его лишишься, – подсказал Эхан.

– Хватит, – приказал Ройэл. – Эдан тоже прав. Откуда нам набраться уверенности в том, что, если мы дадим работникам свободу, они соберут обильный урожай?

Эдан согласно закивал:

– Всем известно, что арелонские крестьяне ленивы и не любят трудиться. Единственный способ добиться от них желаемого – применить строгость.

– Они вовсе не ленивы, милорд, – ответила Сарин. – Они озлоблены. Десять лет – не такой долгий срок, и они помнят время, когда над ними не стояли хозяева. Пообещайте им независимость, и они приложат все усилия, чтобы добиться ее. Вы еще удивитесь, когда увидите, какую прибыль принесет свободный, трудящийся на себя человек по сравнению с рабом, которого не заботит ничего, кроме следующего обеда. Поставьте себя на их место и подумайте, в каком положении вы бы работали лучше.

За столом снова воцарилось задумчивое молчание.

– Ваши слова во многом звучат разумно, – кивнул Шуден.

– Но у принцессы нет доказательств, – возразил Ройэл. – Жизнь до реода сильно отличалась от сегодняшней. Элантрийцы обеспечивали всех пищей, и страна могла обойтись без крестьян вообще. Теперь мы лишены подобной роскоши.

– Тогда помогите найти доказательства моей правоты. Пожертвуйте парой месяцев, и мы создадим собственные живые свидетельства.

– Мы... подумаем над вашим предложением, – ответил герцог.

– Нет, лорд Ройэл, вам придется принять решение сейчас. Помимо всего прочего, я верю, что вы – патриот. Вы знаете, что пойдет ей во благо, а что нет. Не убеждайте меня, что никогда не ощущали вины за то, что сотворили с Арелоном.

Сарин с тревогой вглядывалась в герцога: пожилой придворный произвел на нее приятное впечатление, но принцесса не могла знать, стыдится ли он перемен в Арелоне. Она положила на его доброе сердце, жизненный опыт и надежду, что он понимает, в каком упадке находится королевство. Падение Элантриса послужило первой каплей, но алчность дворянства усугубила крах некогда великого народа.

– Нас всех ослепили Йадоновы обещания богатства, – прозвучал голос Шудена. – Я последую совету ее высочества.

Темнокожий джиндосец повернулся к Ройэлу и кивнул. Его решение давало герцогу возможность согласиться, не теряя лица.

– Хорошо, – вздохнул придворный. – Ты мудрый человек, лорд Шуден. Если ты считаешь, что план принесет удачу, я ему последую.

– Кажется, у нас нет выбора, – согласился Эдан.

– Любые действия лучше ожидания, – заметил Иондел.

– Правда. Я согласен.

– Остался я один, – внезапно понял Эхан. – Ой-ой. Что мне делать?

– Лорд Ройэл согласился крайне неохотно, – сказала Сарин. – Неужели вы последуете его примеру?

Толстяк разразился громким смехом, колыхаясь всем телом:

– Что за восхитительная девушка! Ладно, придется мне одобрить план от всего сердца и твердить, что принцесса была права с самого начала. А теперь, Киин, я надеюсь, что ты не забыл о десерте. Я слышал, как расхваливают твои сласти.

– Забыть десерт? – проскрипел Киин. – Эхан, ты меня обижаешь!

С улыбкой он поднялся из-за стола и исчез в дверях кухни.

– Она знает свое дело, Киин, возможно, даже лучше меня, – донесся до Сарин голос герцога Ройэла.

Принцесса замерла. Попрощавшись с гостями, она отправилась на поиски умывальной комнаты, думая, что все уже разошлось.

– Сарин очень необычная молодая женщина, – услышала она голос дяди.

Голоса доносились с кухни. Девушка неслышно подкралась поближе и затаилась за дверью.

– Она выхватила контроль над собранием у меня из рук, а я все еще не могу понять, где совершил ошибку. Тебе следовало предупредить меня.

– И дать тебе возможность вывернуться? – рассмеялся Киин. – Давненько уже никому, даже Эхану, не удавалось утереть тебе нос. Тебе пойдет на пользу напоминание, что даже лучших из нас можно застать врасплох.

– Хотя ближе к концу она чуть не проиграла, – размышлял герцог. – Я не люблю, когда меня зажимают в угол, Киин.

– Я пошла на рассчитанный риск, милорд, – произнесла Сарин, распахивая дверь и входя на кухню.

Ее появление не удивило Ройэла. Он продолжал, как будто ничего не случилось:

– Вы практически угрожали мне, Сарин. Плохой способ для убеждения союзников – особенно старых сморчков вроде меня. – Герцог с Киином сидели у кухонного стола за бутылкой фьерденского вина, в еще более непринужденной обстановке, чем та, что царила за ужином. – Несколько дней не повредят делу, а я бы, несомненно, предложил вам поддержку. Я всегда считал, что тщательно обдуманное согласие гораздо надежнее, чем то, что дано из-под палки.

Сарин кивнула и, достав с полки стакан, налила себе вина и присела к столу.

– Я понимаю, Ройэл, – если придворный отбросил формальности, то и она тоже, – но остальные прислушиваются к вам, доверяют вашему мнению. Мне требовалось больше чем поддержка – и я знала, что вы ее предложите, – мне требовалась открытая поддержка. Остальные должны были убедиться в вашем согласии немедленно; через несколько дней это было бы не так эффективно.

– Возможно, – ответил Ройэл. – В одном я уверен, Сарин: вы принесли нам надежду. Раньше нашей путеводной нитью служил Раоден – теперь его место займете вы. Мы с Киином не годимся; он слишком долго отказывался от дворянства, а люди, что бы они ни утверждали, охотнее пойдут за громким титулом. Я же... Всем известно, что Йадон создал безумную машину, которая теперь медленно поглощает Арелон, с моей помощью.

– Это все давно в прошлом. – Киин положил руку на плечо герцога.

– Нет, – качнул головой Ройэл. – Как сказала прекрасная принцесса, десять лет – капля в жизни страны. Я совершил огромную ошибку.

– Мы исправим ее, – ободряюще произнес Киин. – Принятое сегодня предложение принесет плоды, возможно, оно даже лучше плана Раодена.

Ройэл улыбнулся:

– Из нее получилась бы подходящая жена для принца.

Киин согласно кивнул:

– Превосходная. И отличная королева. Пути Доми часто недоступны смертным умам.

– Не уверена, что мы лишились принца по воле Доми, – пробурчала в свой бокал Сарин. – Вам не приходило в голову, что принц умер насильственной смертью?

– Ответ на твой вопрос будет пахнуть изменой, Сарин, – предостерегающе произнес Киин.

– Не более чем сегодняшняя беседа за столом.

– Мы обвиняли короля только в жадности, – заметил Ройэл. – Убийство родного сына – совсем другое дело.

– Но вы подумайте. – Принцесса взмахнула рукой и едва не опрокинула бокал. – Раоден противостоял королю во всем, высмеивал его на глазах придворных, накапливал за его спиной силы сопротивления. И люди любили его. И, что важнее всего, обвинения, которые он предъявлял Йадону, – правда. Разве может монарх позволить такому человеку свободу действий?

– Да, но убить собственного сына? – Герцог недоверчиво покачал головой.

– Подобное случалось и раньше, – напомнил Киин.

– Верно. Но я не знаю, действительно ли Раоден мешал королю так сильно, как вы предполагаете. Принц не призывал к восстанию, а всего лишь указывал на ошибки. Он ни разу не сказал, что Йадона следует лишить короны, он только утверждал, что правительство посадило себя в лужу. И это действительно так.

– Неужели никому не показалась подозрительной внезапная смерть принца? – Сарин задумчиво отпила вина. – Причем так вовремя? Йадон добился союза с Теодом, но теперь ему не нужно волноваться о возможных наследниках сына.

Киин переглянулся с герцогом и пожал плечами:

– Я думаю, что нам следует допустить возможность убийства, Ройэл.

Тот с сожалением кивнул:

– И что мы собираемся предпринять? Искать доказательства, что Йадон убил собственного сына?

– В знании – сила, – просто ответила принцесса.

– Согласен, – откликнулся Киин. – Но только ты имеешь свободный доступ во дворец.

– Я посмотрю, что смогу обнаружить.

– Можем мы допустить, что он жив? – спросил Ройэл. – Король мог похоронить двойника, причем полное сходство не обязательно: грудная лихорадка сильно уродует людей.

– Возможно, – с сомнением признала Сарин.

– Но вам так не кажется.

Принцесса покачала головой:

– Когда король решает уничтожить соперника, обычно он выбирает более надежный метод. Слишком много ходит историй о потерянных наследниках, которые провели двадцать лет на лоне природы, а потом возвращаются, чтобы занять законный трон.

– И все же Йадон не так жесток, как ты думаешь. Когда-то он был неплохим человеком, за исключением алчности. За последние несколько лет с ним произошли крупные перемены. Но я считаю, у него осталось достаточно совести, чтобы не пойти на убийство принца.

– Хорошо, – положила конец спору Сарин. – Я пошлю Эйша порыскать по королевским темницам. Он такой зануда, что не уgomонится, пока не разузнает имя последней тюремной крысы.

– Эйш – ваш сеон? – поразился герцог. – Где он сейчас?

– Я послала его в Элантрис.

– В Элантрис? – воскликнул Киин.

– По неизвестным причинам фьерденский джьерн заинтересовался Элантрисом, – пояснила принцесса. – А меня учили никогда не упускать случая выяснить, куда направлены интересы джьернов.

– Ты придаешь слишком много значения поступкам одного-единственного жреца, Ин.

– Не просто жреца, дядя. Джьерна.

– И все же он один. Какого вреда ты от него ожидаешь?

– Спроси у Дюладелской республики, – ответила принцесса. – Кажется, именно он посетил их незадолго до катастрофы.

– У нас нет твердых доказательств, что за их падением стоит Фьерден, – заметил Ройэл.

– У Теода есть, но ему никто не поверит. Помяните мои слова – этот джьерн принесет стране больше бед, чем Йадон.

Разговор замер. Предаваясь своим мыслям, они потягивали вино, пока не появился Люкел с вернувшейся из гостей семьей. Он кивнул Сарин, поклонился герцогу и налил себе вина.

– Подумать только, – обратился он к Сарин, – ты стала полноправным членом мужского клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.